

Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (II)

Челябинск

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Роч=Рус)1
Ф54

Редакционная коллегия сборника:

*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *Г.А. Кайнова*

Филология и лингвистика: проблемы и перспективы (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (Челябинск, апрель 2013 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2013. — vi, 104 с.
ISBN 978-5-903618-71-2

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Филология и лингвистика: проблемы и перспективы (II)».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Роч=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**Григоренко Г.И.**

Поэзия XXI века – «бронзовый век» русской литературы. Целостный анализ лирического стихотворения И. Жданова «Соломенную кладку полусвета...» 1

Кувватова Д.Х.

Жанр поэмы в творчестве Эркина Вахидова. 3

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Анкушина Ю.П.

Воспитательное значение исторической литературы для подрастающего поколения 5

Громова М.В.

Мотивы и образы метафизической поэзии в лирике Г. Кружкова 6

Просоедова М.Н.

История литературной панорамы Мурманска 12

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Ураева Д.С.

Толкование народных поверий связанных с культом верблюда в узбекском фольклоре. 16

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гашева Л.П., Губайдуллина Н.Ю.

Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов ... 19

Мансури А.К.

Искусство летописания Байхаки 22

Михилев А.Д., Фель Е.Л.

Трактат Жана Дютюра «Дела идут в ширпотребе» (Ça bouge dans le prêt-à-porter) как сатира на современную журналистику» 27

Павлова А.В.

Значение повествования от лица автора в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» 32

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамова Е.К.

Отказ от понимания как форма коммуникативного поведения 35

Батурина О.А.

Репрезентанты концепта «Любовь» в русском языке (на материале произведений Б.Л. Пастернака). 38

Головнёва Ю.В., Константинова В.С.

Метафоры внутреннего мира человека в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» 40

Гудзенко Д.В.Процессуальные фразеологические единицы категории «межличностные отношения»
со значением контакта. . . . . 43**Гулямова Ш.К.**

Ряд эвфемизмов, используемых в публицистическом стиле 46

Гуреева Л.В., Козьмина Н.А.Упражнения, направленные на предъявление и активизацию лексического материала на занятиях
со студентами специальности энергетический менеджмент . . . . . 48**Козиолова Е.И., Серова Т.С.**Стилистические особенности русскоязычной, молодежной, коммерческой рекламы
(на материале печатных изданий для женщин) . . . . . 50**Мишина Н.О.**

О смыслах и единицах синтаксиса 52

Моргун Е.А.

К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов 55

Мусатова Г.А.Уступительные сложносочиненные предложения с союзами *но, да* . . . . . 57**Плотникова И.Д.**

Особенности реализации категории вежливости в немецком молодежном журнале «Bravo» 60

Руднева М.А.Глагол *have*: взаимодействие качественных и количественных факторов в историческом развитии . . . 62**Скрипникова А.И.**Эколингвистика. Медийный экологический дискурс (на примере казахстанской двуязычной газеты
«Экологический курьер») . . . . . 64**Сукиасян Е.А.**

Специфика внешних семантических связей адвербиальных фразеологизмов 67

Тележкина О.А.Трансформированные фразеологизмы и авторские афоризмы в поэтических произведениях
Дмитрия Павлычко . . . . . 69**Тоирова Г.И.**

Дискурсная система и её структура 72

Цветкова А.Н.

Контраст как механизм создания концовки в композиции английской народной сказки 74

Черепанова Е.А., Янкубаева А.С.

Актуализация субъекта донативного действия в макросфере «человек» 77

Шалагина М.А.Варианты употребления слов «заучить», «переучить» и соответствующие им эквиваленты
в английском языке. . . . . 79**6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ****Килина Т.С.**Милитарная метафорическая модель, репрезентирующая концептуальное поле «современное
российское образование» (на материале комментариев интернет-пользователей) 82

Мартыненко М.Г.

Анализ телевизионных новостей с позиций книги Ю.М. Лотмана «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» 85

Якунина М.Л.

Интернет-язык как средство функционирования веб-личности 88

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**Абдулганеева И.И.**

Словообразовательные форманты интенсификации в художественном языке М.А. Шолохова и способы их передачи на немецкий язык 92

Ванслав М.В., Крюковский В.О., Дукуп Т.Ю.

Перевод терминов в сфере внешней торговли с английского на русский язык 94

Ванслав М.В., Ярв И.В., Ивлева Е.С.

Особенности перевода деловых писем и контрактов 96

Кашкарева О.Н.

Концепт «weiblichkeit» / «женственность» в современном немецком языке 98

Ткачивская М.Р.

Песенная цитата как интертекстуальная единица и ее воспроизведение (на примере немецкоязычных переводов произведений Юрия Андруховича) 100

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Поэзия XXI века – «бронзовый век» русской литературы. Целостный анализ лирического стихотворения И. Жданова «Соломенную кладку полусвета...»

Григоренко Галина Ивановна, учитель русского языка и литературы
МКОУ «Лузинская СОШ №1» (Омская обл.)

Поэзию начала 21 века пора назвать «бронзовым веком» в русской литературе. Именно на переломе столетий поэзия становилась предвестником перемен. А у нас произошла смена не только века, но и тысячелетия. И только поэту доверен полет души человечества.

Иван Фёдорович Жданов — родился 16 января 1948 года в селе Усть-Тулатинка Чарышского района Алтайского края, одиннадцатый ребенок в семье крестьянина, раскулаченного и сосланного на Алтай. Когда Ивану было 12 лет, семья переехала в Барнаул, и в 16 лет Жданов пошёл работать на завод «Трансмаш». Окончил вечернюю школу. Учился на факультете журналистики МГУ, исключён, завершил учебу в Барнаульском педагогическом институте. Активно участвовал в неофициальной литературной жизни Москвы, начиная с 1975 года. Первая публикация в газете «Молодёжь Алтая» в 1967 году. Первая книга «Портрет» принесла Жданову всесоюзную славу, вышла в 1982 году и получила широкий резонанс в советской печати. Лауреат Премии Андрея Белого (1988), первый лауреат Премии Аполлона Григорьева Академии русской современной словесности (1997), лауреат литературно-кинематографической премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2009). Эпизодически обращался также к поэтическому переводу и к эссеистике на литературные темы (в частности, о Державине, о Булгакове).

Хочу представить поэта всего лишь одним его стихотворением. Предупреждаю, что до хороших стихов нужно дорасти, что «душа обязана трудиться».

Соломенную кладку полусвета
С морозным утром связывает тихо
Снег, сохранивший пристальность воды.

Где снега нет, где лед с начинкой окон,
Березового сока сонный шорох
Разводы оставляет на стекле.

Лед плавает в воде, как деревянный.
Уже не надо слушаться древесных
Намеков, многошумных и немых.

Уже не знаешь, как дышать на стекла.
За этим вдохом снег ли будет таять
Иль погружаться в воду талый лед?

Все обретает пристальность воды.

Стихотворение о весне, но в нем такая философская глубина и многогранность, что его сложно воспринимать неподготовленному читателю. «Это не стихотворение, в нем нет даже рифмы», — заявит иной верхогляд-критик. А может, действительно, стихи — это удел избранных, не только поэтов, но и читателей: «душа должна быть крылатой»

Это стихотворение зрелого поэта, который не боится быть непонятым, это стихотворение человека, знающего себе цену, не стремящегося понравиться. Написано оно на рубеже века 20 и 21. Все-таки наступает третье тысячелетие, нужно очиститься от скверны, дать совет, указать путь к спасению. Но скажет это поэт только избранным, понимающим и чувствующим то, что вылилось в строки, как поток сознания или как исследование человеческой души.

Анализировать стихотворение интересно на любом уровне. Трехстрочные строфы с одинаковым количеством слогов в строчках — 11–11–10, вот он ритм.

Завораживающая интонация сопровождает философский шедевр в каждой строфе, очень напоминающей по количеству строк, по завершенности и афористичности мысли японские хоку, количество слогов только не 5–7–5. Вопросительное предложение делает мировое пространство стихотворения вселенским, вечным и открытым.

А последняя строка звучит предостережением: «Все обретает пристальность воды» «Пристальность воды» —

это внимание того, что дано для очищения, самосовершенствования и, в крайнем случае, как напоминание о библейском потопе.

Стихотворный размер определяется легко:

Со-ЛО\ менн-у\ ю-клАд\ ку-по\ лу-свЕ\ та

Где-снЕ\ га-нЕт\ где-лЕд\ сна-чИн\ кой-О\ кон

Это пятистопный ямб с пиррихией. Сбой на ритмико-интонационном уровне происходит на словах «снег, лед, всё». Автор отстраняет эти слова от слова «вода», словно созданного для ямба. При анализе лексики становится понятно почему.

Первая строка стихотворения написана так, чтобы дилетанту стало понятно, что он свободен. Ему дальше читать не надо. Строка шокирует поэтическим хулиганством. Возможное словосочетание «Соломенный полусвет» — красиво, романтично и другие «ах, ах, ах», т.е. обыденно. Но слово «кладка» — стилистический нонсенс, «соломенная кладка полусвета» — авторское изобретение — это метафорическая цепочка, в которой слова, переплетаясь, приобретают все новый и новый смысл. И это принцип построения всего стихотворения: бесконечные нюансы в значениях слов, рассыпающиеся образы, читатель, словно в зазеркалье, открывает что-то новое для себя за одним образом, а за ним другой, а потом третий, просто бесконечные цепочки метафор, мегаметафоричность, что является отличительной чертой поэзии Ивана Фёдоровича Жданова.

Словосочетание «соломенная кладка» существует в русском языке, но связано оно с соломой, т.е. неживыми стеблями, которые человек хранит не в чудесных стогах, копнах, а брикетами, блоками, скрученными, спрессованными, искореженными в соломенных кладках тюков.

Следующее слово усиливает негативное впечатление, это многозначное слово «полусвет» Это слабый утренний свет в одном значении и ироническое обобщение 19 века об обществе не светском, которое оторвалось от естественности, не достигло своих меркантильных целей, но имеет еще возможность вернуться к истокам, душе. Только вернется ли. Захочет? Вот он — 21 век. В полусвете полусветом смотрим и видим уже не солнечные лучи, а солнечную кладку. Страшно! Где же выход? В чем спасение? Ответ дан поэтом:

Соломенную кладку полусвета

С морозным утром связывает тихо

Снег.

Не кладка к-д-к, а мороз, тишина, снег.

Звукопись такая: с-с-с-з-с-з-х-с!

Вспомните историю потопа, оглянитесь вокруг, осознайте происходящее и восхититесь талантом поэта, его даром предвидения. Автор верит в очистительную силу стихии воды, весеннее обновление. Вода очистит и защитит от горестей, бед, заблуждений, ошибок, соблазнов, омоет душу, разум, тело... Морозным утром вода — это «... снег, сохранивший пристальность воды» «Лед с начинкой

окон» За каждым словом бесконечная цепочка метафор.

Пристальный взгляд. Внимание пристальное. Пристальность воды — напряженность, неотрывность, сосредоточенность наблюдающей за происходящим изначальной стихии, природы — матери, которая всматривается в мир, в человека. Пристальность воды — это критерий чистоты, честности, это внимание к вам и ваше видение глубин, это вы во всем и повсюду. Это ваше отражение, ваше сознание. Все взаимосвязано. Снег — вода — лед — окно — березовый сок — стекло — лед — вода — снег — вода — лед — вода и дальше по кругу. На 10 строк 10 слов о воде

«Лед с начинкой окон» — метафоры у поэта неоднозначны: 1) льдины похожи на стекло, 2) в них отражаются окна, 3) видно через лед, как через окно. Образ окна неоднозначен — окна между мирами (реальным — ирреальным, материальным — духовным, миром вечности — миром сего дня)

Березовый сок — это тоже портал между мирами, миром внутренним, духовным и внешним, материальным.. Детские впечатления малой родины и разводы березового сока на стекле льда. Окно в окне, зеркальность создается внесюжетным образом бессмысленно и жестоко раненой березы. Когда на стекле льда разводы, то нет чистоты, перестает оно служить окном, выходом в мир спасения.

Картина мира представлена в 6 строчках: кладка — полусвет — тихо — сонный шорох (хотя ранили), разводы на льду. Это восприятие мира лирическим героем, которое совпадает с восприятием поэта. В 21 веке мир был таким в первом десятилетии.

Образность, бесконечно глубокий смысл видим в 3 строфе. «Лед плавает в воде, как деревянный» «Древесные намеки, мног шумные и немые» Образ дерева, бесчувственного, сонно шуршащего соком, терпеливо несущего крест. Политически звучащая строфа. Плохо и терпеть, и бестолково шуметь, и молчать. Нужно вернуться к истокам, не плавать в воде, а быть ею.

Эфир — это целостный мир воды (снег, лед, сок березовый), воздуха (мороз, дыхание), земли (береза). Выход автор предлагает в 4 строфе. «Дышать на стекла... вдохом», за вдохом снег будет таять. Образ окна — это образ связи между мирами, (причастность подчеркивается и глаголами 2 лица, и вопросительной интонацией). Вдыхая на стекла, лирический герой топит снег в себе, в себе превращает в воду талый лед, т.е. утрачивает красоту и аморфность снега и деревянные свойства льда. Только вода дарит мудрость, мысли текут, как вода, вода успокаивает, лечит. Если все обретает качества воды, тогда ответственность должна быть перед всем. К сожалению, мир несовершенен. Как и все глаголы в этом стихотворении. Уйти от этого несовершенства автор не смог. Но, проанализировав стихотворение, начать путь к истокам можно с себя.

Попробуйте «вдохом на стекло» вернуться от суетности к себе, чтобы все обрело «пристальность воды».

Жанр поэмы в творчестве Эркина Вахидова

Кувватова Дилрабо Хабибовна, кандидат филологических наук, доцент
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

Герой Узбекистана, народный поэт Эркин Вахидов вошёл в историю узбекской поэмы в 70-х годах XX века. Он, используя классические и современные традиции творил лучшие поэмы. Вес известно, что в узбекских поэмах есть свои жанровые виды. Таковы жанровые виды, как лиро-эпический («Родник Орзу», «Бахмал»), лирический («Нидо», «Страна солнца»), поэма-хроника («Поэма написанная в палатке»), философский («Мятеж духов») определили основное кредо поэм Э.Вахидова второй половине XX века.

Поэма «Нидо» принесла поэту известность. Поэма отражает военную реальность. В ней история рассказывается от имени лирического «Я». И этим лирическим «Я» является сам поэт. Наверное, поэтому произведение носит лирико-автобиографический характер. В поэме отображены воспоминания, связанные с детством поэта и о его отца, погибшего на войне, которые раскрыты путём переживаний и чувств.

Литературовед Н.Рахимджанов, говоря о поэмах 60–70-х годов, относит «Нидо» к лирико-психологической поэме. Он пишет: «Концепция художественного внедрения в разных аспектах истории 60–70-х годов привело к появлению новых и новых исследований в системе средств изображения, которые, объединившись в одно целое, воспроизводят разные виды лирической поэмы. В частности, в монологе лирического «Я» расширились возможности в системе поэтического мышления и углубились философские («Ташкентнаме»), публицистические («Дороги», «Моя махалля»), психологические («Нидо»), ассоциативные элементы мышления» [1].

К этому мнению можно присоединиться. Потому что в поэме «Нидо» через монологи лирического «Я» переданы разные психологические состояния.

Литературовед У.Норматов называет «Нидо» поэмой-элегия и обосновывает следующим образом: «Произведение написано подобно элегии полного горя и торжественности, присущего к героическим поэмам» [2].

В действительности, поэма-элегия является одним из внутренних видов лирической поэмы и имеет синкретический вид. Через монолог лирического героя в произведении проявляется дух печали. Герой, воспевая героизм и подвиг своего отца на войне, гордится тем, что его отец сражается за народ. Этим и определяется дух торжественности произведения.

Поэма «Эхо Ташкента» написана в результате методических исканий в 70-х годов. Литературовед У.Норматов пишет: ««Эхо Ташкента» и «Страна солнца» написана в духе гимна, касыды» [3].

Поэма «Эхо Ташкента» можно считать логическим продолжением «Поэма, написанная в палатке». Так как

обе поэмы написаны в качестве символа любви к городу Ташкенту.

«Поэма, написанная в палатке» создана в 1966 году, в дни Ташкентского землетрясения и в ней реально раскрыты те исторические моменты, когда все народы — и большой, и малый протянув руку помощи Ташкенту, смогли вновь его воздвигнуть.

Поэма «Эхо Ташкента» создана через 17 лет после «Поэмы, написанная в палатке». Она посвящена 2000-летию Ташкента. В действительности созданию этой поэмы послужило письмо маленькой девочки Дилором, которая своей детской душой почувствовала трагедию тех дней землетрясения. Накопленное на атласное платье 5 сум Дилором передаёт на постройку нового Ташкента, и просит их использовать на строительство детского сада. Героизм маленького сердца затронул душу Э.Вахидова. На протяжении всей поэмы поэт мысленно прогуливается с маленькой девочкой по улицам Ташкента. Таким образом, он передаёт свою безграничную и теплую любовь к Ташкенту.

По сюжету и композиции поэма «Родник Орзу» выделяется тем, что в ней ярко выражен дух народности. Поэт назвал её «Сказкой чёрного моря», потому что произведение написано в форме общения лирического героя с морем. Лирический герой просит море рассказать о легендах, припрятанных в своих недрах. И тут море заговорило и стало рассказывать печальную сказку прошлой жизни. В этой сказке рассказывается также история любви Орзу и пастуха Огадуст. В сказке умело использованы народные традиционные мотивы и образы. В частности, Орзу, не зная как выразить свою любовь к Огадуст, просит совета у родника. Родник учит её написать любовное письмо, завернуть в лепесток цветка и пустить по течению воды. Такой же мотив влюбленности встречается и в узбекском народном дастане «Кунтугмиш». В дастане Холбека во сне видит Кунтугмиш и влюбляется в него. Затем просит художника нарисовать его портрет и, положив в золотой сундук пускает по реке.

В духе Огадуст и Кунтугмиш имеется своеобразная схожесть. Сидя возле родника Огадуст увидел в воде цветок, раскрыв его, находит письмо и читает. После чего «как Меджнун бежит во все стороны». Этот эпизод напоминает «Кунтугмиш». Во время охоты Кунтугмиш на берегу реки видит плавающий сундук. Его подчиненные достают сундук из реки, открыв его показывает портрет. Тут Кунтугмиш теряет сознание. Э.Вахидов обновив этот традиционный эпический мотив, наполнил её современным духом.

Появившаяся в 30-х годах XX века поэма Эркина Вахидова «Родник Орзу», продолжив своеобразные тра-

диции лиро-эпической поэмы нового типа, ещё более обогатила её форму и содержание.

Поэма «Мятеж духов» по определению литературоведов считается вершиной творчества Э. Вахидова. Литературовед У. Норматов называет «Мятеж духов» философской, трагический, героической поэмой: «Мятеж духов» по форме своеобразное новаторское произведение. Она состоит из синтеза поэтической формы ритма, эмоциональности, разные цвета символизируют жизненные эпизоды легенды и т. д». [4] Чтобы раскрыть судьбу Назрул Ислама поэт использовал несколько методов. Легенды в произведении помогают раскрыть образ Назрул Ислама. Этот метод моделизации. «Легенда о невежестве», «Легенда о вечности», «Легенда о преданности» занимает важное место в композиции произведения. Все эти легенды являются важным средством

выявления характера бенгальского поэта Назрул Ислама, боровшегося за свободу своего народа. При этом поэт выдвигает философские взгляды на жизнь. В частности, может ли жить человек вечно? Из чего состоят факторы, определяющие его вечность? В течение чтения произведения читатель находит ответы на эти вопросы. Человек может прожить один целый век. Но человеческая жизнь измеряется не прожитыми годами, а совершенными добрыми делами. Жизнь героев борющихся за свободу, как и жизнь Назрул Ислама, соотносится вечностью. Исходя из этих качеств «Мятеж духов» можно отнести к философским поэмам.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что Э. Вахидов плодотворно работал в жанре поэмы. Он создал самые яркие образцы лирической и лиро-эпической поэмы.

Литература:

1. Рахимджанов Н. Жанр поэмы в узбекской литературе.
2. Норматов У. Қўнгилларга қўчган шеърят. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2006, 26-б.
3. Норматов У. Қўнгилларга қўчган шеърят. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2006, 26-б.
4. Ўша манба, 26.б.

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Воспитательное значение исторической литературы для подрастающего поколения

Анкушина Юлия Петровна, преподаватель русского языка и литературы
ГБОУ СПО «Соликамский педагогический колледж им. А.П. Раменского» (Пермский край)

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

Кто не знает эти всем известные строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»? В них поэт описал ту славную пору национальной истории, когда весь народ дал отпор непрошеным врагам, когда каждый, чувствуя себя частицей народа, ощущал себя «богатырем» [3, с. 9]. И мы вспомнили о них не случайно.

В 2012 году наша страна отметила памятное событие: 200-летие со дня Победы в Бородинском сражении. Эта поистине грандиозная дата не осталась незамеченной. И средства массовой информации, и музеи, и школы, и библиотеки постарались напомнить нам, взрослым и детям, как важно не только знать свою историю, но и уважать ее, то есть тех людей, которые сделали возможным наше сегодняшнее существование.

В наш стремительно бегущий вперед 21 век актуальны мобильность, способность перестраиваться в быстро меняющихся условиях, но не менее актуальным остается вопрос памяти: а кто мы такие, откуда наши предки, чем мы можем гордиться и что недопустимо забывать.

«История — наставница жизни», — говорили древние и были правы. Действительно, люди, особенно в сложные и переломные периоды для общества, стремятся отыскать в историческом прошлом ответы на самые злободневные вопросы. Рассказывать о выдающихся соотечественниках, великих полководцах, вспоминать тех, кто «делал» историю, — значит, прививать подрастающему поколению уважение к истории Родины и ее защитникам, чувство гордости за свою страну. Константин Федорович Рылеев писал: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине» [4, с. 114]. Поэтому важно учиться любить свое Отечество, а помочь в этом может историческая литература, дающая прекрасные и возвышенные образцы человеческого патриотизма и самоотверженного служения своему народу и государству.

Писатель, как и историк, может воссоздать события и облик прошлого, опираясь на исторические данные, но в

то же время он идет по пути творческого вымысла, без которого искусство не было бы искусством. Писатель может изображать не только то, что было, но и то, что могло бы быть. Достаточно вспомнить яркий пример: роман-эпопею Льва Николаевича Толстого «Война и мир», где автор берет за основу войну 1812 года (хотя в процессе работы уходит дальше в прошлое до 1805 года), по-своему осмысливает ее, выводя на первый план частные судьбы героев, влияющих на общий ход истории.

Отражение истории в художественной литературе, глубина постижения художником исторического процесса тесным образом связаны с развитием исторических, социологических и общественных наук, с разработанностью тех или иных исторических тем и проблем в исторической науке, с уровнем обработки исторических источников. Подлинно художественные исторические произведения проникнуты историзмом, дающим объективную оценку и не подстраивающимся в угоду времени и моде. Вместе с этим в них присутствует и народность (ощущение себя как части своего народа), и преемственность (так называемая связь поколений). Поэтому лучшие образцы исторической художественной литературы представляют эстетическую и познавательную ценность. Историческая художественная литература способна не только нарисовать ушедшую эпоху (быт, психологию ее представителей и их деятельность), но способна и эмоционально воздействовать в яркой, живой и образной форме, приобщать к истории широкие круги читателей, в особенности молодежь. Несомненно и то, что историческая художественная литература имеет огромное воспитательное значение, поэтому со времени ее возникновения и развития было разработано множество жанров.

Историческая литература начинается национальным эпосом, который есть практически у любого народа, верящего в непобедимость своих героев и нерушимость границ. Так, русский народ создавал былины, воспевая образы богатырей, чья деятельность направлена на безопасность, могущество и славу Русской земли:

... Вы чините везде такову славу,
Что Святая Русь не пуста стоит,
На Святой Руси есть сильны могучи богатыри.
(Первые подвиги Ильи Муромца)

Былины — это память народа о своем прошлом и его самоутверждение среди других народов. Действительно справедливо замечание, что «у великого народа должны быть великие предки-герои» [1, с. 10].

Христианство привносит новые источники, родники исторической литературы, например, расширение за счет житий православных мучеников и святых. Достаточно вспомнить первых русских святых князей Бориса и Глеба, Александра Невского, князя Дмитрия Донского, святого подвижника Сергия Радонежского. Житийная литература положила начало первым историческим биографиям. А художественные биографии выдающихся людей Руси и России — это в высшей степени воспитательная литература, которая давала не только образцы подвижнической жизни, но и утверждала основными ценностями духовные приоритеты, любовь к Отечеству.

Одним из важнейших жанров рукописной исторической литературы Руси были летописи — хроники жизни и деяний государственных деятелей, описания важнейших событий. «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве» — это история государства, страны в лицах и их деяниях.

Новый импульс к развитию исторической литературы для подрастающего поколения в России был дан Н.М. Карамзиным его «Историей государства Российского» (1816—1818). Внимание к русской древности, к корням исторической и духовной жизни было подпитано исторической победой России над Наполеоном в 1812 году (в том числе это и выше упомянутые произведения М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого). Показательна «История России в рассказах для детей» А.О. Ишимовой, написанная в форме беседы:

Литература:

1. Былины/ Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. — М.: Сов. Россия, 1988. — с. 10, 109.
2. Ишимова А.О. История России в рассказах для детей. — СПб., 1993. — с. 5.
3. Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения/ Ред. кол.: Беленький Г., Николаев П. и др.; Сост., вступит. Статья и примеч. В.Коровина. — М.: Худож. лит., 1987. — с. 9, 110.
4. Рылеев К.Ф. Предисловие к отдельному изданию «Дум» // Рылеев К.Ф. Сочинения. — М., 1988. — С. 114.
5. Ян В.Г. Никита и Микитка: Исторический рассказ. — М.: Дет. лит., 1983. — 64 с. — (Маленькая историческая б-ка).

«Милые дети! Вы любите слушать рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебниках. Но, верно, для вас еще приятнее будет слышать не сказку, а быль, то есть сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков» [2, с. 5].

Несомненно, что автор «Истории» обладает и педагогическим, и художественным, и историческим видением материала.

Историческое в произведениях для детей сочетается с нравственно-назидательным, волшебнo-сказочным и приключенческим. Дидактическое не декларируется, но преподносит «пример для подражания», потому что ребенок неосознанно стремится подражать. И сегодня важным остается чтение того, что уже состоялось в литературе. Это произведения и Анатолия Митяева, и Сергея Алексеева, и Василия Яна. У последнего из этих авторов есть замечательный исторический рассказ «Никита и Микитка», в котором говорится о том, как учились боярские и крестьянские дети во времена Ивана Грозного и как Микитка стал учеником русского первопечатника Ивана Федорова (ок. 1510—1583). В талантливо написанных исторических произведениях для детей автор обязательно апеллирует не только к детской осведомленности о каких-то событиях, но и к чувствам персонажа, к сопереживанию героя и читателя. Очень важна и нравственная составляющая такой литературы: сохранение человеческого в себе возможно при условии памяти, связи поколений «деды-родители-дети». Поэтому руководитель детского чтения, обращаясь к исторической литературе должен помнить об этом и заботиться, чтобы осмысление истории в сознании ребенка происходило правильно.

Мотивы и образы метафизической поэзии в лирике Г. Кружкова

Громова Мирослава Владимировна, аспирант

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Григорий Кружков — известный поэт, филолог, переводчик англоязычной поэзии на русский язык, в том числе лирики английских поэтов-метафизиков — Дж. Донна, Э. Марвелла. Г. Кружкову принадлежат переводы поэзии Томаса Уайетта, Джона Китса, Уильяма Йейтса,

Джеймса Джойса, Роберта Фроста, Уоллеса Стивенса, Спайка Миллигана, Редьярда Киплинга, Шеймаса Хини, Алана Милна и др.

Перевод стихотворения Редьярда Киплинга «За цыганской звездой», пожалуй, самая известная работа Г. Круж-

кова. Благодаря фильму Э. Рязанова «Жестокий романс», баллада Р. Киплинга обрела новую жизнь. Она была положена на цыганскую мелодию и стала необычайно популярна.

Помимо этого, Г. Кружков занимает особое место в русской поэзии XX столетия, являясь автором шести поэтических книг: «Ласточка» (1982), «Черепашка» (1990), «Бумеранг» (1998), «На берегах реки Увы: Стихотворения» (2002), «Гостя» (2004), «Новые стихи» (2008). На сегодняшний день его творчество практически не изучено, хотя представляет несомненный интерес и является важной составляющей литературного процесса.

Автор популярен и как детский писатель. Книга «Нос картошкой» в 2006 году на международной книжной ярмарке была удостоена звания «Книга года». Также в 2010 году Г. Кружков был отмечен премией имени Н.В. Гоголя Союза писателей Санкт-Петербурга в номинации детской литературы и премией имени Корнея Чуковского.

Неотъемлемая часть его творчества — многочисленные литературные исследования и эссе, часть из которых помещены в книге «Ностальгия обелисков. Литературные мечтания» (2001).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы изучить творчество Г. Кружкова в контексте традиций метафизической поэзии.

Многие годы Григорий Кружков работает над переложением поэзии Джона Донна на русский язык. Его переводы помещены в поэтической антологии «Английская лирика первой половины XVII века» (1989), а также в книгах «Избранное» (1994) и «Алхимия любви» (2005). Рецепция метафизической поэзии Джона Донна занимает важное место в творчестве Григория Кружкова. Поэт далекой эпохи является значимой фигурой для нашего современника, его влияние мы находим и в собственном творчестве автора.

Джон Донн (1572–1631) — английский поэт, крупнейший представитель метафизического направления. Как правило, Дж. Донна, Дж. и Э. Гербертов, Г. Кинга, Дж. Кливленда относят к группе первых английских метафизиков, к их последователям причисляют Р. Крэншо, Г. Возна, Э. Марвелла и др.

Т.С. Элиот в работе «Поэты — метафизики» говорит о сложности определения метафизической поэзии, а в особенности о поэтах и стихотворениях, действительно следующих метафизической практике. Поэт и исследователь полагает, что в лучших своих произведениях, поэты-метафизики «бились над разрешением задачи: как найти словесный эквивалент для описания состояний разума и чувства» [10, с. 45].

По мнению Е.А. Иконниковой, под метафизической поэзией уже в XVII веке подразумевалось «новое духовное содержание языка, выходение его за рамки конкретности, однозначности прямоты высказывания, умения в единой словесной конструкции связывать между собой предметы и явления традиционно далекие друг от друга, несоотносимые, противоречивые» [3, с. 7].

Размышления Григория Кружкова о метафизической поэзии нашли отражение в его статье «Сложная речь (еще о метафизике)» (2001). Исследователь полагает, что метафизическая поэзия в первую очередь декоративна, хотя это не обозначает того, что вся декоративная поэзия метафизична: «А лишь та, что требует известных усилий для своего разжевывания, ибо активно использует инструментарий науки, философии, богословия и т. п.». [7, с. 20].

На сегодняшний день поэзия Г. Кружкова под углом зрения функционирования в ней метафизической традиции практически не изучена, хотя представляет несомненный интерес и является важной частью литературного процесса.

Традиции метафизической поэзии XVII ст. нашли отражение в творчестве Г. Кружкова. Кроме того, автор прилагает установки метафизической поэзии в своих литературоведческих работах при разборе поэтического творчества коллег по цеху (Б. Ахмадуллиной и С. Кековой).

В поэтическом творчестве Г. Кружкова лирический герой предстает в разных обличьях. Например, в образе беспризорного Пьеро, блуждающего среди декораций и шахматных квадратов, вечно тоскующего по дому в этом монохромном мире:

Мальчик беспризорный,
Бредишь до утра ты
Среди бело-чёрных
Шахматных квадратов! [4, с. 15].

Здесь находим отголоски карнавальной культуры Средневековья и традиции комедии дель арте:

На лице синьоры —
Будто грима пятна.
Листья, как суфлёры,
Шелестят невнятно... [4, с. 14].

Одним из ключевых образов поэзии Кружкова является время в его быстротечности и неотвратимости:

Гулко, долго слышен
Бой часов на башне.
В механизме старом
Лязганье и трепет —
Терпит все удары,
Ахает, но терпит [4, с. 15].

Образ часов, ощущающих все удары как личную боль, связан с мотивом времени, идеей бренности жизни, особенно актуальной для поэтики барокко и выраженной в философском изречении-концепте «Vanitas».

Значительный пласт художественного осмысления лирики Григория Кружкова занимает библейская тематика. Выражая свой духовный поиск, автор возрождает традиционные для метафизической лирики жанры монолога-

обращения — «разговора с Богом». Однако, в отличие от религиозной поэзии, в лирике Г. Кружкова Бог может упоминаться не только в «высоком», а бытовом контексте, хотя он и остаётся вершиной мироздания:

От бабы требовать того же, что от Бога, —
Я полагаю, в том есть мудрости не много.
Бог — это Абсолют, а женщина — звено
В цепи земных причин; уж так заведено [4, с. 197].

В стихотворениях Г. Кружкова неоднократно возникает образ ковчега, как места, наполненного надеждой и верой в спасение:

Я не знаю, что это такое, ковчег или плотик —
Плоть от плоти прадедова ковчега,
но плывем мы на нем от последнего снега
до первого снега [4, с. 69].

Фрагмент процитирован из стихотворения «Ковчег», в котором плывут мальчик, юноша и старец, представляющие различные поколения земных жителей. В заключении возникает образ горы Арарат — символа спасения и жизни, в которой каждому воздастся «по его разумению и вере».

Иногда автор вписывает библейский сюжет в иронический контекст, как в стихотворении «Большой разлив у Серпухова». Весеннее половодье жителями Серпухова воспринимается как всемирный потоп:

А Серпухов гудел, как балаган,
Играли лужи в море-океан,
Старушки в них искали ходу-броду... [4, с. 16].

Даже библейский образ Ноя представлен читателю в комическом ключе:

И старикашка Ной, педант сердитый,
Наружу глянул, бледный и небритый,
И вглубь отпрянул, и исчез во мгле [4, с. 17].

Далее ковчег трансформируется в самодельный корабль, над которым кружат голуби, предвещающие спасение.

Как представляется, Г. Кружкову близки идеи божественного порядка в мире, когда Бог выступает архитектором действительности, а лирический герой — это человек, способный усмотреть мудрый уклад миропорядка. Все знания и умения человека имеют некую пользу или промысел, так что даже экзотические занятия, вроде умения подковывать блоху (стихотворение «Левша»), вызывающее возглас: «Дается ж людям бесполезный дар!», оборачивается умением отделить большое от малого, важное от второстепенного и даёт иной угол при взгляде на мир:

А все масштаб. Подумай: я и ты —
Из космоса, и даже с самолета...

На нашу жизнь посмотришь с высоты —
Какая ювелирная работа! [4, с. 26].

Заметим, как риторика, свойственная эпохе барокко, оттеняется деталями современного мира, достижениями человечества из XX века (упоминания космоса, самолёта). Бог-творец мира предстаёт ювелиром, тонким мастером, создавшим мир, как сокровище. Можно провести параллели со стихотворением Б. Пастернака «В больнице», заканчивающейся строками:

Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр [9, с. 158].

Как видим, мотивы и образы метафизической поэзии воспринимаются Г. Кружковым не только через переводимых им английских поэтов-метафизиков, но и посредством метафизической традиции в русской поэзии XX века. Вспомним, что именно с одного из ранних стихотворений Б. Пастернака («Марбург», 1916) Г. Кружков начинает отсчёт традиций метафизической поэтической школы в России.

Тема творца и творчества оригинально преломляется в стихотворениях Г. Кружкова, посвящённых теме перевода. Переводчик подбирает слова, стараясь подобрать ключик к загадке смысла. Так, в стихотворении поиск нужного слова представляется как почти волшебное действие, сравнимое с тщательным осматриванием родинки ребёнка матерью, боящейся, как бы эльфы не подменили дитя:

Так, от отчаянья на волосок,
В болезненном и страшном напряженье
Ищу я слово, взгляд или намек —
Родимое пятно стихотворенья [4, с. 44].

Посещение часовщика и размышления о формах времени становятся для лирического героя стимулом для словотворчества и стихотворчества:

Но, глядя времени в лицо,
Я подобрал одно словцо.
[...]
Иже еси на небеси,
Мне душу *перекорпуси* [4, с. 41].

Первая строка молитвы из «Отче наш» является прямой отсылкой-обращением к Богу, которого лирический герой просит «перекорпусить», т.е. перекроить его душу. Герой ощущает себя как будто часовым механизмом в руках Бога. И этот образ, отдающий терминологической точностью и вместе с тем построенный на далеких ассоциациях, несомненно, перекликается с традицией английских поэтов-метафизиков эпохи барокко.

Апелляции к сакральному в творчестве Г. Кружкова не раз соседствуют с темой переводческой деятельности,

которая мыслится автором как творческий, в чём-то демиургический процесс. Переводчик находится на границе между чётко регламентированной сферой (точность перевода) и безграничным полем творчества (выбор формы, поиск нужного слова и т.д.). Суть его непростая:

Переводчик мирен. Уж так он скроен.
Между двух полей, ни в одном не воин.
Оттого-то и зад у него раздвоен.

С виду он неподвижнее баобаба,
В землю, как половецкая врос он баба.
Но внутри он — камень с небес. Кааба [4, с. 118].

Внешняя монументальная и грубоватая форма дополнена божественным содержанием. Священный камень Кааба в переводе с арабского носит символическое имя «священный дом», так и переводчик является вместилищем таланта, которому придаётся сакральное значение. Его работа как песнь, вдохновлённая Богом:

...Тихо в поле. В глазницах кремнёвых сухо.
Зачинается песнь от Святого Духа.
Это камень поет — приложите ухо [4, с. 118].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет цикл стихотворений «Испанские галлюцинации и другие стихи, написанные в Вермонте». По комментариям Г. Кружкова мы узнаем, что эти стихотворения написаны «жарким летом» в Нориджском университете в Вермонте, под впечатлением поэзии Федерико Гарсия Лорки (1898–1936) [4, с. 333].

Отметим, что Г. Кружков переводил стихотворения испанского поэта («Заброшенный дом», «Маленький венский вальс»). Более того, он обращается к образу Ф.Г. Лорки, чтобы описать состояние души лирического героя:

Перевернувшаяся лодка
одинок на свете,
как Федерико Гарсия Лорка
в Колумбийском университете [4, с. 157].

В таком остроумном сравнении в стиле кончетти отражен реальный жизненный факт. Ф.Г. Лорка действительно провёл несколько месяцев в США в 1929–1930-м годах, живя в Колумбийском университете и общаясь преимущественно с испанцами [8].

Однако это не единственная ветвь диалога с поэтами предшествующих эпох, к творчеству которых обращался и переводил Г. Кружков. Обратим внимание, что к первой части цикла «Песни потерпевшего кораблекрушение», из которого были процитированы строки о Ф.Г. Лорке, взят эпиграф из сонета английского поэта XIX века Дж. Китса:

O Solitude! If I must with thee dwell...

Это строка из стихотворения «Пусть, Одиночество, с тобой сам-друг...» (перевод В. Потаповой), известного также как сонет «К Одиночеству». В своё время (написано двадцатилетним поэтом в октябре 1815 года) оно стало первым опубликованным стихотворением английского романтика. Интересно, что эпиграфами к стихотворениям Г. Кружкова становятся строки из произведений авторов, которых он переводил (Дж. Донн, Дж. Китс) или же строки русских поэтов, чьи эстетические установки ему близки (Б. Пастернак, А. Блок).

Стихотворение «Вечер поэзии в Тринити-Колледж» предваряется эпиграфом из Б. Пастернака: «Гул затих. Я вышел на подмостки...» [Кружков 2008: 48]. Стихотворение «Гамлет» из цикла стихотворений Юрия Живаго (роман «Доктор Живаго») даже в годы полуофициального запрета творчества Б. Пастернака было известно благодаря В. Высоцкому, который читал его перед каждым спектаклем в Театре на Таганке. У Г. Кружкова видим соединение, во-первых, известного образа из пастернаковского произведения и, во-вторых, проживание самим поэтом этой роли во время выступления перед иностранными студентами:

Сила невежества, собранная в пучок,
Невероятна. Знающий себе цену
Старый поэт начинает дёргаться, как дурачок,
В фокусе этих лучей, устремлённых на сцену [5, с. 48].

Оригинально высказался по поводу этого стихотворения критик В. Губайловский: «Старый поэт не рэпер, он брать зал не умеет, а залу его стихи не нужны. И тогда культура уходит. Кажется, ей и места-то на Земле не осталось» [2, с. 93].

Итак, поэт у Г. Кружкова — это переводчик и знаток литературы, человек, видящий большое в малом, угадывающий в случайных деталях вселенские законы и Божий замысел.

Касательно особенностей поэтики Г. Кружкова, критиками отмечалось, что «его оригинальные стихи постоянно откликаются на вибрации тысячелетнего пространства мировой культуры — от греков до Китса и от Кэрролла до наших дней» [2, с. 94].

Несмотря на профессиональное умение предельно точно выразить чужой, а значит и свой поэтический замысел, в лирике Г. Кружкова находим и многоуровневые конструкции. Сложный синтез различных поэтик, приёмов, литературных и мифологических образов находим, например, в стихотворении «Назвался Одиссеем. (Капитан Немо — Тихону Браге)»:

Назвался Одиссеем — полезай к Полифему,
назвался Немо — молчи, таись и скрывайся,
и даже когда Морфей приведет морфему
к тебе в постель — молчи и не отзывайся [4, с. 134].

В герое древнегреческих мифов Одиссее, попавшем в плен к циклопу Полифему, угадывается переводчик, по-

падающий в плен переводимых им литературных произведений. Кроме того, видим многочисленные литературные отсылки: от народной поговорки «Назвался груздём — полезай в кузовок» до строки знаменитого стихотворения «Silentium» Ф.И. Тютчева («Молчи, скрывайся и тай...»). Народное остроумие сочетается с глубоким философическим текстом русского поэта XIX века, которого считают одним из первых продолжателей традиции метафизической поэзии в России.

Языковая игра, построенная на аллитерациях и омонимии корней («Морфей приведёт морфему»), передаёт непрерывность творческого процесса — нужные слова приходят к герою и во время сна.

Мифологических персонажей, данных в связи с размышлениями поэта о своём месте в мире, встречаем и в других произведениях Г. Кружкова. Например, в стихотворении «Полуполоманная судьба...»:

Это не Дант, а страх говорит,
не Вергилий, а тот же страх заклятый,
ибо то же, что нам отбивает ритм,
отбивает носы у статуй [4, с. 136].

Образы «Божественной комедии» Данте вызывают множество аллюзий у подготовленного читателя (а многие стихотворения Г. Кружкова, как представляется, предполагают наличие у читателя определённой литературной эрудиции). Кроме того, в данном стихотворении особенно явно просматривается влияние творческой манеры раннего И. Бродского. Например, написанные простыми словами размышления об окружающих вещах, поданные как философские рассуждения, подкреплённые анжанбе-маном на стыке строф:

Всякая вещь хороша, пока нова,
она мудренее старой,
без конца вываривающей навар
из уже не дающей навар

кости. Вещь отказывается вещать
и переходит в разряд шуток,
которые не стоит включать
ни в сеть, ни в список местных диких [4, с. 136].

Рассматривая книгу Г. Кружкова «Новые стихи», Е. Абдуллаев в способности «не прятать «влияния», но честно вывешивать их, как часть собственно фамильной геральдики» видит положительную сторону поэзии Г. Кружкова. Исследователь цитирует слова именно И. Бродского: «Подлинный поэт не бежит влияний и преемственности, но зачастую лелеет их и всячески подчеркивает» [1, с. 181].

По мнению исследователя, среди русских поэтов XX ст. особенно близок Кружкову Н. Заболоцкий:

Среди деревьев тоже нет согласия
Во взглядах на бытийственность природы [5, с. 54].

Называя статью о Г. Кружкове «Тихий классик», Е. Абдуллаев оговаривает, что понятие «классик» использует здесь не в оценочном смысле, но «именно как принадлежность классике, той важной традиции, которая продолжает давать поэзии свет и глубокое, ровное дыхание» [1, с. 182].

Связь с классикой в творчестве Г. Кружкова глубока и естественна. Например, в стихотворении «Гобелен» перед читателем разворачивается такая картина:

Гумилев с Мандельштамом, как лев с антилопой,
прогуливаются по Летнему саду, по Серебряному веку.
На скамье Труффальдино шушукается с Пенелопой,
из-за Зимней канавки доносится кукареку [4, с. 138].

Два поэта-акмеиста начала XX века помещены в привычный для них пространственный и временной контекст — Летний сад в эпоху Серебряного века удостоился особенно многих поэтических посвящений. Этот сад, разбитый ещё при Петре Первом, был излюбленным местом прогулок жителей города, но именно в начале XX века он приобрёл романтический ореол. Поэт помещает на скамью сада персонаж итальянской комедии дель арте Труффальдино, известного также благодаря комедии Карло Гольдони «Слуга двух господ» (1749). Как мы помним, Г. Кружков порой своего лирического героя обряжает в облик Пьеро («Ночные прогулки Пьеро»), поэтому выскажем предположение, что в рассматриваемом стихотворении Труффальдино также является альтер-эго лирического героя.

Труффальдино сидит на скамье рядом с Пенелопой — героиней древнегреческих мифов, женой Одиссея, ждавшей его возвращения с Троянской войны на протяжении 20 лет и ставшей символом женской верности. Образ Одиссея также встречаем у Г. Кружкова (в стихотворении «Назвался Одиссеем. (Капитан Немо — Тихону Браге)»), причём в контексте разговора о ремесле переводчика. Таким образом, если наше предположение верно и образ Труффальдино отражает одну из ипостасей лирического героя Г. Кружкова, совершенно неудивительно, что он «шушукается» с Пенелопой, как с хорошей знакомой — переводчику знакомы все его «подопечные».

Поэт старается передать напряжённую обстановку нависшей угрозы посредством стилистических художественных приёмов, в частности метафоры: «Скоро, скоро, видать, розовоперстая жахнет...» [4, с. 138].

Отметим что, уточнённое слово «розовоперстая» ассоциируется с образом Авроры — богини утренней зари в римской мифологии. Но у Г. Кружкова, учитывая исторические реалии и контекст строки («жахнет»), речь идёт скорее не об утренней заре, а о крейсере, названном в её честь. Здесь имеем дело с двойной метафорой, поскольку выстрел Авроры метафорически обозначает начало Октябрьской революции 1917 года, начало новой, иной жизни.

Благодаря столь усложнённым метафорическим конструкциям Г. Кружкову удаётся сохранить светлый

образный ряд стихотворения, но в то же время в его строках чувствуется тревога за судьбы поэтов.

Размышления о времени, о смене эпох, о месте человека в этом мире занимают большое место в творчестве Г. Кружкова и всегда даны относительно взгляда вверх — к небу и небесным сферам. Заметим, что даже при вполне очевидных библейских аллюзиях и образах стихи Г. Кружкова далеки от религиозности, но сближаются с лучшими образцами метафизической поэзии.

В стихотворении «Говорили: грядет, и она настала» Г. Кружков размышляет о перемене эпох — непростом времени для человека. Автор обращается к читателям как к друзьям:

Говорили: грядет, и она настала;
Может быть, вам, друзья, показалось мало?
Может быть, вам она показалась серой
По сравнению с прежней, ушедшей эрой? [5, с. 73].

Поэт с некоторой тоской констатирует, что, несмотря на обилие красок на рекламах, происходит утверждение материальных ценностей («Надо думать, что думают в банке деньги»), утеря романтики, свойственная прежним эпохам.

В цикле стихотворений «Слепи себе другого человека», мы обнаруживаем наиболее последовательное отображение традиций метафизической поэзии в лирике Г. Кружкова. Для этих стихотворений характерны философские размышления, высказанные разговорным тоном, библейские реминисценции и утонченные метафоры. Например, в стихотворении «Снег заменяет горожанам горы...»:

Снег заменяет горожанам горы,
покинутым влюбленным — поцелуи,
неверующим — церковь. В декабре,
покинутые светом, мы живем
замерзшими личинками сиянья [5, с. 31].

Снег становится универсальной метафорой чего-то бего (правдивого), идущего свыше (от Бога), покрывающего человека и дарящего ему свет, которого очень не хватает в зимний период. Он неожиданно касается лиц прохожих, как будто даря поцелуя. Церковь не нужна неверующим, но видящим снег, который воплощает нечто светлое и чистое, спускающееся сверху, как лестница Иакова, по которой:

нисходят ангелы, которых любим,
и, с нами побывав,
восходят вновь во тьму над фонарями [5, с. 31].

Литература:

1. Абдулаев Е. Тихий классик // Дружба народов. — 2009. — № 7. — С. 181–182.
2. Губайловский В. Книжная полка В. Губайловского. О книге Григория Кружкова «Новые стихи» // Новый мир. — 2009. — № 7. — С. 192–199.
3. Иконникова Е.А. Краткий словарь метафизической поэзии. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГу, 2000. — 96 с.

Лирико-философское размышление в сочетании с библейскими аллюзиями и личными авторскими впечатлениями переходит в последней строфе в обращение к читателю:

Слепи себе другого человека
и, прутик в руки дав, оставь стоять
перед подъездом — чтобы о тебе
он, как о существе другой природы,
всю ночь, всю ночь томился и горел [5, с. 31].

Примечательно, что Г. Кружков предлагает человеку поучаствовать в акте творения, как это ни преувеличенно звучит, когда речь идет о лепке снеговика. Более того, поэт предлагает человеку оставить снежную фигуру на улице, отправившись в дом с мыслью, что только что созданное «дело рук человеческих» может быть наделено чувствами к своему творцу.

В такой удивительной метафоре Г. Кружков приобщает человека к мысли о том, что каждый из нас может быть творцом. В то же время, предложенное простое занятие (лепка снеговика) выглядит почти детским, правда, именно детям свойственны «чистое» познание и неподдельные чувства. Таким образом, подкреплённая размышлениями о внутреннем мире человека и окружающем его огромном мире, лепка снеговика помогает читателю представить (точнее, вообразить), что мог бы чувствовать Бог, сотворив человека.

Поэт осознаёт, что далеко не каждый человек может сказать, что он «томился и горел» по своему создателю. Однако, даже самые большие скептики, позволившие себе взглянуть на красоту природы (в данном случае снег), ощущают особенную связь всего сущего, задумываются над основами мироздания. В этом и проявляется особенность поэзии Г. Кружкова, заставляющей читателя задуматься о себе и о мире, видеть большое в случайной детали.

Отметим, что в поэзии Г. Кружкова отражается синтез интеллектуального и эмоционального начал с игровыми приёмами стиля, что является одним из основных качеств метафизической поэзии XVII столетия.

Таким образом, в лирике Г. Кружкова, можно проследить реконструкцию модели мира эпохи барокко, которая в полной мере была отражена в творчестве английских поэтов-метафизиков, воспринята автором через поэтические переводы из этих поэтов и своеобразно трансформирована современностью, историческим и культурным опытом в его собственном творчестве.

4. Кружков Г.М. Гостя. — М.: Время, 2004. — 400 с.
5. Кружков Г.М. Новые стихи. — М.: Воймега, 2008. — 80 с.
6. Кружков Г.М. Ностальгия обелисков. Литературные мечтания. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — С. 704.
7. Кружков Г.М. Сложная речь: еще о метафизике // Арион. — 2001. — №2. — С. 17–24.
8. Малиновская Н. Самая печальная радость // Федерико Гарсия Лорка. Избранные произведения в двух томах. Том первый. Стихи. Театр. Проза. — М.: Художественная литература, 1976.
9. Пастернак Б.Л. Избранное: в 2-х кн. Кн. 1.: Стихотворения и поэмы / Сост. В.Г. Смолницкий. Е.Б. Пастернак. — М.: Просвещение, 1991. — 254 с.
10. Элиот Т.С. Поэты-метафизики // Литературное обозрение. — 1997. — №5. — с. 42–46.

История литературной панорамы Мурманска

Просоедова Марина Николаевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ №17 (г. Мурманск)

Мурманск всегда притягивал внимание художников слова. По-другому, наверное, быть и не может. Несмотря на типовую застройку разных времен и небольшое количество памятных мест — наш город имеет свое обаяние, не поддаваться которому невозможно. Этот средний по российским меркам город — самый крупный за полярным кругом. Именно он должен был стать по проекту последнего российского императора «городом будущего», здесь гитлеровские войска так и не сумели сломить волю мурманчан ежедневными бомбардировками. Сюда в 60-х и 70-х гг. съезжались люди со всей страны в поисках лучшей доли, верили — что здесь это возможно. Многие остались, несмотря на все трудности. Потому что этот город, с одной стороны, самый обычный, каких много по просторам нашей земли — с хрущёвками, девятиэтажками, провинциальным бытом и культурой. Да еще и с тяжелым климатом, утомительной, долгой зимой и отсутствием нормального лета. А с другой стороны — нет города загадочней и удивительней.

Почему люди любят этот край? Что заставляет их каждый раз возвращаться сюда? Ответы на эти вопросы ищут мурманские поэты. Ищут и находят.

Цель нашей работы: проанализировать историю развития литературы в творчестве современных поэтов Кольского Севера (Мурманской области) за период 1996–2007 годы.

Задачи: рассмотреть наиболее характерные черты, проследить его эволюцию в данных временных рамках, выявить своеобразие образа города Мурманска в творчестве поэтов этого периода и сравнить с творчеством поэтов 60–80-х годов.

Объект исследования: стихи современных поэтов, появившиеся в печати в данные годы. Предпочтение при анализе отдавалось молодым поэтам, так как, по нашему мнению, их видение образа города Мурманска представляется нам наиболее интересным, потому что оно свободно от штампов предыдущей эпохи и еще не заполнено штампами следующей.

Методы исследования: комплексный анализ текста произведений, сравнение, наблюдение, синтез.

Актуальность: образ города Мурманска представлен в сознании большинства мурманчан образцами творчества 60–80 гг. При всей ценности этих произведений необходимо выявить, как воспринимается этот образ новым поколением.

Новизна: в исследовании мы отдавали предпочтение молодым авторам, уже имеющим печатные работы, но еще не получившим полные критические отзывы на них. Кроме того, мы брали и произведения уже известных авторов, появившиеся в указанные годы.

Литературная панорама Мурманской области представляет обширный и разнообразный материал для воспитания подрастающего поколения.

Литература Кольского Севера традиционно ведет свой отсчет с 40-х годов XX-го века. А именно — с творчества Александра Подстаницкого. Этому поэту принадлежат строки, во многом предопределившие поэтическое восприятие нашего города: «Мурманск, город мой широкоплечий, / Грудью дамб улегся на залив. / День ушел. У окон бродит вечер, / У причала сердится прилив...» [8, с. 33]. В стихотворении «Мурманск вечером» перед нами предстает образ города-морьяка, города-труженика, города-воина, бесстрашного, сильного и строгого, в чем-то наивного и простодушного, но всегда готового к бескорыстному служению Родине. Подобное восприятие города не было чем-то необычным в те годы: у Константина Бельхина, Александра Решетова мы найдем подобные образы Мурманска: «город беспокойных людей», «смелых и веселых моряков-большевиков».

Во время войны в стихотворных строках поэтов того времени усиливаются черты образа города-воина, не заслоняя, а лишь иногда оттеняя уже обозначенные: «Город-порт заснеженный и гордый, / Вечно у экзотики в плену, / Город — порт у Кольского фиорда, / Мужественно встретивший войну» — пишет Раиса Троянker [21, с. 42].

Северные мастера поэтического слова последующих лет каждый по-своему дополняли и расширяли этот образ. Представим лишь несколько примеров: «Распахнув россиянам двери / На просторы морских широт, / Мурманск людям надежным верит, / Их как друг настоящий ждет...» (Владимир Матвеев) [6, с. 43]. «Стоишь ты в конце лукоморья, / Мой Мурманск, мой мачтовый город, / И ветры, посланцы Гольфстрима, / Про море тебе трубят...» (Виктор Тимофеев) [20, с. 67]. «...Город юнг и капитанов, / Моря брат и океана брат!... / Далеко твои простерлись дали, / Ты за них спокоен, ими горд. / Корабли пахаты моря устали / И передохнуть заходят в порт...» (Александр Прокофьев) [11, с. 45].

В поэтических произведениях с 60-х до 80-х гг. преобладает позитивное восприятие северного города. Характерны такие эпитеты, как «добрый», «нежный», «верный», «гордый», «откровенный», «мудрый», «теплый». Даже эпитет «суровый» лишен негативной окраски. Поэты, как правило, отмечают тесную связь города с морем: «Мурманск — многопалубный корабль» (Игорь Давиденко) [22, с. 28]. В большинстве произведений присутствуют такие детали, как корабль, чайка, пристань, волны, порт, даже названия улиц порой связаны с морем: «Белые ночи притихшие. / Город к заливу швартуется. / Чутко вздремнула под крышами / Рядом Прибрежная улица...» (Виктор Синицын) [6, с. 33]. Трудности северного климата воспринимаются как положительный, экзотический момент: «Но как бы Мурманск штормом ни качало, / Не жгло метелью, скрученную в жгут, / Горжусь: здесь океан берет начало, / Пути морские здесь отсчет берут...» (Виктор Тимофеев) [20, с. 104]. Почти отсутствует конкретизация деталей, город возникает как единое целое, одушевленное, живущее своей жизнью, и в то же время — как часть огромной страны. Характерно для того времени романтизированное восприятие города, его идеализация и даже мифологизация: «С порога — тропка на вершину мира, в окошко справа — Арктика видна» (Борис Романов). Определенное восприятие переносится и на людей, живущих в этом городе — они все связаны с морем, мужественны, трудолюбивы, добры и честны, хотя иногда и бесшабашны: «И днем, и ночью, круглый год / Живет и трудится не зря — / Делами славит / Рыбный порт / Надежных докеров семья...» (Владимир Матвеев) [6, с. 27]. «До свиданья, Мурманск, / До свиданья. / Жди назад с добычей / Рыбаков!» (Николай Гудовский) [6, с. 45].

Так большинством поэтов воспринимались город и горожане в то время, а все плохое, негативное отбрасывалось, как досадное недоразумение. Обыденное просто не замечалось.

Уже с середины 90-х годов образ Мурманска в произведениях местных поэтов начинает приобретать иные черты. Он становится более конкретным и четким, появляется много деталей: улицы, люди, дома, черты городского повседневного быта и т.п. Город перестает быть только морским, хотя некоторые образы морской тема-

тики могут сохраняться, а иногда автор может об этом и не упоминать. В целом образ Мурманска теряет свой романтический ореол, но в то же время приобретает реалистические черты — как положительные, так и отрицательные. Меняется и лирический герой — это уже не некий обобщенный образ, а конкретный человек, мурманчанин, переживающий вместе со своим городом и горести и радости.

В творчестве Максима Салтыкова, молодого поэта 90-х годов, город предстает таким: «Израненные улицы-морщины, / Мужчины суетливые как женщины / И женщины как пьяные мужчины — / И плачут и смеются без причины...» [15, с. 10]. В этих строках основной мотив — боль, усталость, суета, причем суета безысходная, не приносящая результата. Здесь уже нет плакатной мужественности: мужчины уподобляются женщинам, а женщины — мужчинам, причем в самых неприятных, отрицательных своих качествах. Город показан как издерганный больной усталый человек, не понимающий, как прекратить эту изматывающую его сутолоку, которой нет конца: «... Улиц — километры, герцы, тонны...» [15, с. 34]. Это город суеты и одиночества: «Я спешу. Меня никто не ждет» [15, с. 9]. Он угрожающ, он порождает нечто странное и неживое: «Холод. Молот. Голод. / Заметенные снегом проспекты... / Город. Странное имя. / Тени каменных гнезд. / Картоном смёрзшимся плит бетонных / Время высится и растет...» [15, с. 10]; «Кружатся заснеженные улицы, / Катятся беззвучной горькой музыкой...» [15, с. 9].

И сами люди — не люди, а просто выживающие существа, одержимые низменными желаниями продать-купить: «Я звеню продрогшим гордым хохотом / На багровый люд торговых сот...» [15, с. 9]. Это город, у которого нет настоящего, а будущее его неясно: «Город спит, умирает, мчится / Неприкаянную ездой...» [15, с. 10]; «Станный город. / Каменные сны. / Нового потопа ожиданье» [15, с. 34].

Подобные мрачные мотивы восприятия Мурманска встречаются и в других произведениях того времени: «Город ночью злей и проще, / Да и я в его горсти — / Пешеход с кошелкой тощей / И трудны мои пути...» — так говорит в своем стихотворении Дмитрий Коржов [5, с. 5]. Город и человек одиноки во враждебном мире, во времена темные, неопределенный, трудные, вокруг не дороги, а «...угрюмые тоннели», а дворы только проходные. Либо город становится послушным инструментом природы: «Искусный ветер музыкант. / В холодных, но живых руках / Звучат дворы, проулки, крыши — / Прислушайся! И ты услышишь» [5, с. 25].

И все-таки даже в эти смутные годы многие традиционные, романтические черты, присущие образу Мурманска, сохраняются в стихах молодых поэтов: «Город мой — ветка, дрожащая на ветру. / Тонет в снегах и туманах он поутру. / Лица обветренные, губы упрямо сложенные. / Город мой — это характеры, на скалы похожие», «Черного неба овал бездонный, / Катер на рейде стоит полусонный...». Таким видит Мурманск Галина Си-

ротинская [18, с. 16]. Такой город, по мнению автора, не может одолеть безвременье. Беззащитность и твердость одновременно даются как его характерные черты. Этому городу трудно, но эти трудности подобны природным явлениям, от них никуда не уйти, но это не трагедия, их надо просто пережить, и городу это под силу.

Об этом же пишет в то время и поэт Николай Колычев: «Мурманск — это взморье и взгорье, / Берег — негде спрятаться лжи. / Скалы обрываются в море / Резко и внезапно, как жизнь...» [11, с. 74–75]. Более того, город воспринимается как важная и необходимая часть огромной страны, и в какой-то мере гарант ее сохранности: «Я стою, с трудом поднимаю / Тяжесть непонятной вины. / Это — край, дошедший до края / Некогда бескрайней страны» [11, с. 74–75]. Несмотря на то, что автором обыгрывается многозначное слово «край» в значении граница, предел географический и предел моральный, в стихотворении ясно прочитывается надежда не только на светлое будущее города, но и всей страны.

В произведениях середины 90-х годов встречаются и такие описания: «Город лег в ладони сопки, / Белым куполом накрылся, / Распушив небесный хлопок, / Замер, словно затаился, / Провожая тусклым взглядом / Бег унылых электричек. / Ждет замерзшая ограда / Стаю красногрудых птичек» (Наталья Стефаненко) [19, с. 20]. Кажется, обычная зимняя зарисовка, красивая картинка. Однако эпитеты «унылые», «замерзшая», «тусклый», да и образ железной ограды создают печальное, элегическое, даже тревожное, настроение.

Разрушение романтического образа города, произошедшее в 90-х годах, было во многом обусловлено положением в стране, преобладающими настроениями безысходности, неуверенности в будущем.

Новые настроения в изображении Мурманска появляются в начале нового века: «И взрываются лужи / Огнями бесчисленных радуг. / Просыпается город / От долгого зимнего сна. / ... Эти странные люди / Чему они все-таки рады? / А тому, что настала / Банально-святая весна» (Петр Свиридов) [12, с. 157].

Новые изменения, обретение надежды и устойчивости в стране отражаются в образе весны. Этот образ очень характерен для произведений того времени. Он связан с переменами, которые происходят в жизни общества: «И латаются давние дыры, / И сплетаются трубы-концы, / И ковры волокут из квартиры / На сквозняк и на солнце жилыцы. / Неужели в обыденный вторник / От весны весь народец чудной? / Расскажи-ка чумбаровский дворик, / Что случилось опять со страной...» (Владимир Сорокажердьев) [13, с. 180]. «Растаял снег на тротуарах... / От света поотвыкшие дома / Глядят на мир спокойно и устало — / Водой становится зима...» (Дмитрий Коржов) [13, с. 270–271]. «И яркое небо синее / Над городом милым моим. / И радостней мне и вольнее, / Стою благодатно пред ним...» (Татьяна Агапова) [13, с. 312].

Город приобретает и иные, ранее незнакомые черты: «Мурманск — набросок в карандаше. / Серый залив на-

линован штрихами снега, / Что рассыпает серый торшер неба. / Ты приезжай сюда, если здесь не был, / В Мурманск зимою, набросанный в карандаше. / Малый осколок мира и Вечности слепок...» (Елена Кожеватова) [13, с. 365]. Город связан уже не только с судьбой огромной страны, но и со всем миром, вселенной, включен во все временные процессы.

Мотив суety приобретает также иное звучание: «Куда-то бабка с сумками торопится, / На остановке — дикая толпа, / В огромной луже грязный голубь топится, / И курит у киоска шантрапа... / ...В песцовой шубе дама залезает — / Запахло псиной. Резкие духи. / Немой у светофора речь толкает / С рекламою от общества глухих. / Две модницы — одна из них в шиньоне. / Лихач промчался — взвыли тормоза. / Афиша, урна, лыжи на балконе — / И много еще можно рассказать...» (Эльвира Болдырева) [1, с. 30]. Это уже не бестолковая, безысходная толкотня на неживых улицах, как у Салтыкова, это повседневная жизнь города. Она не удручает, она свидетельствует, что в городе живут люди, и значит, все в порядке, несмотря на некоторые комические моменты этой жизни.

В последующие годы образ города как бы «выправляется», обретая былую красоту и обаяние: «А в Мурманске вовсю полярный день / Лучами солнца капает на крыши. / И сопки с облаками набекрень / Хотят казаться и стройней и выше...» (Ирина Грецкая) [8, с. 207]. Этот город красив в любое время года, даже образ зимы теряет былое угрюмое значение смерти: «Тихий город — это наваждение, / Плен сугробов, стон деревьев голых. / Осенью — усталое смятенье, / Шепот листьев, легкий, безглагольный...» (Александр Акопянец) [2, с. 36].

А самые молодые поэты романтизируют образ города, не боясь некоторых перекосов в эпитетах: «Для меня этот город — храм вековой. / Для души своей здесь ищу я покой. / Характер северный, дикий, морской, / Где бы я ни был, возвращает домой...» (Антон Кириленко) [3, с. 12].

Очень цельный образ города был представлен в одной из последних книг Елены Рыхловой «Мы кошки». Повествуя об обычных житейских ситуациях, обычных людях, она повествует и об обыденной, каждодневной жизни города. Ибо ее герои — мурманчане, северяне. И здесь они рождаются, любят, воспитывают детей. Переживают со своим городом тяготы и радости. И обыденное лишено ореола скуки, оно прекрасно, потому что окрашено любовью к близким и родной стороне. Однако городу посвящены и отдельные строки. Город дан как отражение души лирической героини. Вот образ поздней осени в городе: «На воде, от горя съезженной, / Солнца плавают обломки. / Тучи прут на город ордами — / Скрежет их гранитный тяжек, / И теснятся, небом стертые / Зубы девятиэтажек...» [15, с. 19].

Природное явление полярной ночи дается как неотвратимость: «Я, к земле прикинувшись, слушаю / Декабря тугую поступь...» [15, с. 19].

Образ города-труженика, доброго, гостеприимного, духовного возникает в следующих строках: «...Новое солнце

со стапелей / На воду плавно ложится. / Вот оно рдеет, хорошее, / После часов многотрудных! / Удочки кранов заброшены / В море — не клюнет ли судно. / Купол церковный над крышами / В дальнем сиянии глянец... / Я в этом городе пришла, / Город, давай же брататься!» [15, с. 20] А связь города с космосом, со вселенной раскрывается обыденно и повседневно: «И мы из домов, сутулясь, / Выходим в открытый космос / Зияющих тьмою улиц...» [15, с. 34].

Но от этого город в произведениях Рыхловой не становится менее значительным: великое в повседневности, что может еще более прибавить образу величия?

Мы попытались рассмотреть развитие образа Мурманска в произведениях местных поэтов конца XX — начала XXI века.

В настоящее время литературная панорама современной мурманской поэзии многообразна. Продолжаются как традиции 60-х — 80-х гг., которые проявляются в романтизации города, в связи его с морем, так и развиваются традиции реалистического изображения города, когда обыденное и повседневное тоже заслуживает самого пристального внимания, поскольку из него и складывается жизнь города, как часть жизни страны и в какой-то мере вселенной.

Литература:

1. Болдырева Э. Времена города. — Мурманск, [2005]. — 60 с.
2. Ваенга №1. — Североморск, 2006. — 264 с.
3. Кириленко А. Отголоски печали. — Мурманск, 2007. — 48 с.
4. Колычев Н., Хунунен М. Звоняря зрачок. — Мурманск, 1995. — 96 с.
5. Коржов Д. Тепло человечье. — Мурманск, 1997. — 34 с.
6. Ляпин А. Любимый город: сборник песен. — Мурманск, 1996. — 48 с.
7. Мурманский берег №8. — Мурманск, 2003. — 288 с.
8. Мурманский берег №9. — Мурманск, 2004. — 320 с.
9. Мурманский берег №11. — Мурманск, 2006. — 336 с.
10. Недопетая песня. — Мурманск, 1963. — 64 с.
11. Площадь первоучителей №1. — Мурманск, 2000. — 288 с.
12. Площадь первоучителей №3. — Мурманск, 2003. — 292 с.
13. Площадь первоучителей №4. — Мурманск, 2004. — 396 с.
14. Площадь первоучителей №6. — Мурманск, 2006. — 264 с.
15. Рыхлова Е. Мы кошки. — Мурманск, 2007. — 44 с.
16. Салтыков М. Ветер безвременья — Мурманск. — Мурманск, 1996. — 40 с.
17. Сеницын В. Бабье лето. — Мурманск, 1998. — 48 с.
18. Сиротинская Г. Перед иконой богородицы. — Мурманск, 1999. — 32 с.
19. Стефаненко Н. Ворожея. — Мурманск, 1996. — 32 с.
20. Тимофеев В. Мой мачтовый город. — Мурманск, 2001. — 304 с.
21. Была война... — Мурманск, 2004.
22. Давиденко И. Время не ждет. — Мурманск, 1970. — 44 с.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Толкование народных поверий связанных с культом верблюда в узбекском фольклоре

Ураева Дармон Саидахмедовна, доктор филологических наук, доцент
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

В центре города Бухары около гостинцы «Варахша» есть памятник крылатому верблюду. Каждый, посещающий город турист, с интересом смотрит на него и фотографирует. Потому что с ним связаны древнейшие поверия наших предков связанные с культом верблюда. Особенно, среди кочевого населения есть широкое отношение к верблюду как к доброму и помогающему духу. Действительно, следы поверия связанного с верблюдом как с добрым и помогающим духом, до сих пор сохраняются в некоторых обычаях. Например, один из таких обычаев, если беременная женщина не может родить в своё время (т. е. носит ребенка в животе больше девяти месяцев) над ней сжигают верблюжий волос или она прыгает через верблюжий волос.

В народе существует ещё одно поверие: если женщина во время беременности не зная съедает верблюжье мясо одна, без мужа, тогда она не сможет родить во время (в девять месяцев), а родит позже (в одиннадцать месяцев).

Исходя из поверьев древнего человека, дана вторая жизнь следующим животным: лошади, собаке, медведю, быку, корове, верблюду, барану среди других животных [8, с. 152]. Поэтому есть поверия, что эти животные могут сопровождать человека в потусторонний мир и там помогать ему. С таким тотемистическим пониманием в давние времена хоронили мертвых вместе с тем животным, которого тот человек считал своим тотемом при жизни. Во время похорон мертвое тело ложили на кожу животного. Особенно, в Средней Азии, до появления обычая захоронения мертвых в землю, был обряд оставления мертвого тела на коже быка или верблюда на открытой местности, в пустынях и пещерах [9, с. 494; 3, с. 210–211]. Задача этого кожанного покрытия животного заключалась в том чтобы защитить и не давать диким животным и птицам разбрасывать кости мертвого.

Интересно что в узбекском народном эпосе «Кунтугмиш» есть такой мотив связанный с этим древнейшим поверием. В этом мотиве главные герои эпоса приговариваются к смерти и в связи с этим их кладут в верблюжий кожаный мешок. Сначала повелитель Зангара Буврахон советуется со своими подчиненными и дает приказ убить Кунтугмиша и Холбеки. Тогда зарезали одного верблюда и в его кожу туго обернули двоих виновных. Потом этот

кожаный мешок привязывали к хвосту дикой лошади и гнали её в жаркую пустыню. Волосы хвоста лошади отподав по одному, на шестой день кожаный мешок отподавал. Сырая кожа на солнце высохла и она туго и жестко сжимала обвинителей как железо. Наконец с горы прилетел воробей и клюя, продырявил кожаный покров. Кунтугмиш вместе с Холбекой руками расширили это отверстие и с легкостью вылезли оттуда.

Обычаи и обряды происхождения в связи со взглядами народа про связь тела тотема-животного с духом во времени изменились, но их толкования сохраняются в художественных произведениях. Можно сказать, в плачах и поминальных песнях связанных с узбекскими погребальными обрядами образ белого верблюда часто встречается в художественном символе происхождения смерти:

Сидишь в моём дворе
Как белый верблюд?
И текут мои слезы с глаз
Как святая вода Обилайсон [2, с. 112].

В сюжете узбекских топонимических легендах тоже можно встретить образ белого верблюда. В нем тоже этот образ истолковывается как символ смерти и мертвых духов. Например, в легенде «Верблюд Баба Камбара» верблюд становится камнем и не даёт войти врагу. И так он защищает народ [5, с. 53]. В легенде «Дорога белого верблюда» белый верблюд открывает дорогу воды для людей [5, с. 102]. В легендах «Бабаи Кабир» и «Кладбище бабушки Зубейды» рассказывается о том, как эти кладбища появились. По легенде, в этих местах сидел один белый верблюд, после здесь похоронили тела святых и здесь расположилось кладбище. Нужно отметить что среди народа верблюд рассматривается как дух, символ смерти, поэтому и в народных легендах существует толкование его связанное с появлениями кладбищ и светых мест, мест паломничества.

Место и роль верблюда в социальной жизни людей является фундаментом того что он рассматривается не только как помогающая сила. В древние времена в бытовой жизни кочевого населения верблюд выполнял роль основного транспортного средства. Особенно в пустынях, это животное со своими качествами как терпиливость к

воде, смелость и сила было основным помощником человека. С помощью верблюжьих караванов вели торговые дела. Его мясо и молоко были основной полезной едой, а также, его труд было очень высокоэффективен для людей. Поэтому люди любили и ухаживали за верблюдом. Даже можно сказать, что в связи с этим символ верблюда в узбекском фольклоре стал встречаться как один из культурных зооморфных образов.

Сначала можно рассмотреть в узбекских народных песнях такие строки, где изображается место верблюда в семье как носителя тяжести. Особенно во время перетаскивания тяжести люди использовали верблюдов мужского пола. Потому что, есть верблюды и мужского (его называют «нор») и женского пола (её называют «бия»). Их называли именами смотря на их пол. Есть намёк на это в узбекских народных песнях:

Не каждого верблюда можно назвать «нар»-ом,
Если над ним нет двух батман (тон) груза.

И ещё можно встретить строки в народных песнях, в которых говорится о грузоносящих верблюжьих караванах:

Если ты вместе с мужественном человеком,
Принесёт он тебе целый караван верблюдов
с драгоценностями.

А также в узбекских народных песнях встречаются строки об участии верблюда в разных народных развлекательных спортивных играх. Известно что, «улок» — соревнование лошадей, обычно, проводится с лошадьми. Но иногда такие спортивные соревнования проводились и с верблюдами. Особенно, когда призом таких соревнований был верблюд или верблюд со своим младенцем они проводились очень бурно.

Даже среди кочевого населения вместо калыма за девушек брали верблюда. Как бы этим обменивали дух человека на дух верблюда. Есть песенные строки, которые обозначают эту мысль:

— Разве отдаст тебя мне твой отец,
если я дам ему верблюда,
Разве отдаст тебя мне твой отец, если я создам
гору всего того что заработал.

Значит, в загадке о верблюде «Высокая-высокая девушка, высокоростная девушка» [4, с. 49] не просто выбирается образ девушки как скрытая метафора для образа верблюда. Нет сомнения, что это стало жизненным фундаментом для обычая народа давать вместо калыма за девушек верблюда среди кочевого населения.

Среди животных верблюд является очень преданным и любящим своего ребенка. Даже он вынашивает своего ребенка в животе почти ровно год до рождения. Этот реальный факт изображён и в устных, и в письменных ли-

тературных произведениях. Например, его преданность ярко выражена в дастане «Алпамыш» в образе Коранор. Известно что, Алпамыш после семи летней разлуки вернется на свою родину. Тогда его сразу узнает только верблюд Коранор и встает с места. До этого целых семь лет он не вставал с места. Увидев Алпамыша Коранор очень забеспокоился и крикнул. В басне «Верблюд и его ребенок» Гулхания тоже очень трогательно выражена любовь матери верблюда к своему ребенку.

Особенно, трудно терпеть плач скорби верблюда, потерявшего своего ребенка. Поэтому в народных песнях состояние глубоко скорбящих и плачущих людей сопоставляется состоянию матери верблюда, которая потеряла своего малыша.

Когда потемнеет я бы смотрел в даль,
И плакал бы как верблюд потерявший своего ребенка.
Верблюды, потерявшие ребенка, бледные как бязь,
Если любить со всей душой то любимый будет прекрасен.

Наличие таких сходных признаков в психологическом состоянии верблюда и человека постепенно стали использовать как параллельные образы в фольклорных произведениях. И так один из них использовался вместо второго как метафора или символ. Поэтому в народных песнях и загадках человека и верблюда можно увидеть как параллельные образы. Нужно отметить, что верблюд в реальности очень скромный и терпеливый. Этим он отличается от других домашних животных. С такими признаками он выполняет роль сопоставительного образа людей с такими же свойствами и качествами, как трудолюбивый и скромный. Например, в узбекском фольклоре есть такая поговорка: «Если унесет ветер верблюда, тогда увидишь козу в небе».

А также, среди людей встречаются клички связанные с именем верблюда. Например, в историческом народном дастане «Восстания Жиззаха» рассказывается о персонаже по кличке Хусан верблюд.

Символ верблюда употребляется и в образе старых пожилых людей, являясь символом то старух, то стариков:

Верблюд лежит на земле,
С колокольчиком на шее.
Если спросить девушку,
То она в объятьях семидесятилетнего старика.

В этой песне образ верблюда истолкован как параллельный образ семидесятилетнего старика. А в ниже данной узбекской народной загадке верблюд тайно изображает символ старухи: «Моя бабушка идёт, а её лепёшки остаются» [4, с. 50]. Ответ этой загадки — верблюд. Здесь символ верблюда не просто выполняет задачу метафоры для образа бабушки. Древнейшие мифологические представления и взгляды связанные с повериями культа бабушки стали фундаментом и считали её дух в виде женщины добрым, помогающим людям. Потому что

среди народа таких помогающих, добрых духов называют «бабушки» или «дедушки». Особенно, про таких бабушек говорится: «бабушка как призрак», «бабушка почти дух», «бабушка находится в могилах» [10, с. 101]. Среди народа есть поверия, что бабушка она добрый дух или призрак женского поколения ушедшего из жизни. Она и есть культ бабушки [6, с. 101–102].

Среди народа существует поверие связанное со сном. Если человеку приснится верблюд, обычно, люди истолковывали его как знак от духов или бабушек. Например, в дастане «Алпамыш» один из главных героев — Барчиной увидит во сне пьянного верблюда:

«Если я, пьяный верблюд, иду с драконами,
Не говорите плохо, говорите хорошо, наложницы [1, с. 99].

Этот сон Барчиной истолковала её помощница Суксурой и она связала символ верблюда с именем культа святых женщин в исламе:

Если идет пьяный верблюд вместе с драконом,
Тридцать три тысячи паломников в Мадине,
Зовут Фатиму, Зухру, служащих вселенной [1, с. 100].

А также, люди лечащие бадик (одну из аллергических болезней) верят что верблюд является освобождающим хранителем человеческого тела и духа от разных порч и нечистых сил. Они считают верблюда одним из объектов принимающим на себя болезни человека. В песни связанной с этим обычаем поётся о лечении бадика:

Ну давай, уходи и располагайся на верблюде,
Если тебе нужно молоко, тогда уходи к бия.

Но среди народа дуалистическо относятся к символу бабушки. Невозможно отрицать, что есть и хорошее, и плохое рассмотрения его. Это полноценно подчеркивается именами болезней, которые называются в связи с

ними. Такие болезни, которые связаны с аллергическими заболеваниями тела как краснуха (красная бабушка), ветрянка (черная бабушка). Тогда символ бабушки изображается как злой, безжалостный дух заражающий человека. Поэтому во время лечения таких болезней напевали песни про верблюда и имя его связывали с именем заболеваний:

Если ты верблюд, давай уступай,
Если ты лошадь, давай уступай,

Здесь выражение «верблюд — бадик» обозначает вид болезни. Потому что народ считает бадик злым духом, входящим в тело человека [7, с.].

Взгляды связанные с культом верблюда привели к метафорическому, скрытому названию имени этого животного и подходу при помощи табу. Это повлияло на появление многих загадок про верблюда. В загадках обычно дается намек на особые формальные приметы верблюда. Например: «Сам большой, а хвост короткий».

В некоторых загадках образ верблюда помогает раскрыть название скрытой вещи и найти отгадку загадки. Тогда он является самой особой точкой загадки: «Мой черный верблюд шумит, его кости кипят». Ответ этого загадки — пуля оружия. В загадке образ пули оружия не просто сопоставляется образу черного верблюда. Для этого есть две основы. Первая — голос оружия как голос черного верблюда очень громкий и страшный. Вторая — пуля оружия приносит смерть человеку. Как было сказано выше, образ верблюда тоже связан с понятием-смерть. В этой загадке через признаки и свойства верблюда передан намек на имя пули оружие, которое близко стоит ему.

В заключении можно сказать, что образ верблюда встречается в узбекском фольклоре во всех жанрах. Исходя из данных примеров, нужно подчеркнуть что верблюд один из традиционных зооморфных образов в узбекском устном творчестве. Особенно, образ верблюда часто употребляется как зооморфная параллель образа бабушки.

Литература:

1. Алпамыш. Узбекский героический эпос. — Т.: Шарк, 1998. — 400 с.
2. Газалы прилетающие из плачи. Узбекские плачи и поминальные песни. Собирали и опубликовали: О.Сафаров и Д.Ураева. — Бухара, 2004. — 125 с.
3. Дюмезиль Ж. Скифы и карты. — М.: Наука, 1990. — с. 187–216.
4. Загадки. Узбекская народная творчества. Составила и опубликовала З.Хусаинова. — Т.: Издательство литература и искусства имени Г.Гуляма, 1981. — 368 с.
5. Легенды из великого шелкового пути. (Легенды связанными имя мест). Составитель М.Жураев. — Т.: Фан, 1993. — 102 с.
6. Муродов О. Шаманский обрядовый фольклор у таджиков средней части долины Зеравшана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. — М.: Наука, 1975. — 340 с.
7. Саримсоков Б. Узбекской обрядовой фольклор. Т.: Фан, 1986. — 216 с.
8. Спесивовский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. — Л.: Наука, 1988. — 205 с.
9. Страбон. География. М.-Л., 1964. — с. 494.
10. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. — М.: Наука, 1975. — с. 101.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов

Гашева Людмила Петровна, доктор филологических наук, профессор;
Губайдуллина Наталья Юрьевна, аспирант
Челябинский государственный педагогический университет

Фразеология русского языка необычайно разнообразна. Она употребляется во всех стилях речи вследствие уникальной способности фразеологизмов немногими словами сказать многое, поскольку они определяют не только предмет, но и его признак, не только действие, но и его обстоятельства. Многогранность русской фразеологии указывает, прежде всего, на богатое историческое наследие, воплощает в себе непостижимую русскую душу, ведь не случайно большинство фразеологизмов получило жизнь именно в народе. В дальнейшем, по мере становления письменности и литературы, фразеологию развивали публицисты и писатели, оставляя после себя целый сноп новых открытий в этой области.

Фразеология русского языка служит для создания образности и выразительности речи. Она необыкновенно богата и разнообразна по своему составу, обладает большими стилистическими возможностями.

Всестороннее изучение фразеологической системы современного русского языка позволяет нам глубоко проникнуть в сложную и разнообразную жизнь устойчивых сочетаний слов, получить представление об их основных структурно-семантических и стилистических типах, узнать их происхождение и особенности функционирования, помогает объективно и правильно оценивать творческие поиски писателей и публицистов.

В настоящее время лучше всего изучены фразеологические обороты с точки зрения их семантической слитности и стилистического использования в художественной литературе и публицистике.

Русские писатели давно уже используют выразительные средства фразеологизмов в различных эстетических целях. Во второй половине XVIII века фразеологизмы, как правило, употреблялись в произведениях низкого стиля — комедиях, сатирических произведениях — с целью характеристики персонажа через его речь.

В произведениях писателей-реалистов XIX века сфера использования русской фразеологии расширяется. Вовлечение фразеологизмов как выразительных языковых средств в художественные тексты связано с творчеством А.С. Пушкина. Он вводит фразеологизмы в прозаические и стихотворные тексты, в речь персонажей и авторскую

речь. Пушкин одним из первых русских писателей трансформирует фразеологические обороты или употребляет их в необычном контексте, что способствует расширению значения фразеологизма. Например:

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой... (гл. VI, IV).

В этом случае фразеологическое сочетание *отец семейства* употреблено в необычном контексте. Определение *холостой* противоречит значению фразеологизма. И в результате фразеологизм приобретает расширительный метафорический смысл, служит ироническим намеком на безнравственные поступки Зарецкого в молодости.

Фразеологизмы широко используются в русской классической литературе второй половины XIX — начала XX вв. В советской литературе эту традицию творческого использования богатств русской народной речи активно поддерживали М. Горький, М. Шолохов, К. Паустовский, А. Твардовский, В. Шукшин. Ее продолжают В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин.

Эффект от фразеологизма существенно возрастает, если автор обыгрывает буквальный смысл его компонентов, изменяет его лексический состав, включает его в новые, необычные для него сочетания. Все стилистические особенности фразеологических единиц делают их активным языковым средством.

Писатели часто творчески преобразуют фразеологические обороты, восстанавливая или усиливая в них образность, особенно при выражении иронии, юмора, придавая оборотам новое речевое содержание, сохраняющее связь с фразеологическим.

Для нас наибольший интерес представляют трансформированные фразеологические единицы, то есть измененные в своей структуре или с иным значением.

Под окказиональными (индивидуально-авторскими) преобразованиями фразеологических единиц мы понимаем

творческое изменение (трансформацию) семантики или структуры фразеологических единиц с определенной стилистической целью. Индивидуально-авторские преобразования характеризуются яркостью и индивидуальностью.

Типы контекстуальных трансформаций фразеологических единиц рассматриваются в работах таких ученых, как Л.К. Байрамова, Н.Л. Шадрин, А.А. Эльгаров, Е.Ф. Арсентьева, С.И. Вяльцева, Д.Н. Давлетбаева, Э.И. Халатникова, С.П. Волосевич и др.

Под трансформацией фразеологических единиц понимается необычное, лишенное автоматизма использование фразеологических единиц с изменением формы и содержания (в одном случае семантические изменения являются явными, в другом — изменение формы слегка преобразует семантику фразеологических единиц). При этом происходит приспособление фразеологизма к требованиям контекста.

Нами были рассмотрены следующие авторы и их произведения: В. Пьецух «Нобелевская речь», «Полуподвал», «Эволюция продолжается», «Шкаф»; Л. Улицкая «Медя и ее дети»; Н. Нечаева «Возвращение»; Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»; В. Токарева «Птица счастья»; В. Распутин «Новая профессия».

В выше указанных произведениях встречаются фразеологические единицы, которые употребляются без трансформации состава, то есть в качестве готовых единиц:

Нобелевской премии не видать как своих ушей (В. Пьецух «Нобелевская речь»).

...словом, мы валяли дурака (В. Пьецух «Полуподвал»).

Поскольку выносить сор из избы нашему руководству было *не с руки* (В. Пьецух «Полуподвал»).

— Извините, я как снег на голову (Л. Улицкая «Медя и ее дети»).

...помогала вещи складывать и плакала в три ручья (Л. Улицкая «Медя и ее дети»).

...можно было и бежать из города куда глаза глядят, да только в чужих людях без средств к существованию не прожить (В. Пьецух «Шкаф»).

Ольга битых четыре часа просидела в шкафу ни жива ни мертва, опасаясь дышать полной грудью (В. Пьецух «Шкаф»).

Тут же задал стрелача! (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»).

...теперь можно за порядочную мзду выехать хоть к черту на рога (В. Пьецух «Эволюция продолжается»).

Автоматическое использование ФЕ без изменений их формы и содержания так или иначе вносит в текст экспрессивность, поскольку фразеологизмы по своей природе эмоционально или экспрессивно окрашены и выполняют определенную стилистическую задачу, делают речь более выразительной, живописной и лаконичной.

В анализируемых нами произведениях встречаются ФЕ с трансформацией состава. Во-первых, мы наблюдаем

прием сокращения компонентного состава ФЕ (эллипсис ФЕ):

А коварного стрельца

Сей же час стереть с лица (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»).

Стереть с лица земли — жестоко расправиться, погубить, истребить кого-либо. Этот фразеологизм претерпевает изменения: Л.Филатов сокращает его, сохраняя при этом его значение. Таким образом, автор придает речи лаконизм и живость. Причем это произведение написано в стихотворной форме, и здесь эллипсис ФЕ нужен для сохранения рифмы, для поддержания ритма текста.

К приемам, изменяющим состав фразеологического оборота, относится и замена одного компонента фразеологизма другим, синонимичным или сходного значения:

...кто шел в каморку... языком молоть (В. Пьецух «Полуподвал»).

Существует фразеологизм *чесать язык* — *говорить зря, заниматься болтовней, пустословить*. Автор заменяет его глагольный компонент компонентом *молоть*, в результате чего значение фразеологизма остается неизменным.

В анализируемых нами произведениях встречается еще несколько аналогичных примеров:

...пережила... такое тяжелое потрясение, что ей отказал язык (В. Пьецух «Шкаф»).

Здесь происходит замена компонента *отнялся* (Язык отнялся — кто-либо внезапно потерял способность говорить (обычно от удивления, страха и т.п.)) на *отказал*, но значение выражения сохраняется.

...и теперь мне в профкоме намылят холку (В. Пьецух «Шкаф»).

Существует фразеологизм *намылить голову* — сильно бранить кого-либо, делать строгий выговор, внушение кому-либо. В рассказе «Шкаф» В. Пьецух трансформирует данную ФЕ, заменяя компонент голову на более экспрессивный элемент холку. В Толковом словаре русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. читаем: холка — у лошади, быка и некоторых других животных: часть шен, смежная с хребтом, а также грива, растущая на этом месте. В переносном значении намылить холку кому-нибудь — устроить нагоняй, взбучку. Таким образом, употребляя данный компонент во фразеологизме, автор снижает его стилистическую окраску, приближая к просторечию, но при этом сохраняя смысл всей единицы в целом.

Ты морочить мне мозги

Даже думать не моги! (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»)

Компонент *мозги* — это сходный по значению с компонентом *голова* элемент фразеологизма. Поэтому Л.Филатов смело производит их замену, не нарушая семантики ФЕ (*Морочить голову* — *сбивать с толку, намеренно вводить в заблуждение; приставать с глупыми вопросами или пустяками; обманывать, дурачить кого-либо.*), но, как в примере, выше ука-

занном, снижая речь персонажа с точки зрения стилистики.

Опосля дождя в четверг

Дам ишо медальку сверх (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»).

Фразеологизм *после дождичка в четверг* — неизвестно когда или никогда изменен структурно вследствие замены компонентов: *после* → *опосля*. Новый компонент несет в себе просторечный, разговорный характер, что приводит к снижению высказывания, речь персонажа приближается к народной. Что касается значения новой ФЕ, то оно остается тождественным исходному фразеологизму.

Таким образом, замена одного или нескольких компонентов фразеологизма возникает в связи с потребностью обновить ФЕ, что заостряет внимание на уже шаблонизированном образе. Актуализация этого образа позволяет повысить экспрессивность фразеологизма и тем самым добиться большего эмоционального воздействия на читателя.

К одному из видов лексического преобразования относится также добавление к исходному составу фразеологизма новых слов. Этот прием называют еще вклиниванием. Однако введение новых слов может и существенно изменять смысл фразеологического выражения, поэтому здесь уже идет речь о трансформации состава и семантики:

Ты ее поди пропил, бессовестная твоя морда, а на меня вешаешь всех собак! (В. Пьецух «Шкаф»)

Расширение состава ФЕ *вешать собак* с помощью местоимения *всех* способствует усилению эмоциональности, появляется дополнительный смысловой оттенок: проявление действия в большей степени.

...Поляки первые взбунтуются, потому что мы им поперек горла неполные триста лет (В. Пьецух «Полуподвал»).

В этом примере к исходному фразеологизму *становиться поперек горла* — *очень мешать, сильно досажать кому-либо, делаться невыносимым* добавляется компонент *неполные триста лет*, который усиливает семантику данной ФЕ.

Литература:

1. Абдуллина, А.Р. Проблемы выявления ключевых компонентов в ФЕ русского языка / А.Р. Абдуллина // Русская и сопоставительная филология. — Казань, 2007. — 193 с.
2. Арсентьева, Е.Ф. Типы контекстуальных трансформаций фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева, А.Р. Ахметшина. — Наб. Челны: Рудик, 2002. — 298 с.
3. Ашукин, Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. — М.: Правда, 1986. — 768 с., ил.
4. Бакина, М.А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной поэзии / М.А. Бакина. — М.: Норон, 1980. — 121 с.
5. Гвоздарев, Ю.А. Рассказы о русской фразеологии: Кн. для внеклас. чтения учащихся ст. классов / Ю.А. Гвоздарев. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.: ил. — (Мир знаний).
6. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: Ок. 1200 пословиц и поговорок. — 5-е изд., стер. / В.П. Жуков. — М.: Рус.яз., 1993. — 537 с. — (Малая б-ка словарей рус.яз.).
7. Жуков, В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся / В.П. Жуков. — М.: Просвещение, 1980. — 447 с.

Говоря о ФЕ с трансформацией состава и семантики, следует отметить и такой прием, как замена части узуального фразеологизма окказиональным фрагментом:

Целый день генерал ум в кулак собирал. Все кумекал в поте лица — как избавиться от стрельца (Л. Филатов «Про Федота-стрельца, удалого молодца»).

В данном примере преобразуется фразеологизм *работать, трудиться в поте лица*. Происходит замена глаголов, вследствие чего частично изменяется семантика ФЕ: от узуального оборота берется наиболее широкое, обобщенное значение '*с большим усердием*', а в окказиональной части сосредотачивается более узкое, конкретное, актуальное содержание '*думал*'.

Исследование художественных произведений современной литературы позволяет определить основные приемы индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологических оборотов:

1. ФЕ без трансформации состава.
2. ФЕ с трансформацией состава:
  - прием сокращения компонентного состава ФЕ (эллипсис);
  - замена одного компонента фразеологизма другим, синонимичным или сходного значения;
  - грамматические изменения ФЕ.
3. ФЕ с трансформацией состава и семантики:
  - добавление к исходному составу фразеологизма новых слов (вклинивание);
  - замена части узуального фразеологизма окказиональным фрагментом.

В результате трансформации и актуализации ФЕ становится органической частью текста, тесно сплетается с лексическим окружением. Однако при этом преобразованная ФЕ не отрывается полностью от исходного фразеологизма, поскольку окказиональная единица должна быть понята читателем. Поэтому ключом к правильному восприятию и интерпретации авторской ФЕ служит общеупотребляемая единица.

8. Зимин, В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц / В.И. Зимин. — Тула: Кросс, 1972. — 173 с.
9. Мокиенко, В.М. Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. — М.: Высш. шк., 1990. — 160 с.
10. Приходько, В.К. Приемы и средства создания словесной образности: учебное пособие по дисциплине «Стилистика и риторика» для студентов-филологов / В.К. Приходько. — Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2006. — 243 с.
11. Розе, Т.В. Большой фразеологический словарь для детей / Т.В. Розе. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 224 с., ил.
12. Субботина, Л.А. Фразеологический словарь русского языка для школьников / Л.А. Субботина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 412 с.
13. Федоров, А.И. Образная речь / А.И. Федоров. — Новосибирск: Наука, 1985. — 120 с.
14. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие / А.М. Чепасова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. — 144 с.
15. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». — 3-е изд., испр. и доп. / Н.М. Шанский. — М.: Высш. шк., 1985. — 160 с.

Искусство летописания Байхаки

Мансури Аюб Курбонали, доктор
Университет Фархнгийон (Иран)

В данной статье нами сделана попытка рассмотреть мастерство и новаторство Байхаки на примере его исторической книги «История Байхаки». Стилль летописания Байхаки основывается на энтузиазме писателя, отличается стройностью изложения, аргументированностью и отвечает требованиям норм объективности. В связи с тем, что традиции летописания той эпохи не удовлетворяли Абулфазла Байхаки, он ввел некоторые новшества в этом деле (18/10). «По мнению Байхаки история должна быть верной и не стоит изменить или добавить в ней что-либо» (23–22/12).

Ключевые слова: Летописания, рассказчик, уровень мудрости, анализ, объективный анализ, целенаправленность, искажение истины, новаторство, анализ событий, преданность, нравоучение, достоверные истории и предания, украшение и декорация истории, психоаналитический взгляд.

В первом разделе своей книги «Фил-хутбати-нухсат», Байхаки акцентирует свое внимание на наиболее приемлемых путях получения информации и точной ее передаче: видеть своими глазами и слышать собственными ушами. Во второй части рассматривается верность фактам и правдивость летописца, а также необходимость взвешенного и глубокого исследования с упором на детальный анализ и объективный подход к историческим фактам.

Следующим пунктом исторических принципов Байхаки в летописании является умение выбрать пример из истории и достижение цели в летописи. Искусство сложения исторических эпосов, согласно мнению Байхаки, заключается в летописании. «История Байхаки» (Торихи Байхаки) является бесценным, наиболее совершенным образцом летописания того времени. Повторение легенд и сказаний и их достоверность являются основополагающим в летописании. Историческая фраза «...и я, который достаточно знающий историю» свидетельствует о достоверности и реальности его существования, как историка-летописца.

Введение:

«В древние времена, понятие «литература» как известное искусство не существовало, писательское ре-

месло как отдельная отрасль также отсутствовало. Литературные произведения были продуктом творчества придворных служащих. Они получали при дворе образование и учились ремеслам. Часть из них служила на государственных должностях, другая часть занималась частной коммерцией или ремесленничеством. Определенный процент из числа этих писателей, в частности, ученые, представители духовенства, суфии, иногда являлись любителями преданий, легенд и сказок. В связи с тем, что это ремесло считалось для них основным, они знали свою работу в совершенстве и были мастерами своего дела. В зависимости от вида их творческого таланта, они служили на разных должностях и в разные периоды работали летописцами, секретарями или в сфере финансов» (155/13).

Абулфазл Мухаммад ибн Хусайн Байхаки, являясь одним из талантливых письмотворцев, ещё с детства, благодаря своему отцу, до самой юности занимался писательским ремеслом, пока не стал секретарем двора Газневидов. Он стал учеником Бунасра Мушкон при диване Газневидов и здесь достигает почетного звания секретаря и писателя. Секретарь и писатель являются званиями высокими и почетными, как отмечает устод Абушукур Балхи о его статусе:

Шунидам, ки бошад забону сухан
Чу алмоси бурранда, теги куъан.
Сухан биафканад минбарру дорро
Зи сӯрох берун кунад морро.
Сухан заъру позаър, гарм асту сард,
Сухан талху ширину дармону дард.
Касе — ку ба неку сухан шод нест,
Бар ӯ неку бад, ӯар чи бошад якест

Услышал как-то раз, что язык и слово,
Как алмаз и кинжал остры на ощупь
Слово свергнет минбара и виселицу
Выводит из норы даже змею
Слово — яд и противоядие,
Холодное, жгучее.
Тот, кто равнодушен к доброму слову. Ему нет
разницы — что добро, что зло.

Всеми уважаемый автор книги «Теории прозы» — Авфи Бухорой, указывая на эти строки, отмечает следующее: «Подобный смысл встречается в творчестве многих других поэтов и писателей». В книге «Лъавомеъ-ул-њи-коет» (сборник рассказов) Мухаммада Авфи Бухорой по данной теме есть два рассказа, достоверность которых как и достоверность любого другого произведения, зависит от периода их сочинения (152/13). После одного рассказа (в котором повествуется о полемике эмира, владеющего саблём, и секретаря, владеющего острым пером, об их значении и статусе перед падишахом), автор продолжает рассуждение: «Может быть, в наше время эти слова Мухаммад Авфи кажутся примитивными и элементарными. Однако во времена самого поэта, эти слова имели определенную социально-культурную ценность. Устойчивость феодального строя общества основывалась на силе сабли. Представителями просвещения были ученые, секретари, поэты, мудрецы и согласно требованиям науки и просвещения, они более всех были сторонниками мира и спокойствия» (152/13). И в самом деле, сказанное вполне приемлемо, и в книге «История Байхаки» место и статус писателей и поэтов ярко подчеркивается значением и статусом устода Байхаки (Бунасири Мушкон), который представляется как одна из наиболее милосердных персон во дворце, так как в большинстве случаев, когда речь шла о вопросах внутреннего мира и спокойствия, и даже внешней политики, он присутствовал на заседаниях султана.

Для того чтобы пролить свет на убеждения Байхаки, его сочинения и его писательское мастерство, необходимо акцентировать внимание на его словах, приведенных в предисловии книги «Фазл — фил — хутба».

В данной главе отмечается необходимость достоверности принятой информации. Для этого нужно передавать информацию, которую автор видел своими глазами и слышал своими ушами, что аргументируется в следующей цитате: «Тебе необходимо знать, что люди стремятся к знанию всем сердцем, а сердце становится сильным благодаря услышанному и увиденному, если же не увидеть и не услышать добро и зло, то нельзя почувствовать боль и радость в этом мире. Поэтому следует всегда помнить о том, что глаза и уши остаются информаторами сердца, и всегда осведомляют сердце об увиденном и услышанном, а сердцу, как раз-таки, нужна информация, которая имеется на данный момент. Сердце после долгого анализа и синтеза, отделяет правду ото лжи, отсекает истину от заблуждений. То, что пригодно для жизни, сердцем прини-

мается, а то, что не нужно — изолируется...». Затем автор разграничивает исторические сведения на две части: «... исторические сведения делятся на две части, три другие части о них не имеют представления: необходимо услышать у кого-нибудь или прочитать в какой-либо книге. Необходимым условием может служить то, чтобы рассказчик был честным и благочестивым. Он должен сам свидетельствовать о том, что сведение достоверно и для подтверждения вышесказанного следует отметить ниже следующее: ло тасдиқан минал ахбор мо ла ястиқим фиъил рой «не стоит принимать на веру сведения, противоречащее принципам объективности». А книги так созданы, что основываются на сведениях, не отрицающих целомудрия, а слушатели верят в них, мудрецы слышат и передают их. Однако простые люди больше желают слышать легенды. Предания о дивах, пери, чудесах гор, диких пустынях, рек, о которых рассказывает какой-то чудак..., однако те, которые хотят услышать правду, считают их грамотными, а их совсем мало, они не слушают непристойные рассказы, а это все пишу я — Абулфазл, а я сторожен в летописании...» (714–712/1)

На этом основании, автор стремится показать, что рассказ об увиденном и услышанном — наиболее достоверная форма передачи информации и, таким образом, подчеркивает, что он сам увидел или услышал информацию, предлагаемую читателю, либо получил ее у какого-либо доверенного лица. Он призывает читателя к анализу данной информации, и убеждает в ее достоверности и аргументированности.

«И даже невозможно на секунду забыть о том, что Байхаки сам был свидетелем многих событий, которых пишет в своей «Исторической книге» (659/3).

Историчность и последовательная целенаправленность — это следующий пункт взглядов Байхаки в летописании: «В других летописаниях нет подобной ширины и глубины, более поверхностно описываются события, а некоторые моменты истории лишь слегка затрагиваются, однако если я взялся за дело, то хочется более детально рассмотреть историю, и прикоснуться ко всем укромным местечкам, чтобы ничего не осталось не подмеченным, а если даже эта книга будет объемной и читателю будет трудно в восприятии, то это остается на его совести. Полагаюсь на их благочестие и терпение, так как ничто в мире не может быть равно чтению, а каждый рассказ обычно обязательно заканчивается чем-то интересным и полезным» (9/1).

Сокращенно можно извлечь некоторые особенности стиля Абулфазла Байхаки из его исторической книги:

— повторяющиеся фразы наподобие: «я — Абулфазл», «и я, — будучи Абулфазл...», «и я, — Абулфазл, смотрел на него...», «и я, будучи Абулфазл, увидел его стоящим», «и все это было перед моими глазами, так, как я Абулфазл» — свидетельствуют о повествовании о реальных исторических событиях, произошедших в присутствии самого рассказчика, о непосредственном участии его в делах, которые никогда не сотрутся со страниц истории.

— его внимание к смерти свидетельствует о правдивости его убеждений в зрелом возрасте: «о клане, которым я хочу рассказать, остались два — три человека разбросанные по разным уголкам. Ходжа Бусхал Сузани — несколько лет тому назад покинул этот свет. Как только я достиг 65 — летнего возраста, невольно задумался о смерти (168 /1). «Следует признать, что без всякого сомненья и преувеличения умереть и дать душу Всевышнему — тяжело» (234 /1).

— история Байхаки — это сокровище, наполненное бесценными примерами и беспримерной моралью, культурными и социальными предупреждениями, достоверными географическими и политическими сведениями об эпохе Газневидов.

— при анализе добра и зла, благочестия и подлости правителей, Байхаки избегает преувеличений. В связи с этим можно отметить, что Абулфазл как летописец (или Абулфазл — писатель) является образцом искусства летописания иранцев.

— стиль летописания Байхаки основывается на точных научных аргументах, принципе достоверности, аналитическом взгляде на происходящие события. В связи с этим доктор Гуломхусайн Юсуфи назвал его «рассказчиком истины».

— в настоящее время научные исследования относительно «Истории Байхаки» и мировоззрение Абулфазла Байхаки являются достаточно актуальными.

На самом деле «В связи с тем, что летописание той эпохи не удовлетворяло Абулфазла Байхаки, он, вопреки существующим стандартам летописания, ввел в них ряд новшеств» (18/11).

Бободжон Гафуров считал чтение «Истории Байхаки» обязательным. Он считает, что среди исторических материалов больше всего необходимо акцентировать внимание на «Торихи масъуди» (История Масъуда) Абулфазла Байхаки. Автор считает этого летописца «выдающимся таджикским историком», а его книгу называл «важной исторической книгой». Таким образом, «История Масъуди» или «История Байхаки», являясь бесценным культурным памятником одиннадцатого века нашей эры, признается самым достоверным источником в изучении истории правления периода Газневидов» (23—22 /12).

Важнейшими особенностями писательского мастерства Байхаки являются:

Верное и всестороннее описание: «Эта особенность дала возможность Байхаки сочинять в стиле эпоса. На ос-

новании своих воспоминаний, увиденного и услышанного писатель приступает к доскональному описанию и пояснению происходящих событий, людских настроений...». Иногда, когда человек читает хорошую книгу, у него создается ощущение, будто он видит хороший фильм. По мнению современного исследователя, термин «создание пространства» и «восхваление личности» находят точное отражение в этих словах и формируются в наилучших формах...» (6 /1).

Совершенство речи: В слове Байхаки соотношение языка и содержания установлено в идеальной пропорции. Фразы и отобранные предложения достаточны для изложения мыслей. В его работах до мельчайших подробностей отражены все детали. К примеру, в описании одеяния почетного халата Ахмад Хасана пишет следующее: «... то, что строчу, ссылаясь на свои наблюдения и созерцания и с точностью даты. На нем была длинная одежда из тонкой шерстяной ткани производства Багдада, белая — белая, с яркими узорами и чалмой, сшитая золотом и серебром, однако достаточно тесным и превосходным, и с большой цепью, а пояс был обшит более чем тысячей мискалов бирюзы...» (145/1).

А также цитаты, приведенные из слов султана Масъуда по поводу приглашения его в Газну: «Необходимо скорее исполнить это дело, так как он наследник престола, и он не занимался правлением страной, которой должен был править, однако управление страной благодаря отцу остается возможным, если же о его смерти будут знать, то дело не пойдет на лад» (11/1).

Иногда можно заметить, что язык Байхаки находится на вершине совершенства. Ему удается быть красноречивым не по какому-либо умыслу, а естественным образом. Читатель убеждается в том, что метафоры спонтанно вспыхивают внутри него, и текут фразами на бумагу: «Как только увидели, что все племя и родственники вернулись невредимыми, а Хасанак остался один, совсем один, как в утробе матери» (178/1). Или другая великолепная цитата: «Пока не ушел тот господин, этот никак успокоиться не может, а его нервы на пределе» (22/7).

Одно из особенностей творческого мастерства Байхаки заключается в создании новых слов. Посредством суффиксов и приставок, а также сложением слов — существительного и прилагательного, двух существительных и прилагательного, и сложением основы существительного и прилагательного, Байхаки создает новые слова, которые в предыдущих текстах не встречаются: дурушт-сухан (грубослов), кушодакор (открыто делающий что-либо), фарох нусли (широкомыслящий), таргуна (мокрый подобно чему-то), нимосі (полугрешник), нимкофир (полуневерный), дарозоъанг (долгоиграющий), мурғдил (у кого-то сердце как у курицы), баста кор (у кого-то дела не идут) и т.д.

Стиль и язык Байхаки, без всякого сомнения и преувеличения, не имеют аналога в мире и должны быть всесторонне исследованы. Работа, которая выполнена Байхаки, отличается стройностью изложения. Модель, которая им

использована для образования новых понятий, действительно заслуживает внимания и является бесценной. Секрет литературной ценности — языковые и стилистические особенности изложения Байхаки — это предмет важного научного исследования.

«Истинное мастерство писателя Байхаки заключается в его честности, преданности и чистоты его души. Он пренебрегает ложью, свои превосходные и содержательные мысли передает в красивой и изящной одежде» (2).

Два основных принципа летописца — это преданность и информативность. Байхаки в отличие от своих современников больше всего акцентировал внимание на различных событиях в зависимости от ситуации, привлекая внимание читателей своей правдивостью и жизнеспособностью.

Байхаки среди многочисленных историков, возможно, лучше всех вник в сущность истории, вложил максимальные усилия для написания истории и стал одним из выдающихся летописцев своего времени, чьи работы полезны и в наше время. Действительно, в других исторических памятниках нет той широты и глубины охвата событий, как в его произведениях.

Согласно мнению Байхаки, не обязательно отмечать только важные исторические события. Он считает важным и анализ текущих событий: «Хотя эти рассказы далеки от истины, — как пишут в исторических повестях: «Некий падишах отправил некоего на войну и в такой-то день вступили в бой или заключили договор о мире, тот другого ударил и т.п., однако я пишу то, что считаю обязательным» (338 /1).

Он пытается анализировать происходящие события. Его учитель Абунаسر узнает про его летописание и старается помочь ему в собрании материалов: «Он мне сказал по секрету: отправь коня мне на дом и сиди во дворе, так как нам предстоит очень важное дело, будь осторожен, я назначу день, затем явись ко мне. Я сказал, буду делать то, что просили, затем он ушел» (222 /1).

Целенаправленный подход в написании истории дал ему возможность стать замечательным летописцем. Работу автор начинал со сбора исторического материала, пытался использовать мельчающую деталь, касательно определенных событий и фактов. Для выявления истинной причины происшествий, он годами проявлял терпение, пока не появлялся человек, который бы являлся непосредственным участником происходящего события, особенно тех событий, которые носили политический характер. Таким образом, он со спокойной совестью правдиво описывает события: «Спустя некоторое время после смерти Масъуда Газнави Ходжи Ахмад Абдулсамада, который был непосредственным советником Хоразмшаха и Коида Мулнаджука, также стал причиной его казни, встал в поисках истины. «Я сказал, что если господину угодно, то лучше рассказывайте мне эту историю, так как мне он нужен. Хотелось бы отметить каждую деталь, не пропуская ни одну мельчайшую из них, чтобы передать все в точности, перепросил у него о состоянии Коида Мулнаджука» (318/1).

Художник Абулфазл, начиная с этого периода, не рассматривает только на свою память, планирует заранее свои помыслы, подобно современным писателям составляет фактические карточки для написания своей исторической монографии: «Сегодня моя, — Абулфазла очередь. Я все это видел и соотносил с календарным годом» (220 /1).

У Байхаки острый взгляд на происходящие события, а писать он приступает только тогда, когда его взгляды окончательно составлены: «Увидел эмира Юсуфа в шлеме, установлены были несколько палаток, подошла прислуга. Принесли несколько домиков, их также установили. Я смотрел из своего дивана. Он ругался и чем-то сильно был огорчен и разгневан из-за какого-то неприятного события» (250 /1).

В описании истории, где сам не является непосредственным участником, автор пытается использовать тех, кто лучше всех знает об этих событиях и может дать достоверную информацию. Писатель — летописец отсутствует на заседании Хасанака и Ходжа Ахмада Хасана, однако он «стоит в преддверии»: «После обеденной молитвы вынесли его наружу, затем вносили обратно, в результате все кази и бедняки вышли, я услышал, как два человека говорили о том, что кто-то вынес Ходжи Бусхала на улицу, тот себя порезал» (173/1).

Там, где Байхаки не был сам непосредственным участником событий, он берет на себя обязательство узнать у честных и правдивых свидетелей и проверяет уровень правдивости их показаний: «Я, как писатель-летописец, выбрав себе эту серьезную задачу, стараюсь написать все то, что увидел сам или услышал у честных мужей (714/1).

Абдурахмон Кавол, — одно из приближенных лиц эмира Махмуда, хорошо знал его биографию. Про его детство, он спросил у прислуги и друга детства Ходжи Абдулгaffора и описывает его следующим образом: «Он честный мужчина, записанные им детали из истории его жизни не вызывают никакого сомнения, так как он ещё с четырнадцатилетнего возраста приступил к службе, узнал горечь и счастье рядом с ним» (2/1).

Методы, применяемые в соответствии с историческими и литературными факторами в данной книге, относительно другого литературного наследия писателя, остаются бесценными и неповторимыми (21 /7).

«Лучшее исследование относительно статуса «Истории Байхаки» в летописании произведено Джулией Эскат Масуми — автора книги «Иранское летописание средних веков ....», на английском языке. Перед этим госпожа Мерилин Волдмин в книге «Время, жизнь и творчество Байхаки» подробнее приступает к описанию данной темы и признает Байхаки как летописца, имеющего индивидуальный стиль изложения. Таким образом, высокие достижения Байхаки в персидском летописании остаются неоспоримыми, хотя, в связи с безупречностью его творческой работы современные иранские историки оставляли исследование его творческого наследия на литературоведов (8). Работа Байхаки, с одной стороны, не имеет себе равных, а с другой — слишком сильна ее литературная со-

ставляющая. На первый взгляд его работы кажутся художественным произведением, а не историческим (2).

Впечатление, извлеченное из истории и притч наших предков, ярко ощущается в стиле Байхаки, и как нами было отмечено относительно определения легенд и преданий, то наши предки считали легенды, предания и историю неотъемлемыми друг от друга. Именно эта традиция послужила причиной демонстрации читателю яркости и литературного совершенства своей книги. «Ссылаясь на свои наблюдения, назвав имена рассказчиков и источники, связанные с данной темой, на взгляды свидетелей, аналитиков, на детали происходящего и др., Байхаки стремится создать историю убедительную и реальную. Ему чуждо сочинение сказок и небылиц. То, что он пишет, иногда называет историей, иногда рассказом, а иной раз повествованием, однако вся правда в том, что рассказы, которые он излагает — это не сказка (63/1).

Два фактора играли ключевую роль в книге «История Байхаки»: первый фактор — способ восприятия того времени — время, в которое жил писатель. Жизненные события всегда находятся в тесной связи с историей. Второй фактор заключается в озабоченности писателя, направленной на убеждение читателей.

Байхаки украшает и декорирует исторический текст. Ради достоверности своих историй, Байхаки говорит относительно рассказов и повествований в своей книге: «Я, — Абулфазл, сочинивший много книг, собрал для своих книг уникальные сведения для того, чтобы разбудить спящих и занятых пустыми и ненужными делами, поддающихся соблазну (204 /1). Эти факты являются важными для упомянутых событий, однако в этом заключается очарование истории Байхаки.

Для летописца ничто не имеет значение, кроме изложения реальных событий своей эпохи. Однако Байхаки не обычный историк. Для него декорация истории имеет большое значение, и он убежден в том, что история должна быть украшена именно такими занимательными рассказами (155/1). «Привлечение этих рассказов в книге производится исключительно ради украшения истории..., однако польза от написания занимательных рассказов и жизнеописаний прошлого заключается в том, чтобы люди читали и получали опыт и выгоду для дальнейшей жизни» (68/1).

Литература:

1. Байхаки, Абулфазл Мухаммад ибн Хусайн./ введение, корректировка, редактирование, комментариев и словари/ Мухаммад Джаъфар Ёхаки и ва Махди Саиди. — Тегеран: слово, 1388./два тома/. 1866 с.
2. Саиди, Махди. (Выступление на конференции посвященной Байхаки, составитель Махмуд Фархи, вторник, 10 число месяца мехран 1386 года, 22ч 38м www.beyhagi.ir/)
3. Севари Роджер (преподаватель университета Таронто), статья «Абулфазл Байхаки — летописец.» // Воспоминание Байхаки: сборник выступлений на собрание посвященной Абулфазл Байхаки, шахревар 1349 г. — Мешхед: университет имени Фирдавси, (третье издание), 1386 г. с 672—657.
4. Таботабои, Саид Махди, Требования истории // Газета «Космос», (историк): 1386/4/12
5. Фуруги, Асгар. История Байхаки и политические браки// издание «Женский вестник», 147ш. — 39—33сс.
6. Фарханги, Сухайли, Роль учителя в наследии Байхаки./ рассмотрение образа Бунасири Мушкон в истории Байхаки,/ изучение персидского языка и литературы/65 ш., 1382 г. — с. 53—48.

Именно украшение стало причиной того, что история Байхаки осталось далека от безжизненности и черствости, как многие работы других историков, которые служат только как хранители сведений и событий. История Байхаки не звучит бездушно и сыро, она имеет особую мелодику сюжета и композиции, представляя собой легкое сочетание фактов, смешанных с талантом летописца. Она излагает историю подобно эпосу, чтобы развлечь читателя. (4): «Считаю, что привлечение этих рассказов при написании истории должно осуществляться с целью того, чтобы привлечь внимание читателей и повысить уровень читаемости» (184/1).

Устод Зарринкуб по этому поводу отмечает следующее: «Очень много говорилось о достоверности и недобросовестности информации..., однако недобросовестность летописца остается спорным и сложно ее доказать» (10/9).

Байхаки старается в своих аналитических убеждениях не оставить в стороне позитивные действия Масъуда Газнави, однако при описании реальных событий, не щадить и его. По поводу ограбления города Омол, писатель отмечает следующее: «Однако следует эмиру Ризоуллоху Анху в данном случае принимать строгие меры, конечно, трудно мне здесь добавить что-либо, хотя в руках у меня перо истории, однако у меня нет выбора, так как история не терпит преувеличений (437/1).

Действительно, Байхаки осознанно детализирует историю, так как прекрасно понимает, что его история совершенно другого характера. Писатель-летописец считает себя приверженцем традиционных правил, которые являются основным требованием летописания: необходимость соблюдения этих правил, для того, чтобы исполнялись все требования истории. Выводы из: (4).

Ранее написанные свои книги он заново перечитывал и смотрел на них критическим взглядом, а в дальнейшем старался не допускать те погрешности, которые были им допущены.

Таким образом, Байхаки как выдающийся летописец — смог после себя оставить наследие, касательно области истории и литературы, так как изящество стиля его творчества, языковые и речевые средств, применяемые в книге «История Байхаки» в очередной раз свидетельствуют о новаторстве и мастерстве писателя.

7. Ёхаки, Мухаммад Джаъфар; Саиди, Манъди. Царское одевание. — издательство Джами, издание восьмое, 1387 г. — с. 270
8. Ёхаки, Мухаммад Джаъфар / Выступление на конференции посвященной Байхаки — великий писатель и летописец Ирана. Сабзор, 1386 г. / составитель Махмуд Фархи, вторник, 10 число месяца мехран 1386 года, 22ч 38м www.beyhagi.ir/
9. Зарринкуб, Абдулхусайн, Две столетия молчания/ сайт: www.kavehsara.com/; с 307
10. Содот Шарифи, Саид Фаршед, Обзорщик истины (сайт статьи: www.sadatsharifi.com) 20/2/1391 21:00 час.
11. Байхаки Абулфазл. Таърих-и Масъуди. (1030—1041). Перевод и примеч. А.К. Арендса. Изд. 2-ое доп. — М.: Наука, 1969. — 1008 с.
12. Муллоджонов Сайфулло. Бесценный источник, Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященный 90-летию Героя Таджикистана, академика Бабаджана Гафурова, Душанбе — 1998, с. 22—23.
13. Шарифов Х. Теория прозы/ Худои Шарифов. — Душанбе — 2004. — 320 с.

Трактат Жана Дютюра «Дела идут в ширпотребе» (*Ça bouge dans le prêt-à-porter*) как сатира на современную журналистику»

Михилев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Фель Елена Леонидовна, старший преподаватель
Харьковский национальный фармацевтический университет

В статье рассматривается книга французского писателя Жана Дютюра «Дела идут в ширпотребе», обозначенная автором как «трактат о журналистике», но которая в действительности является язвительной сатирой на современную французскую журналистику. Комически переосмысленная форма трактата позволяет писателю с помощью насмешки, иронии, сарказма осмеять присущие современной журналистике беспринципность, конформизм, недостаток общей культуры.

Ключевые слова: Жан Дютюр, трактат, сатира, ирония, сарказм, стереотип, модус насмешливости.

Treatise of Jean Dutourd «Things going in consumer goods» (*Ça bouge dans le prêt-à-porter*) as a satire on modern journalism

Mikhiliov A.D., Fel E.L.

The article deals with the book of a French writer Jean Dutourd «Things going in consumer goods». The article is referred as «treatise on journalism» but as a matter of fact it is a caustic satire on modern French journalism. Comic reinterpreted form of treatise allows the author using mockery, irony, sarcasm to mock unscrupulousness, conformism, lack of culture typical for modern journalism.

Key words: Jean Dutourd, treatise, satire, irony, sarcasm, stereotype, mockery modus.

Книга известного французского писателя, члена французской академии Жана Дютюра «Дела идут в ширпотребе» (*«Ça bouge dans le prêt-à-porter»* 1989), носит подзаголовок «трактат о журналистике». В издательском анонсе, помещенном на внешней стороне её задней обложки, говорится о том, что данное произведение является «единственным в своём роде», ибо оно дает ответы на вопросы, «как писать в газеты, говорить на радио и телевидении, как сделать карьеру» в средствах массовой информации, как преподносить мир публике и навязывать ей не только «определённую философию, но и опреде-

лённый язык». В силу этого «Дела идут в ширпотребе» — это нечто большее, чем учебник, это — Библия».

Явно имитирующая в своём анонсе стиль популярных опусов типа «Как стать миллионером», «Как разбогатеть за сто дней» или «Как преуспеть в жизни» и т.п., книга «Дела идут в ширпотребе» по сути своей является язвительной сатирой на современную журналистику во всех сферах и формах её деятельности. Она написана со знанием дела, поскольку Жан Дютюр имел многолетний опыт журналистской работы и в самых известных парижских газетах («Фигаро», «Франс — Суар»), и на телевидении.

О масштабе его журналистского опыта красноречиво свидетельствуют несколько сборников его газетных публикаций: «О Франции как страсти» («De la France considérée comme une maladie»), «Бестолковый социализм» («Le socialisme à tête de linotte»), «Семилетие тощих коров» («Le septennat des vaches maigres»), «Глупейшие в мире левые» («La gauche la plus bête du monde»), «Призрак розы» («Le spectre de la rose»), «Дневник чумных годов. 1986–1991» («Journal des années de peste. 1986–1991»), «Век погасших огней» («Le siècle des lumières éteintes») [6]. Как писал он сам в предисловии к предпоследнему сборнику, в течение многих лет поставляя в газеты заметки, в которых с невинным видом высказывал своё «мнение о политике, нравах, современной жизни, истории», он даже приобрел репутацию полемиста или памфлетиста [5:7] и, добавим, столь широкую, что его многочисленные недоброжелатели часто использовали его славу полемиста, чтобы умалить его значение как писателя.

Многих критиков раздражал стиль полемических заметок Дютюра, отличавшийся язвительной насмешливостью его суждений о событиях во Франции и в мире, насмешливостью, присущей, как он замечает в том же предисловии, «скорее склонностям его характера, чем философским убеждениям» [5:12]. Почитатель высоких гуманистических и демократических традиций эпохи Просвещения, поклонник насмешливого галльского остроумия, он критически относился ко многим явлениям современной ему действительности, зараженной, как он считал не без основания, разрушительным духом псевдосовременности и псевдореволюционности, конформизма и торгашества [см.: 1:7–22].

Насмешливо-критический склад его ума, ярко проявился уже в одном из первых его романов «Свежее масло, или Десять лет из жизни одного молочника» — острой сатире на коллаборационизм с немецкими оккупантами определённой части французского общества в период Второй мировой войны [2:35–40], а затем в целой серии таких жанров, как сатирико-иронические сказки («Простофили» — «Les Dupes»), сатирические моралиты («Конец краснокожих» — «La Fin des Peau-Rouges»; «Закат волков» — «Le Crépuscule des loups»), саркастические эссе («Школа глупцов» — «L'Ecole des jocrisses»; «Счастье и другие идеи» — «Le Bonheur et autres idées»), язвительный «учебник» для авторов анонимных писем («Друг, который желает вам добра» — «Un ami qui vous veut du bien»). К этой категории с полным основанием можно отнести и трактат о журналистике.

Трактат состоит из шестнадцати глав, каждая из которых затрагивает одну из сторон журналистской профессии, и приложения, завершающего книгу в виде «Письма господина Жоржа Аннетона, профессора Школы журналистики, автору данного произведения». Модус насмешливости заявлен не только в названии трактата, где журналистика подается как сфера ширпотреба или, точнее, готового платья (*prêt-à-porter*), но и в названиях глав, где

наряду с серьезными («Общие замечания», «Принципы журналистики», «О культуре», «О Франции», «О литературной критике»), бросаются в глаза главы с явной сатирико-юмористической коннотацией: «Мир Коко», «Сентиментальный километр», «Мэтры страшилок», «Двадцать пять великих книг журналиста», «О кое-каких элэгантиях стиля», «Не говорите ... Говорите»). Комическая интенция звучит и в завершающем трактат письме профессора Школы журналистики, фамилия которого (Hanneton) означает «майский жук» и «вертопрах». Понятно, что профессор с именем Жорж Вертопрах вряд ли может быть воспринят всерьез.

Пафос сатирической насмешливости пронизывает всё содержание трактата о журналистике. Жан Дютюр обладает подлинным талантом представлять в смешном виде стереотипы и штампы современного мышления путём их сгущения и подачи в неожиданном ракурсе, то есть в некоем, используя выражение Б. Брехта, остраниии. Этот принцип просматривается уже с первых строк первой главы «Общие замечания», название которой предполагает серьезно-деловое изложение положений о журналистике, её общественной роли, её задачах и функциях.

Однако тональность изложения несколько отличается от привычного стиля подобных сочинений. Писатель начинает с насмешливой сентенции: «Читатель — это ребёнок. Газета, радио, телевидение — его три бабушки. Радио и газета — бабушки поутру; телевидение — бабушка по вечерам. Утренние бабушки рассказывают ему о мире, вечерняя бабушка рассказывает ему сказки, чтобы он крепко спал. Предназначение стариков — запугивать малышей, а затем их успокаивать. То, что они рассказывают, — страшно; мир, который они описывают, — это пещера, полная волков, убийц, трагедий, несчастий. Но тут же, одним своим присутствием, они снимают эти устрашающие видения. «Пока я буду здесь, — дают они понять своим спокойствием и доброй улыбкой, — тебе нечего бояться. Между тобой и твоей судьбой стою я». Журналист — бабушка рода человеческого» [4:11–12].

С журналистики, представленной подобным образом, снимается её серьёзность, её претензия на четвертую власть, она низводится на уровень поставщицы назидательно-терапевтических сказок для малышей, больше всего любящих бесконечное повторение знакомых для них сюжетов, образов и выражений. Но если бабушки осознают это инстинктивно, то журналистов, замечает Дютюр, в школах журналистики и на факультетах этому абсолютно не учат. Развивая далее метафору, «журналист — бабушка рода человеческого», писатель иронически апологизирует миссию журналистов, которым надлежит, подобно бабушкам, не просто «моделировать мир, но и сохранять «с помощью магии своих слов» его вечный образ» [4:13]. Предлагаемый трактат как раз и предназначен помочь начинающему журналисту овладеть своим столь социально ответственным ремеслом.

Трактат о журналистике, как и положено такого рода сочинениям — наставлениям, начинается с рассуждений

об общих принципах данной профессии и царящих в ней нравах. Прежде всего, Дютур обозначает мир журналистики как специфический мир «стариков» (в оригинале «Le monde de Coco»). Слово «коко» во французском языке имеет множество значений. Это и кокосовый орех, и яйцо, и ласкательное «мой цыпленок», и голова или башка, а в разговорном — «тип, субъект», «кокаин» и даже «коммунист» с пренебрежительным оттенком.

Во французскую журналистику оно, по мнению Дютура, вошло с легкой руки легендарного издателя и главного редактора популярной французской газеты «France Soir» («Вечерняя Франция») Пьера Лазарева. Так Лазарев обращался к своим ближайшим помощникам и секретарям с присущей ему добротой, чтобы не ошибиться случайно в именах своих служащих. Со временем через его сотрудников, разошедшихся по многим редакциям парижских газет, слово «коко» получило широчайшее распространение в журналистской среде, поскольку заключало в себе богатое семантическое содержание. Прежде всего, замечает Дютур, в нем кроется близкое сердцу каждого человека чувство превосходства, более того, «самая утонченная (и, следовательно, самая пьянящая) форма превосходства: превосходство доброжелательное, которое самоотрицается в момент демонстрации». «Коко» (равнозначное нашему «старик». — А.М., Е.Ф.) дает понять, что говорящий намного превосходит своего собеседника, поскольку применяет к нему родовое наименование, но в тоже время из-за интеллигентности не показывает этого, поскольку газета — это «большая семья» (вариант: «команда»), в силу чего все её члены равны и потому что «это не всерьез» [4:27–28].

Последняя формула — «это не всерьез» — постоянно возникает в речах журналистов, это, согласно Дютуру, своего рода пароль журналистского братства, код чести, моральный постулат, при помощи которого журналисты судят об окружающем мире и прежде всего о публичных лицах, которых они интервьюируют. Чтобы понравиться берущему интервью журналисту, необходимо убедить его, что вы не принимаете себя всерьез.

«Коко» («старик») всегда содержит в себе определенный подтекст, и чаще всего это форма покровительственно-пренебрежительного отношения вышестоящего к подчиненному, позволяющая ему давать последнему советы, отговаривать его, журить, лимитировать его полномочия или подчеркивать его некомпетентность. Дютур приводит красочную иллюстрацию подобных отношений, весьма характерных для редакций масс-медиа. Например: заведующий отделом поручает сотруднику подобрать удачную фотографию к определенному материалу или, другой вариант — придумать броское название к статье. Представшему перед ним через полчаса с результатами своих поисков сотруднику заводит делом, с очками на лбу и затуманенно-пренебрежительным взглядом близорукого человека, которого оторвали от работы, бросает: «Это не клеится, Коко!», другими словами: «Это не привлекает внимания, в этом нет ничего такого, что могло бы удивить

публику, чтобы она ощутила «удар под вздох» [4:30]. То есть речь идет о характерной черте современной журналистики — сенсации или так называемом информационном поводе. Причем информационный повод, предпочитаемый журналистами, это чаще всего события из сферы скандальных происшествий или несчастных случаев. Современного журналиста скорее привлечет очередной развод какой-нибудь поп-знаменитости или её заявление о том, что она похудела на столько-то килограммов или нашла нового бой-френда, чем масштабный поэтический вечер, проведенный региональной библиотекой или заявление какого-нибудь национально-культурного общества о нарушении его языковых прав.

«Удар под вздох», саркастически замечает писатель, это заветная мечта журналистов, людей в принципе мирных и избегающих вмешиваться в сцены насилия, чтобы остаться в живых, так как им надо будет их описать. Вторая мечта журналистов — смещение правительства, заразителный пример чего дали два американских журналиста из «Вашингтон Пост», раздувшие уэтергейтский скандал, который вызвал отставку американского президента Никсона. И не важно, что это привело к печальным для страны последствиям, главное — подвиг двух мелких бумагомаков, сваливших могущественнейшего в мире человека. Фундаментальный принцип Коко, их постулат веры, опровергающий все их поступки, даже самые предосудительные — это фраза «Публика имеет право знать». «Правда, — иронизирует Дютур, — неизвестно, кто выдумал это право. Мы не думаем, что это выдумала сама публика, которая скорее считает, что ей слишком много говорят и которая испытывает желание заткнуть уши, подобно обманутому мужу, которому доброжелатели любой ценой стараются сообщить о его несчастье» [4:30].

В этом отношении, развивает далее свою насмешку писатель, журналисты очень похожи на врачей и автомехаников, которые, руководствуясь наполовину присущей им извращенностью, а наполовину коммерческим интересом, спешат сообщить своим клиентам об опаснейших неполадках в их организме и чреватых катастрофой неполадках в их автомобиле. И те, и другие прекрасно знают, что люди охотнее всего платят за сведения о несчастьях, а лучше всего продается газета, полная угроз.

Один из первых советов начинающим журналистам — не скромничать и ничего не бояться, поскольку их великие предшественники «озарили» парижские и провинциальные газеты «вспышками стиля и эрудиции» [4:16], достойными подражания. В качестве таковых Дютур приводит шокирующие «перлы» журналистского невежества и вольного обращения с историческими фактами. Так, например, «блестящий критик» Жюль Жюлен из газеты «Débats» «не побоялся показать нам Карла Великого участником великой эпопеи крестовых походов» (заметим, что Карл Великий жил в IX веке, а крестовые походы относятся к XI–XIII в.в. — А.М., Е.Ф.); Абеляра (1079–1142 — А.М., Е.Ф.), преследуемого Людовиком XI (1423–1483 — А.М., Е.Ф.), то есть временной разрыв

здесь составляет свыше трехсот лет; Рону, протекающую через Марсель (в действительности, более чем на сотню километров западней); бессмертный отец французской прессы Франциск Сарсей во «Французском мнении» за 24 октября 1859 года восклицал: «Анри неистово требует свои письма — его же посылают от Понтия к Пилату» [4:16]. Последний «перл» в комментариях не нуждается, ибо всем хорошо известно, что исторический Понтий Пилат — прокуратор Иудеи, одобивший казнь Иисуса Христа, представлял одну личность и никогда не раздваивался на Понтия и Пилата.

Обстоятельный срез культурно-образовательного уровня служителей современной журналистики дан Дютуром в четвертой главе трактата, которая называется «О культуре» [4:47–58]. Как и предшествующие главы, она окрашена ярко выраженной иронической насмешливостью, о чём свидетельствует уже само начало. «Когда вам предстоит говорить о культуре, — обращается писатель к воображаемой журналистской аудитории, — необходимо процитировать следующий афоризм: «Культура — это то, что остаётся, когда всё остальное забыто». Вы можете добавить «как говорил президент Эрио (Herriot), но это не рекомендуется по двум причинам: а) нет уверенности, что эта максима принадлежит ему; б) ее так часто цитировали, что она превратилась в поговорку [4:47].

Чтобы не обескуражить журналистов подобным затруднением, Дютур предлагает им своё базовое определение культуры (которое, заметим в скобках, одновременно является насмешкой над их культурным уровнем): «... культура — это своего рода интеллектуальное облако, состоящее из приблизительных реминисценций и крох случайно схваченных (*attrapées*) знаний. Она принципиально выражается через посредство аллюзий, что представляет двойное удобство: нет необходимости знать то, на что ссылаешься и одновременно предстаешь настолько ученым, что используешь свой научный багаж лишь для украшения своего «дискурса» [4:48].

И далее он набрасывает яркую и забавную палитру многочисленных штампов, базирующихся на случайно схваченных названиях популярных литературных и кинематографических произведений. Так, например, название книги М. Фроссара «Бог существует, я его встретил», привело к тому, что почти все газеты ежедневно стали помещать статьи с названием типа «Пингвины существуют, я их встретил», а название романа Жана — Луи Бори «Моя деревня в немецкие времена» (*Mon village à l'heure allemande*) с тех пор «не прекращает звучать, — язвительно замечает Дютур, — в тысячах газетных колоннок: Москва «во времена Горбачева», Америка «во времена Рейгана», Великобритания «во времена Тэтчер», Египет «во времена Садата (после того как был «во времена Насера»), а потом «во времена Мубарака» и даже Тегуальпа «в американские времена» [см.: 4:49].

Именно «названия книг и фильмов, — постулирует далее автор трактата, — формируют базу культуры» [4:49], поскольку они в полной мере отвечают определению пре-

зидента Эрио: только они и остаются в памяти после того, когда их содержание или забыто, или неизвестно журналисту. В числе наиболее продуктивных названий для образования журналистских штампов фигурируют «Скромное очарование буржуазии» Бунюэля (скромное очарование местных выборов, национализированных банков, даже атомных испытаний); фильм «Счастливые цыгане» (счастливые калеки, счастливые паралитики, счастливые заложники, вплоть до счастливых убийц); «Падение дома Ашеров» Э.А. По (все виды коммерческих и политических падений); «Ностальгия больше не такая, как была» (всё уже не такое, каким оно было: Австралия, океаны, моря, шоколадные эклеры, гусиная печень, хлеб и т.п.).

Дютур выделяет десятку наиболее продуктивных для производства журналистских штампов названий фильмов и книг, породивших, по его подсчетам, сотни газетных заголовков и клише. Это «Гражданин (в английском варианте «*Citizen*») Кан»; «Жизнь, способ употребления» (например, «амбиция, способ употребления»; «предательство, способ употребления»; «Елисейский дворец, способ употребления»; «Женщина под влиянием» (любой город, любое учреждение, любое блюдо может быть под влиянием); «Невыносимая лёгкость бытия»; «Если бы мне рассказали о Версале» (об ООН, бюджете, телевидении и т.п.); «Пока будут люди» (книги, деревья, налоги, женщины легкого поведения, ...); ««Кадиллак» из массивного золота» (репутация, человек, ситуация ...); «Две-три вещи, которые я знаю о ней» (удобная форма дать понять, что пишущий знает гораздо больше о ком-нибудь или чем-нибудь, чем говорит); «Герои устали» и сопутствующая уставшим героям «Горькая победа» странным образом произвели переоценку ценностей: славными, поучительными, заслуживающими теперь предстают не победа, подвиг или герой, а поражения и побеждённые; «Хлеб, любовь и фантазия», которые в различных сочетаниях дают богатейшие возможности для броских заголовков типа «драгоценности, любовь и исправительная колония».

В заключение автор добавляет ещё два названия, на долю которых выпала «исключительно долгая и славная карьера: «На Западном фронте без перемен» и «Шесть персонажей в поисках своего автора». После семидесяти лет можно все ещё формулировать заголовки вроде «В национальном образовании ничего нового» [4:54–55]. Насмешливую оценку культурного уровня журналистского сообщества завершает красноречивый штрих. Профессор Школы журналистики в письме автору трактата, упрекая его в ретроградстве, снисходительно вопрошает: «Так какова же ваша цель? Каковы образцы? Возвращение к стилю Вольтера, который, конечно же был прав, написав «Хромого дьявола», непреходящее, не отрицаю, свидетельство своей эпохи, или к стилю Стендаля, бессмертного автора «Утраченных иллюзий»?» [4:177]. Профессор Жорж Аннетон явно не знает, что «Хромым бес» принадлежит Лесажу, а «Утраченные иллюзии» Бальзаку...

В главе об основных принципах журналистской деятельности, Дютур использует тот же принцип насмешливо-иронической назидательности и комментирования. Первый принцип, которому должен следовать журналист, желающий заслужить уважение в своей среде, это умение придавать любому материалу двухуровневое содержание, поскольку журналист адресует его двум публикам. С одной стороны, его читатели, слушатели или телезрители, которые, иронизирует автор трактата, ничего не понимают, а с другой — собратья по перу, которые, из присутствующего им коварства, прикидываются, что видят в нём некий скрытый смысл. Поэтому им надо дать понять, что ваши статьи написаны «во второй степени» и, черт побери, их надо «читать между строк». Что же касается определения того, что же значит писать «во второй степени», никто никогда не мог дать удовлетворительного ответа. В сущности, «второй уровень» проявляется в некоей едва уловимой двусмысленности текста, чаще всего доступной только пишущему, но которая избавляет его от упреков в «непростительной наивности», «закрывает самые саркастические рты» и даёт журналисту «репутацию человека слишком интеллигентного, чтобы чему-либо верить» [4:36].

Если вы не хотите прослыть простаком, иронизирует автор, нельзя терять бдительность, чтобы в порыве откровения или охватившего вас чувства справедливости не написать о чём-нибудь в «первой степени», ибо даже если ваш материал получится ярким и убедительным и вызовет у вас законную гордость, ваш собрат не пременит уязвить вас. Хорошо зная журналистские нравы, Дютур очень точно показывает, как это происходит: «Отлично сделан твой материал, — скажет он с улыбкой гиены. — Конечно, его надо читать во «второй степени», иначе это будет набор глупостей. Снимаю шляпу перед твоим трюком!» [4:36].

Второй принцип гласит, что журналист должен убедить читателя или зрителя, что он выше их, что он держатель неких таинственных и глубоких знаний, недоступных простым смертным и что лишь ему ведомы секреты современного языка, без которого нельзя ничего понять в современном мире. Для этого, успокаивает Дютур, не требуется особого прилежания в учёбе или в размышлениях, а достаточно использовать некоторые языковые обороты, которые легко усвоить, и вставить несколько слов, смысл которых непонятен для простых людей.

Образцы подобных выражений Дютур даёт в пятнадцатой главе [4:155–160] «второе дыхание», «время убийц», «Бермудский треугольник», «ключевой вопрос», «под ключ», «буквально» (буквально сметенный бомбой; буквально порубленный на куски; буквально переполненный театр), «эффект» (эффект Горбачева; эффект Барра); «другое измерение», «закон джунглей», «смешное больше не убивает», «иные времена, иные нравы», «над чем смеемся?» и т.п. Что касается непонятных слов, то это в основном американизмы и неологизмы, дублирующие традиционные понятия типа «дискурс», «промоутер»

(рекламщик), «коуч» (тренер, наставник), «джекпот» (большой выигрыш), «визионер» (пророк), «консюмеризм» (потребление), «креативность» (воображение), «лейбл» (этикетка), «бейдж» (значок, обозначение), «де-онтология» (мораль), «менеджер» (администратор), «эмблематичный» (примерный, образцовый) и т.п. Обстоятельный список таких слов дан в шестнадцатой главе «Не говорите ... говорите» [4:161–174].

Согласно третьему принципу, в журналистской среде левополитическая ориентация считается признаком элитности, принадлежность же к правым (консерваторам) смешотворна, ибо консерватизм — это своего рода болезнь, вызывающая у нормального человека, то есть человека левых убеждений (синоним: прогрессивного), смешанное чувство жалости и отвращения, подобное тому, которое здоровое существо испытывает при виде несчастных больных. Для того, чтобы быть «левым» совсем необязательно иметь левые убеждения, для этого достаточно вставить в свои статьи несколько лёгких намёков или прилагательных, которые покажут знатокам, что «вы принадлежите к священной когорте людей доброй воли, работающих для лучшего будущего» [4:39]. Поэтому, насмешливо советует Дютур, никогда не следует говорить (писать) просто «правые», но всегда «мускулистые правые», следует также жалеть об исчезновении «классических правых» или «старых правых», состоявших из личностей, идеи которых невозможно разделять, но респектабельность которых нельзя было не признать» [4:40]. Есть и более изощренные, по мнению автора, способы внушить окружающим, что вы стоите на стороне «сил прогресса». «Левого» журналиста отличает повышенный интерес к проблемам секса, особенно гомосексуализма, и женскому вопросу (право на легальный аборт, напоминание о рабском положении женщин и т.п.), который в системе сюжетов «левых» следует сразу после педарастии.

Любопытной чертой «левого» журналиста является его готовность работать в «правых» газетах, что позволяет ему впоследствии (после принудительного увольнения или самостоятельного ухода из «правого» издания) выступить с серией разоблачительных статей о достойных сожаления нравах «правых» и их попытках посягнуть на «честь» журналиста. Частое употребление этого слова, иронизирует Дютур, производит более чем благоприятное впечатление на публику, которой приятно знать, что люди, чьи статьи она читает или чью голову видит на телеэкранах, «имеют сердце, способное биться ради благородных дел». [4:44].

Следующий важнейший принцип журналистики — это поиск Информации (с большой буквы!) — благороднейшая миссия каждого журналиста. Её выполнение требует его неременного присутствия «там, где это происходит» [4:44], не взирая ни на какие опасности. Преодолевая страх, рискуя жизнью, журналист должен добыть правду и поведать её миру, даже если эта правда повредит людям или его собственной стране. «И не его вина, — язвительно замечает Дютур, — если общепри-

нятая мораль «войдет в конфликт» с моралью журналистской, ибо превыше всего — «священный» «долг информировать» [4:45]. Завершает перечень принципов журналистики требование «видеть зло повсюду, так как нет невинных действий или слов» [4:45], как нет и бескорыстных людей.

Одно из важнейших достоинств дютуровского трактата заключается в том, что его насмешливо-иронический, а порой и откровенно саркастический анализ принципов, нравов и стилистических клише французской журналистики второй половины XX века выявил одновременно характерные черты, присущие современной журналистике в целом. Эта негативная типология особенно отчетливо проступает как в уже рассмотренных нами главах, так и в главах пятой — седьмой («Сентиментальный километр», «Мэтры ужасного», «Планетарный взгляд».) Впрочем,

даже в главах, посвященных анализу специфически французских реалий, острый взгляд Дютюра улавливает общепринятые журналистские приемы, достойные осмеяния.

Не ставя перед собой задачу детального рассмотрения всего трактата в данной статье, отметим, что в нем Дютюр проявил себя как подлинный сатирик, избрав объектом своего насмешливого пафоса изъяны такого социально значимого явления, как журналистика, представляющая обширную сферу общей и политической культуры современного мира. Для этой цели он использовал жанр трактата с элементами учебного пособия, придав присущей этим жанрам рассудительно-назидательной манере повествования сатирическую и насмешливо-ироническую окраску, что позволило ему создать яркое и остроумное произведение, достойно продолжающее французскую сатирико-ироническую традицию.

Литература:

1. Михилев А.Д. Жан Дютюр: меня начнут обожать после смерти / А. Михилев // Дютюр Ж. Воспоминания Мэри Ватсон: романы, рассказы: пер. с фр. / Ж. Дютюр. — Х.: Фолкен, 1999. — С. 7—22.
2. Михилев А.Д. Французская сатира второй половины XX века: социально-идеологический аспект и поэтика / А.Д. Михилев. — Х.: Вища школа, изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. — 183 с.
3. Фель Е.Л. Специфика интерпретации традиционных сюжетов в новеллистике Жана Дютюра / Международный украинский научный конгресс исследователей зарубежной литературы и культуры «Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций». Сборник научных трудов. Вып.4.— Симферополь: Крымский Архив, 2012 — 360 с. (с. 288—296).
4. Dutourd J. Ça bouge dans le prêt-à-porter: Traité du journalisme/ Jean Dutourd. — P.: Flammarion, 1989. — 181 p.
5. Dutourd J. Journal des années de peste. 1986—1991. / Jean Dutourd — P.: Plon, 1997. — 418 p.
6. Dutourd J. Le siècle des lumières éteintes / Jean Dutourd. — P.: Plon, 2001. — 369 p.

Значение повествования от лица автора в повести И.С. Тургенева «Вешние воды»

Павлова Анна Васильевна, студент

Московский государственный областной университет

Литературный талант И.С. Тургенева был достойно оценен еще при жизни писателя, притом не только в России, но и за рубежом. Немецкий критик Юлиан Шмидт писал, что «по силе своего поэтического таланта Тургенев не уступает никому из ныне живущих писателей Европы» [6]. Выдающийся талант И.С. Тургенева высоко оценивал С.А. Венгеров, отмечавший особую способность писателя глубоко проникать в душу русского человека.

Исследователями творчества И.С. Тургенева отмечался его талант повествователя, способность к изображению реалистического, проникновенного русского пейзажа, умение ясно и глубоко обрисовать характер русского человека. М.Б. Храпченко, специалист по истории и теории литературы, указывал на способность писателя «живо и реалистично изображать своих героев, так, что устраняются всякие преграды между ними и читателем» [6]. Какими же художественными средствами достигается этот

эффект? Одним из них, без сомнения, является форма повествования от лица автора. Очень показательной в этом плане является повесть И.С. Тургенева «Вешние воды» (1872), раскрывающая читателю историю любви двух молодых людей, историю их внутренних переживаний и ситуацию потери возможного близкого счастья.

И.С. Тургенев, описывая историю развития отношений Дмитрия Павловича Санина с Джеммой, а затем с Марьей Николаевной Полозовой, глубоко проникает во внутренний мир героев, прослеживает возникновение и развитие в одном случае искренней, настоящей любви («Санин и Джемма полюбили в первый раз; все чудеса первой любви совершались над ними» [7, с. 234]), а в другом — страсти. Немало способствует этому избранная писателем форма повествования от третьего лица, позиция всезнающего и всепроникающего автора. На фоне других повестей И.С. Тургенева 1870-х годов, где пове-

ствование ведется от имени рассказчика, сам факт обращения к подобной повествовательной форме многозначителен. Он говорит о стремлении И.С. Тургенева как можно полнее постичь души своих героев.

В повести «Вешние воды» экспозиция посвящена не рассказчику, как это было в таких повестях И.С. Тургенева, как «Ася» и «Первая любовь», а основному герою. С первых же строк произведения читатель проникает во внутренний мир Дмитрия Санина, с такой полнотой изображенный писателем.

Образы и события даны в повести «Вешние воды» через воспоминания. Эта обращенность в прошлое, в историю душевного мира Дмитрия Павловича Санина овеяна элегическим тоном. Повесть предваряют такие строки из старинного романса:

Веселые годы,
Счастливые дни —
Как вешние воды,
Промчались они! [7, с. 153]

Действительно, юность и молодость Санина давно прошли. И.С. Тургенев пишет, что сейчас герою минуло уже пятьдесят два года, а вспомнились ему события тридцатилетней давности, когда он был совсем еще молод. Поводом к воспоминаниям послужил гранатовый крестик, на который Санин случайно наткнулся в шкафу среди бумаг. Это был крестик Джеммы...

История Дмитрия Павловича Санина — это история запоздалого прозрения, осознание невозвратности молодости, бесплодия и пустоты оставшейся жизни. Вспоминает Санин, но воспоминания его облечены в форму повествования от автора. Аналитический метод изображения создает дополнительную глубину и увеличивает возможности показа самого процесса внутренних переживаний и мыслей героев, характер их душевной жизни. Автор постоянно включается в повествование. В логической последовательности он представляет своих героев, посвящает читателя в их прошлое, а также рассказывает об их дальнейшей судьбе. И.С. Тургенев выступает то как историк, то как моралист. Интересно, что автор то со стороны смотрит на героев и их поступки, то в точности передает их мысли, сомнения, внутренние тревоги. Позиция всезнающего автора позволяет передать динамику внутренних душевных процессов. В результате этого читатель становится свидетелем напряженной борьбы главного героя с самим собой, со своими переживаниями. Писатель четко передает, как Дмитрий Санин то уступает своим желаниям и страстям, то осуждает себя за это.

Форма повествования от лица автора создает у читателя иллюзию сопричастности самонаблюдениям и самоанализу героев. Особенно ярко это проявляется в эпизодах, которые окрашены авторским тоном печали, сочувствия своим героям или, наоборот, радости за них.

Особую роль в повести «Вешние воды» играет несобственно-прямая речь, часто включаемая И.С. Тургеневым в

повествование. Напомним, что несобственно-прямая речь — это отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причём передача текста повествователя не маркируется ни графическими знаками, ни вводными словами, иначе говоря, не выделена ни пунктуационно, ни синтаксически. Несобственно-прямую речь впервые активно стал использовать в русской литературе А.С. Пушкин, после чего этот прием прочно закрепился в художественной литературе. Несобственно-прямая речь на синтаксическом уровне не выделяется из авторской, но сохраняет лексические, стилистические и грамматические элементы, присущие речи говорящего. Благодаря ей мысли персонажей передаются как бы изнутри: «Не имей он надежды скоро и благополучно окончить дело, за которым приехал в Висбаден, опрометью бросился бы он оттуда назад — в милый Франкфурт, в тот дорогой, теперь уже родственный ему дом, к ней, к возлюбленным ее ногам... Но делать нечего! Надо испить фиал до дна, надо одеться, идти обедать — а оттуда в театр... Хоть бы завтра она его поскорее отпустила!» [7, с. 274]. Это один из многих в повести «Вешние воды» отрывков, где объективное поначалу описание переходит незаметно во внутреннюю речь героя. Голос автора накладывается на голос персонажа, и в итоге открывается дополнительная глубина в характере героя. Такого глубокого проникновения в душевное состояние героя нет в произведениях с посредником, когда рассказ ведется с индивидуальных и ограниченных позиций одного из персонажей.

Повествование от автора помогает достичь высочайшего психологизма, глубокого постижения души героев, их сомнений, переживаний, тревог, колебаний, борьбы. И.С. Тургенев тонко передает чувства, переживаемые героями, показывает их в ходе возникновения и развития, в сложном переплетении мотивов и желаний. Авторские пояснения проникают в показ движения таких чувств, которые сами герои не в силах в себе осознать. Сопровождающий повествование авторский голос, анализирующий, объясняющий, всюду проникающий, оценивающий, прослеживает все подробности внутреннего состояния персонажей.

Правда, у И.С. Тургенева голос автора не сопровождает повествование непрерывным потоком, как у Л.Н. Толстого. Он комментирует действие и открыто обнаруживает себя лишь в тех случаях, когда возникает необходимость объяснить то, что могло бы остаться непонятным читателю или пройти мимо его сознания.

Бывает так, что иногда И.С. Тургенев ссылается на жизненный опыт читателя, не вдаваясь в описание душевного состояния персонажа: «Санин вернулся домой... и предался тем ощущениям только что осознанной любви, которые и описывать нечего: кто их испытал, тот знает их томление и сладость; кто их не испытал — тому не растолкуешь» [7, с. 233].

Но вот, после неожиданного и резкого поворота сюжета, когда на смену ясному и чистому чувству при-

ходит страсть к дурной женщине, затронувшая темные и страшные стороны души главного героя, а вместе с нею и запутанность, сложность отношений, роль автора значительно возрастает. Он теперь постоянно находится над героем, старается объяснить его нравственные колебания. С какой поразительной точностью И.С. Тургенев проникает в подсознательные глубины человека! Именно подсознательные, ибо герой как бы свободен он ни был в своих поступках, не свободен в чувствах, мыслях и ощущениях. Дмитрий Санин порой старается заглушить в себе нравственное чувство, заставить замолчать совесть. Он приводит для себя внутренние аргументы, которые могли бы оправдать его поведение и укрыться от собственного осуждения: «Презрение он бы почувствовал к себе, если б ему удалось хотя на миг сосредоточиться...» [7, с. 293].

Повествование от лица автора, а не от лица рассказчика, как выяснилось, дает большое количество преимущ-

еств в изображении внутреннего мира героев произведения. Положение автора, которому доступно многое, позволяет описывать канву событий, анализировать не только доступное глазу наблюдателя, но и фиксировать, каким образом рождались в душе человека те или иные решения, какие начала вступали в противоречие, как сплетались различные чувства и настроения.

В повести «Вешние воды» И.С. Тургенева много автобиографического, как и в повестях «Ася» и «Первая любовь». Это признавал сам писатель. В повести «Вешние воды» звучат самые сокровенные его мысли. А образ Дмитрия Санина, несмотря на критическое отношение к нему самого автора, внутренне близок писателю. Несомненно, что «Вешние воды» — одно из самых личных произведений И.С. Тургенева. Он признавался, что писал эту повесть с особенной любовью и с большим удовольствием.

Литература:

1. Зайцев, Б.К. Жизнь Тургенева: Литературная биография / Б.К. Зайцев. — М.: Дружба народов, 2000. — 224 с. — (Русская классика в школе.)
2. Недзвецкий, В.А. История русского романа XIX века: неклассические формы: Курс лекций / В.А. Недзвецкий. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 152 с. (Университетские курсы лекций.)
3. Недзвецкий, В.А. И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя: Курс лекций для магистрантов / В.А. Недзвецкий. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 208 с.
4. Недзвецкий, В.А., Полтавец, Е.Ю. Русская литература XIX века. 1840—1860-е годы: Курс лекций / В.А. Недзвецкий, Е.Ю. Полтавец. — М.: Издательство Московского университета, 2010. — 376 с. (Университетские курсы лекций.)
5. Писарев, Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова: Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859—1862 / Д.И. Писарев. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. — 345 с.
6. Тимашова, О.В. Писатели, критики, исследователи о Тургеневе: избранные цитаты [Электронный ресурс] / О.В. Тимашова // Издательство «Лицей». — <http://www.licey.net/lit/clas19/kritikiTurgenev>.
7. Тургенев, И.С. Первая любовь: Повести / Вступ. ст. В.И. Порудоминского /
8. И.С. Тургенев. — М.: Просвещение, 2001. — 321 с.: ил.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Отказ от понимания как форма коммуникативного поведения

Абрамова Елена Константиновна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет

Отказ от понимания является сознательно выбранной формой коммуникативного поведения, продиктованной объективными и/или субъективными причинами. Однако на бессознательном уровне работа понимания продолжается.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, понимание, непонимание, отказ от понимания, причины отказа от понимания.

Исследуя феномен непонимания в процессе межличностного общения, можно увидеть наличие двух противостоящих друг другу тенденций. С одной стороны, субъект может сам сознательно отказаться от понимания чувств, поступков, точек зрения своего партнера по коммуникации, а также излагаемых им событий и фактов. С другой стороны, бессознательная работа понимания продолжается даже в случае отказа.

Практика общения свидетельствует о том, что зачастую непонимание является его отрицательным результатом. В этом случае оно расценивается как коммуникативный сбой [7], коммуникативная осечка [2], коммуникативная неудача [9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20], неуспех, диссонанс в общении, что может привести к постепенному свертыванию разговора: «... увидев, что нас не понимают и не могут понять, мы обычно предпочитаем ретироваться» [10, с. 57]. Первый шаг к пониманию состоит в том, чтобы осознать возникшее непонимание и предпринять попытки по его преодолению: «... pour triompher d'une incompréhension, le meilleur moyen c'est de la tenir pour sincère et de *tâcher de la comprendre*», André Gide [26, р. 484]. Так, субъект непонимания может постараться преодолеть его сейчас или повторить попытку позже. В повседневном общении довольно часто можно наблюдать ситуации, когда коммуникант оказывается неспособным понять другого, и, ввиду уверенности в тщетности своих усилий, отсутствия необходимости в понимании на данный момент, нежелания менять свое мнение и т.д. он отказывается от попыток «победить» возникшее непонимание. По мнению Н.С. Гамалей, именно отказ от понимания является истинным непониманием, относя неправильное, неполное, неадекватное достижение смысла больше к пониманию, чем к непониманию: «Сколь неадекватно ни понимал бы реципиент текст, это все же будет пониманием. <...> Истинное же непонимание представляет собой отказ от понимания: концептуальная система приведена в состояние хаоса, реципиент пытается

построить некую удовлетворяющую его систему смыслов и после неудачной попытки <...> отказывается от поиска организующего начала» [8, с. 78].

Причиной отказа от понимания могут служить определенные характеристики самого субъекта: недостаточные умственные способности, дефицит лингвистических и энциклопедических знаний, некомпетентность в определенной области, невнимательность, рассеянность, сильное эмоциональное потрясение: «Mlle Sergent <...> indique à Rabastens l'endroit que ses nouvelles élèves *refusent de franchir*, par défaut d'attention, les uns, *par incompréhension*, les autres», Colette [32, р. 34]. Кроме того, причина может скрываться в неспособности проявить снисхождение к собеседнику, межличностных разногласиях и конфликтах, принципиальных соображениях, столкновениях ценностных ориентаций, несовпадении социальных эталонов и стереотипов, а также индивидуальных различиях: «- Là, comme sur le reste, tu es en contradiction avec toi-même. <...> *Allons, ne recommandons pas notre discussion, tu ne veux pas comprendre.* / — Si, au contraire, recommandons-la. En quoi, s'il te plaît, suis-je en contradiction avec moi-même?» [25, р. 35]. Нередки случаи непонимания по какому-либо определенному вопросу: люди хорошо ладят в деловой обстановке, но не понимают и не разделяют религиозные или политические взгляды друг друга. Обычно человек понимает то, что ближе ему, что не противоречит его убеждениям, находит отклик в его сознании. Это свидетельствует о том, что непонимание, как и понимание невозможно без оценки и эмоционального отношения к познаваемому [3, 12, 21]. С этой точки зрения, «осмыслить явление, понять сообщение — значит установить, как включено это явление или сообщение в социально-культурную деятельность, в каких целях они могут использоваться или используются» [21, с. 55].

Некоторые параметры понимаемого сообщения также могут быть причиной отказа. К таковым относятся: бес-

смысленность, абсурдность: «... rien que cet accablement devant l'irrémissible, mêlé à ce sentiment déjà éprouvé en Italie, des *absurdes caprices* du destin, de *ses chemine-ments incompréhensibles*...» [28, p. 84]; крайняя сложность: «Une phrase correcte est *facile à entendre*, mais si elle exprime *une haute pensée philosophique*, il peut arriver qu'on l'entende sans la comprendre» [23, p. 143]; абстрактность: «On a raison, si c'est ainsi, de se moquer de ce qui est *intellectuel*, et de trouver *incompréhensible* tout ce qui *n'est pas palpable*», Mme de Staël [32, p. 33]; неясность: «- *Je saisis difficilement*. <...> Je veux bien le connaître, votre logicien. *S'il veut m'éclairer sur ces points délicats, délicats et obscurs*...» [31, p. 94–95]; необычность: «... le récit de Max était *incompréhensible* pour lui. Cette force inépuisable de la jeunesse *le déconcertait*», J. Chardonne [26, p. 484]; неоднозначность: «- Je m'excuse, ma bru, mais c'est votre faute: *vous ne m'expliquez rien parce que vous avez décidé que je ne comprendrais pas*. / — Il n'y a rien à expliquer. / <...> — En tout cas vous pouvez me dire s'il est malheureux. / — Là-haut, *les mots n'ont pas le même sens*. / — Bien. Comment dit-on, là-haut, qu'on souffre? / — On ne souffre pas. / — Ah? / — On est occupé» [31, p. 208–209]. Однако такие черты, как наличие смысла и бессмысленность, ясность и неясность, легкость и сложность, тривиальность и необычность относительны, поскольку что сложно и нелогично для одного человека, является простым и обладает конкретным смыслом для другого; что, с одной точки зрения, оригинально и своеобразно, с другой — представляется привычным и ординарным.

Данные заключения находят подтверждение в лексикографическом материале, примерах из французской литературы, описывающих различного рода ситуации непонимания. К примеру, лексема «*incompréhension*» имеет следующие определения во французских толковых словарях: «*Incapacité ou refus de comprendre*, de rendre justice à qqn, de comprendre qqn en excusant certains aspects de son comportement; manque d'indulgence» [26, p. 484]; «*Incapacité ou refus de comprendre qqn ou qqch*, de l'apprécier à sa juste valeur, de se mettre à sa portée» [24, p. 2608]. В приведенных дефинициях наряду с отказом непонимание трактуется как неспособность понять, простить кому-либо его поведение, оценить по заслугам, воздать должное, приспособиться к уровню развития, недостаток снисходительности.

Анализ художественной литературы позволяет выделить концептуальные метафоры — уникальные и нетипичные средства выражения отказа от понимания во французском языке. К таковым концептуальным метафорам относятся: *aveugle* и *sourd*, выражающиеся через соответствующие языковые метафоры: *aveugle* — «qui refuse ou est incapable de voir la réalité, de se rendre à l'évidence» [33, article «*aveugle*»], «dont la raison, le jugement est incapable de rien discerner» [34, article «*aveugle*»]; *sourd* — «qui est insensible à qqch, qui refuse de comprendre, de tenir compte de qqch, de qqn» [33, article

«*sourd*»]. Действительно, субъект, отказывающийся понимать что-либо, превращается в слепого и/или глухого, поскольку так гораздо легче оправдать свое коммуникативное поведение: «... Mais regardez donc! regardez donc, *vous êtes aveugle!* Ayez le courage de la regarder une fois, une seule fois, de regarder vraiment!» et il montrait Marie-Louise, toute souriante elle aussi, «Imbécile que vous êtes, Maurer! *Vous n'avez pas compris?* Vous êtes sans ambition, sans cruauté, sans rien de ce qui donne prise sur la vie!» [28, p. 105]; «Ils n'eurent pas fait cent mètres qu'ils entendirent Dupin, qui, les suivant, répétait une main tendue: «C'est un malentendu » / *Argamasilla était sourd*. Rico avait beau retenir l'âne et dire: «Si vous l'écoutez!», *Arga avait de la cire dans les oreilles*» [29, p. 32].

В философских, психологических, литературных кругах отказ от понимания подвергается резкой критике: «Je souffre du déni de certains. Oui, cette obstination dans le refus, *la volontaire incompréhension*, la haine», André Gide [34, article «*déni*»]; «Homme, *tout affronter vaut mieux que tout comprendre*. / La vie est à monter, et non pas à descendre», E. Verhaeren [22, p. 1129]; «- Mon cher Béranger, *il faut toujours essayer de comprendre*. Et lorsqu'on veut comprendre un phénomène et ses effets, il faut remonter jusqu'à ses causes, par un effort intellectuel honnête. *Mais il faut tâcher de le faire, car nous sommes des êtres pensants*» [31, p. 92–93]. Ученые отмечают, что работа понимания продолжается даже в случае сознательного отказа, это происходит на бессознательном уровне и объясняется онтологическими основаниями понимания, которые определяют бытие человека в мире и дают возможность в нем ориентироваться: «Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» [19, с. 29]; «Человек попросту не может жить в непонятном для него мире — ни практически, ни теоретически» [1, с. 73]; «Человек обращает свой опыт на текст с целью освоения его содержательности, то есть стремится понять текст по множеству самых различных причин, среди которых отнюдь не последнюю роль играют человеческая страсть к освоению действительности, стремление человека достичь своего общественного идеала, любовь к общению с духовным богатством импонирующих человеку авторов, и все это — не «метафизика», а нормальная проекция действительных общественных отношений на действительную субъективность индивидуальной человеческой личности» [5, с. 23].

Вопрос о том, когда преодолеть непонимание, Г.И. Богин связывает с развитием языковой личности. Автором выделяется пять уровней развитости языковой личности: правильности, интериоризации, насыщенности, адекватного выбора, адекватного синтеза: «Когда языковая личность достигает относительно полного развития, начинает действовать положение, при котором чем сильнее непонимание, тем более широк «рефлексивный скачок»» [6, с. 12]. Так называемое отсроченное понимание приходит с приобретением недостающих знаний и накоплением необходимого жизненного опыта: «- Il se mit à sangloter à

petit bruit, se retenant de sangloter plus haut malgré le silence et la solitude qui l'entouraient de tous côtés et d'une façon implacable. *C'était la première fois qu'il comprenait véritablement le sens du mot «implacable»*» [30, p. 79].

Другими словами, для высоко развитой языковой личности непонимание выступает в качестве стимула для его преодоления. Поэтому причины отказа от понимания, выделенные в начале статьи, могут выступать в роли стимула для преодоления непонимания. В. Бимель по этому поводу отмечает: «Мы с легкостью склоняемся к тому предрасудку, что когда нам уготовано нечто трудное, то виной этому не само дело или не сама вещь, а тот кто о них говорит. Вероятно, неплохо было бы хоть раз попробовать противоположный подход, предположив, что трудность

заложена в самом деле / самой вещи, а может быть также и в нашем ленивом нежелании истинно познать эту трудность» [4, с. 239].

Таким образом, субъект, который отказывается понимать что-либо в силу многочисленных объективных и/или субъективных причин, преследуя свои личные цели или из-за сложного, абсурдного, неясного характера понимаемого, невольно продолжает пытаться преодолеть свое непонимание. В этом проявляется некая противоречивость и относительность отказа от понимания: «- *Faut pas chercher à comprendre*, dit un des sous-officiers. Viens, Ducroc, on rentre. / — Au contraire, dit-il, *il faut chercher à comprendre*» [27, p. 82].

Литература:

1. Алексеев И.С. Об универсальном характере понимания // Понимание как философско-методологическая проблема // Вопросы философии. — 1986. — №7. — С. 73–74.
2. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // НДВШ. Филологические науки. — 1970. — №3. — С. 44–58.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 444 с.
4. Бимель В. Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о себе и своей жизни. — Челябинск: Урал LTD, 1998. — 285 с.
5. Богин Г.И. Разные подходы к вопросу о схемах понимания текста // Текст в языке и речевой деятельности: Сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т языкознания и др. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1987. — С. 20–33.
6. Богин Г.И. Типология понимания текста: Учебное пособие. — Калинин: КГУ, 1986. — 87 с.
7. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Рос. АН. Ин-т рус. яз. — М.: Наука, 1993. — 172 с.
8. Гамалей Н.С. К проблеме непонимания // Текст: варианты интерпретации: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. (19–20 апреля 2001 г.). — Бийск, 2001. — С. 78–80.
9. Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка — к лингвистике общения // Язык и социальное познание: [Сб. ст.] / Сост. В.Н. Переверзев. — М.: ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. — С. 39–55.
10. Демьянков В.З. Недопонимание как нарушение социальных предписаний // Язык и социальное познание: [Сб. ст.] / Сост. В.Н. Переверзев. — М.: ЦС филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. — С. 56–64.
11. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 30–64.
12. Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. — 1987. — №8. — С. 31–43.
13. Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 303–359.
14. Кънева Н.К. Антиидеализм: релятивный подход к исследованию коммуникативных неудач // Тверской лингвистический меридиан. — Тверь: ТГУ, 1999. — С. 56–62.
15. Кънева Н.К. Условия успешности коммуникативного акта // Язык и дискурс. — Тверь: ТГУ, 1997. — С. 26–34.
16. Милосердова Е.В. Прагматика речевого общения: Учебное пособие. — Тамбов: Тамб. ун-т, 2001. — 122 с.
17. Славова Л.Л. Типология коммуникативных неудач (на материале современной английской речи): Автореф. дисс. ... канд. филол. н. — Киев, 2000. — 19 с.
18. Смирнова М.Н. Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. н. — М., 2003. — 165 с.
19. Сулейманова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. — Алма-Ата: Мектеп, 1989. — 160 с.
20. Теплякова Е.К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 1998. — 157 с.
21. Тульчинский Г.Л. Проблемы осмысления действительности. Логико-философский анализ. — Л.: Ленинград. ун-т, 1986. — 177 с.
22. Dictionnaire de citations françaises les usuels du Robert. — P.: sous la direction de Pierre Oster, 1978. — P. 1129.

23. Dictionnaire des synonymes de la langue française par René Bailly. — P.: Éditions Librairie Larousse, 1972. — P. 143—144.
24. Grand Larousse de la langue française en 7 volumes. — P.: Éditions Librairie Larousse, 1986. — T. 3. — P. 2608.
25. Laffitte J. Rose France. — M.: Éditions en langues étrangères, 1953. — 248 p.
26. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. — P.: Le Robert, 2e Édition entièrement revue et enrichie par Alain Ray, 1989. — T. 5. — P. 484—485.
27. Pozner V. Deuil en 24 heures. Roman. — P.: Éditions français réunis, 1956. — 332 p.
28. Roblès E. La croisière. — M.: Éditions Prosvéstchénié, 1982. — 144 p.
29. Sabatier R. La Sainte farce. Roman. — P.: Éditions Albin Michel, 1960. — 368 p.
30. Sagan Fr. Les faux-fuyants. — P.: Éditions Julliard, 1991. — 190 p.
31. Théâtre français d'aujourd'hui. Livre 2. — M.: Éditions du Progrès, 1969. — 444 p.
32. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789—1960). — P.: Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1983. — T. 10. — P. 33—36.
33. Trésor de la langue française. Dictionnaire informatisé. — P.: Éditions du centre national de la recherche scientifique, 2004.
34. Version électronique du Nouveau Petit Robert. Dictionnaire analogique et alphabétique de la langue française. — P.: Nouvelle Édition du Petit Robert de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey, 1997.

Репрезентанты концепта «Любовь» в русском языке (на материале произведений Б.Л. Пастернака)

Батурина Ольга Алексеевна, преподаватель
Брянская государственная сельскохозяйственная академия

В предыдущих публикациях мы старались показать, что макрополе концепта «Любовь» включает в себя четыре микрополя I ступени: «Эмоциональное напряжённое, сердечное чувство», «Чувство искреннего расположения и привязанности», «Стремление пробуждать потребность в ответном чувстве», «Стремление к представленности в жизни другого» [1].

Анализ стихотворений позволил увидеть, что микрополе первой ступени «Чувство искреннего расположения и привязанности» включает в свою структуру три микрополя второй ступени. В данной статье рассмотрим подробнее содержательные характеристики и языковые средства, с помощью которых выявляются признаки второго из микрополей второй ступени «Преклонение перед объектом любви».

Дефиниция *преклонение* имеет следующие значения: 1/ см. преклонить, 2/ глубокое уважение, восхищение. *Чувство преклонения* [4]. В поэтических текстах Б. Пастернака лексема *преклонение* встречается во втором значении. *Преклонение перед объектом любви* проявляется, в первую очередь, в отношении героя к женщине: «А я пред чудом женских рук,/Спины, и плеч, и шеи/И так с привязанностью слуг/Весь век благоговейю» [7]. *Преклонение* обеспечивается в данном случае возможностями семантики глагола благоговеть: 1/ *глубочайшее почтение* [4], 2/ *преклонение перед высшим, чувство любви человека к тому, что превосходит его самого* [9], 3/ *чувство благоговения ...*

состоит из любви, из полного подчинения чему-то высшему и таинственному, из сильного чувства зависимости, почтения, страха, благодарности за прошедшее и упования на будущее благо. Чувство благоговения — одно из вечных, незыблемых основ нравственной жизни человечества, наряду с чувствами стыда и жалости [9]. В сочетании *весь век благоговейю* сема *преклонения* получает характеристику *постоянства*. Ведь сочетание *весь век* имеет значение: «... навсегда» [4]. Всю свою жизнь лирический герой согласен *преклоняться* перед женщиной. Возвышенное отношение к женщине — это одна из главных тем в творчестве Б. Пастернака: «Но на свете есть так называемое возвышенное отношение к женщине» [7]. Это проявляется в сравнении женских рук, плеч, спины и шеи с *чудом*. Перефразируя, скажем: ...женщина — и есть чудо, то есть «... нечто поразительное, удивляющее своей необычностью» [4]. Приведем ещё пример: «Горьких губ изгиб целуя:/Были дивны веки/Царственные, гипсовые» [7]. Обратим внимание на семантику прилагательного *царственный*: «Величественный и горделивый, величавый» [7]. В данном фрагменте стихотворения лексема *царственный* употреблена в значении «величественный», то есть «исполненный величия» [7]. Здесь сема *преклонения* обеспечивается семантикой существительного *величие*, которое имеет возможность передавать значение «наличие в ком — нибудь выдающихся свойств, внушающих *преклонение, уважение*» [7].

Объект любви занимает в жизни лирического героя центральное место, порой становясь смыслом его жизни, и чувство любви становится настолько сильным, что любящий не просто любит, а молится на любимую [8]: «*Казалось не люблю, — молюсь/И не целую, — мимо/Не век, не час плывет моллюск,/Свеченьем счастья тминый*» [7]. Сема *преклонения* обнаруживает себя в семантике глагола *молиться*, который употреблён в третьем переносном значении — «*беспредельно любить, боготворить кого- что-нибудь*» [4]. Заметим, что лексема *боготворить*, в свою очередь, имеет определение «*преклоняться перед кем — нибудь*». Можно предположить, что *преклонение* в данном случае получает характеристику *обожествление любимой*. В словарных дефинициях *обожествление* представлено значением: «2. *Любить до преклонения*» [4], что может подтвердить наше предположение о наличии данной характеристики.

В анализируемых поэтических текстах мы обнаружили, что *объектом любви у Пастернака* может выступать не только отдельный человек (любимая), но и целый народ: «*Превозмогая обожанье,/Я наблюдал, боготворя./Здесь были бабы, слобожане,/Учащиеся, слесаря*» [7]. *Преклонение* в данном отрывке стихотворения представлено значениями глагола *боготворить* (беззаветно любить, *преклоняться перед кем- чем-нибудь*) [4] и существительного *обожанье* (*питать к кому- чему-н. чувство сильной любви, преклоняться перед кем- чем-н*) [4]. Лирический герой Б. Пастернака *преклоняется* перед русским народом, испытывая к нему искреннюю привязанность.

Языковой материал произведений Б.Л. Пастернака показывает, что *преклонение перед объектом любви* обнаруживает себя в проявлении *верности* к кому- чему-либо: «*Драгоценные женские письма!/Я ведь тоже упал с облаков./Присягаю вам ныне и присно:/Ваша буду во веки веков*» [7]. Сразу несколько элементов текста указывают здесь на *верность* как качество *преклонения*. Во — первых, это употребление глагола *присягаю*, который употреблён в значении: «*давать присягу кому-нибудь. Присягать на верность*» [4]. Во-вторых, притяжательное местоимение *ваш* употреблено в значении «*принадлежащий вам...*» [4]. Другими словами, лирический герой Б.Л. Пастернака «*...даёт официальное обещание*» [4] «*находиться в чьей-нибудь собственности, в чьём — нибудь обладании...*» [4]. А в сочетании *во веки веков* сема *преклонения* опять же получает характеристику *постоянства*, так как данное словосочетание в словарных дефинициях имеет значение «*...навсегда*» [3]. По сути, поэтический герой торжественно, обещает хранить вечную верность женским письмам. Интересно, что словосочетание *драгоценные письма* имеет значение: «*очень важный, очень ценный для кого — нибудь предмет. Это письмо — семейная драгоценность*» [4]. Исходя из вышесказанного, осмелимся предположить, что употребление подобной синтаксической

конструкции указывает на *трепетное* отношение героя к женским письмам, а, возможно, ко всему тому, что связано с женщиной.

На периферии описываемого микрополя второй ступени, то есть снижая уровень концентрации характеристики, находятся средства, представляющие *преклонение перед объектом любви* через переносные значения. Например, непременным периферийным компонентом данного микрополя выступает лексема *волнение*: «*Голос маленькой птички ледящей/Пробуждает восторг и сумятицу/В глубине очарованной чаши*» [7]. В нашем языковом материале мы обнаружили, что наиболее часто поэт описывал душевное волнение: «*состояние душевного беспокойства, сильная тревога. Возможное проявление — поблуднение, заикание, дрожание колен, срывающийся голос, быстрая речь, нервные движения рук, кусание губ, хождение из угла в угол и др. Отмечают, что от сильного волнения может быть зевота; при скрываемом волнении нередко ритмичное выстукивание ногой, рукой или пальцем, бывает затрудненное дыхание. Типичная реакция — индукция, подозрение, беспокойство (если партнеру по общению непонятна причина волнения субъекта), эмпатия. Может сочетаться со страхом, недовольством, дискомфортом, чувством неопределенности, ожиданием. Может смениться облегчением, спокойствием, гневом, тревогой, радостью*» [10]: «*О женщина, твой вид и взгляд/Ничуть меня в тупик не ставят./Ты вся — как горла перехват,/Когда его волненье сдавит*» [7]. В поэтических текстах Б. Пастернака лирический герой достаточно часто испытывает волнение во время встречи или при расставании с любимой, сопровождающееся затруднением дыхания. Например, *горла перехват*, где лексема *перехват* имеет значение: «*спазматическое движение*» [4]. А в «Охранной грамоте» Б. Пастернак так описал волнение: «*С перехваченной от волненья глоткой, я мямлил что-то отсохшим языком и запивал свои ответы частыми глотками чаю, чтобы не задохнуться или не сплоскаться как-нибудь ещё*» [7]. Именно так поэт представляет нам душевное волнение, сопутствующее любовному чувству. Нередко волнение своего героя Пастернак показывает через описание других предметов: «*... даже антресоль/При виде плеч твоих трясло*» [7].

При анализе материала поэтических текстов Б.Л. Пастернака мы обнаружили, что герой *преклоняется* перед талантом, испытывая восторг: «*Ты так играла эту роль! Я забывал, что сам — суфлёр!*» [7]. Обратившись к данным лексикографических источников, мы обнаружили, что восторг — это «*восхищение, «большой подъём чувств», высшая точка радости, счастья. Состояния восторга чаще возникают в толпе, заворожённой каким-то событием, ярким выступлением оратора, а также в маниакальном состоянии. Во всех упомянутых состояниях индивид в это время совершенно забывает о себе, его ощущение собст-*

венного Я как бы растворяется в том, что он в это время воспринимает. Иными словами, в состоянии восторга сознание становится изменённым до степени, способной существенно нарушить адаптивное поведение и адекватную оценку реальности» [10]. В представленных стихотворных строках глагол забывал передаёт следующее значение: «2/ упустить из сознания, перестать держать в мыслях» [4]. Именно так представлено восхищение героя талантом любимой. Воркачёв в своих работах отмечает, что чувство любви сопровождается стрессовостью, динамизмом и пр. Любовь преобразует человека, воздействует на его характер и психику [2]. Приведём пример к сказанному: «Голоса приближаются: — /Скрябин./О, куда мне бежать/ От шагов моего божества!» [7]. Лексема божество употреблено в цитируемом контексте во втором своём

значении: «предмет обожания, преклонения» [4], что подтверждает наше предположение о преклонении лирического героя перед талантом. Отметим, что Б. Пастернак с ранних лет боготворил Скрябину: «...я не столько вез ему свои сочинения, сколько давно превзошедшую всякое выражение любовь...» [7].

Подводя итог вышесказанному, можно предположить, что микрополе второй ступени «Преклонение перед объектом любви» занимает важное место в структуре концепта «Любовь» и характеризуется следующими признаками: преданностью, верностью, постоянством, обожествлением любимой. Заметим, что описание структуры и семантического состава всех микрополей позволит более подробно описать концепт «Любовь» как он представлен в поэтических текстах Б. Пастернака.

Литература:

1. Батурина О.А. Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 2. С. 39–44. ISSN 1997–2911.
2. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. Волгоград, 2003.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. М., 2000.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Воронеж, 2007.
6. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5 т. М., 1989–1992.
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2004.
8. Сви́дерская О.А. Лексема «любовь» как ядерный компонент одноименного концепта в русском языке (на материале поэзии Б. Пастернака). Пермь, 2010.
9. Соловьев В. Философский словарь. Ростов, 1997.
10. Филиппов А.В., Романов Н.Н., Летягова Т.В. Тысяча состояний души. Краткий психолого-филологический словарь, 2011.

Метафоры внутреннего мира человека в романе Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту»

Головнёва Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;
Константинова Виктория Сергеевна, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В связи с выдвижением антропоцентрической научной парадигмы концепты внутреннего мира человека находятся в центре внимания современной лингвистики [1]. По данным сравнительного языкознания, для всех индоевропейских языков, а также для ряда других характерным средством языковой репрезентации внутреннего мира человека является метафора [2].

Мы исходим из определения метафоры как «переноса когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область» [3, с. 189]. Избегая чересчур широкого понимания метафоры, при котором к ней относят любые виды употребления слов в непрямом значении¹ [4, с. 296], мы

¹ Критикуя тенденцию, при которой к метафоре относят практически все тропы, И.М. Кобозева убедительно показывает, что метафору не следует смешивать с метонимией из-за принципиальной разницы этих ментальных операций — «при метонимии сознание остается в пределах одной концептуальной области, а при метафоре происходит проекция одной концептуальной области на другую» [3, с. 189].

тем не менее относим к метафоре такие гибридные тропы, как метафорический эпитет и метафорическое (не метонимическое) сравнение.

Исследования метафор внутреннего мира в произведениях художественной литературы раскрывают особенности индивидуально-авторского понимания общенациональных концептов данной сферы.

В романе-антиутопии Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту» [5] описывается жизнь тоталитарного общества, которое попало под влияние массовой культуры. Книжки, заставляющие задуматься о смысле жизни и способные помочь человеку вырваться из этого искусственного мира, в нем запрещены и подлежат сожжению. Этим занимаются так называемые «пожарники». Одним из них и является главный герой романа — Гай Монтэг. Судя по первым страницам романа, сначала он не задумывается о правильности происходящего вокруг и собственных действий. К этому его подталкивает знакомство с необычной девушкой Клариссой Маклеллан; затем попытка самоубийства — или случайное бездумное отравление? — его жены, самосожжение женщины, у которой «пожарники» уничтожили библиотеку, и общение с бывшим профессором английского языка, тайным собирателем книг Фабером довершают дело, начатое Клариссой.

Пытаясь понять, чем же Кларисса так отличается от окружающих его людей, Монтэг прибегает к развернутой метафоре (здесь и далее метафоры выделены жирным шрифтом): «*...how many people did you know that **re-fracted your own light to you?** People were more often — he searched for a simile, found one in his work — **torches, blazing away until they whiffed out. How rarely did other people's faces take of you and throw back to you your own expression, your own innermost trembling thought?***» [5, с. 35] Необычайная способность Клариссы к сопереживанию — вот что выделяет ее среди прочих сограждан, в большинстве своем равнодушных.

В обществе, где задумчивых людей, не склонных к многочасовым примитивным увеселениям, считают ненормальными, Кларисса вынуждена посещать психиатра. О своем общении с ним она рассказывает Монтэгу так: «*I'm a **regular onion!** I keep him busy **peeling away the layers***» [5, с. 44]. Метафора «многослойности» говорит о многообразных свойствах личности, словно скрытых друг под другом и неожиданно открывающихся.

На самом деле Кларисса нормальнее, естественнее других обитателей этого мира, и не потому ли она умирает под колесами автомобиля, что этот мир не приемлет таких, как она? Ее сбивают агрессивные подростки — то ли сами по себе, то ли с подачи «пожарных», начальник которых капитан Битти упоминает, что данные о К. Маклеллан давно хранятся у него.

Кларисса помогает Монтэгу понять его собственные глубинные разногласия с этим равнодушным обществом потребления. (Позже читатель узнаёт, что еще до знакомства с ней Монтэг начал тайком приносить домой книжки из уничтоженных библиотек и даже общался со стариком,

читавшим стихи в сквере, тем самым Фабером, который в дальнейшем вдохновит его на решительные действия.) Внешнее благополучие Монтэга оказывается лишь маской: «*He wore his happiness like a mask and the girl had run off across the lawn with the mask and there was no way of going to knock on her door and ask for it back*» [5, с. 36]. Здесь уместно вспомнить, что в английском языке выражение «I am happy» является повседневным и примерно соответствует русскому «у меня все в порядке», ср. [6]. Выясняется, что окружающий мир воспринимается Монтэгом — еще не вступившим в открытую борьбу с обществом, еще вписывающимся в него, — как настолько враждебный, что даже быстрое восстановление здоровья его жены, чуть не отравившейся насмерть снотворными таблетками (по сути — физическое воскрешение, казалось бы, повод для оптимизма!), видится ему в отрицательном ключе. Но в его отношении к этому присутствует и одобрительная нотка: внутренняя речь Монтэга содержит метафору, связанную с пожеланием изменений и в душевной жизни жены: «*If only they could have taken her mind along to the dry-cleaner's and emptied the pockets and steamed and cleansed it and re-blocked it and brought it back in the morning*» [5, с. 39].

Можно предположить, что многие люди, окружающие Монтэга, в глубине души чувствуют примерно ту же неудовлетворенность жизнью — может быть, неосознанно. Не случайно миссис Фелпс плачет, когда Монтэг знакомит ее с поэзией, а начитанному Битти настолько опротивел образ жизни «пожарника» (хоть он и убеждает Монтэга в обратном), что в конце концов он сам провоцирует Монтэга на убийство — тот нажимает на спусковой крючок огнемета и сжигает Битти. Неудивительно, что внутренняя жизнь Монтэга и окружающих его людей метафорически представлена преимущественно как игра стихий.

Противоречивость состояния Монтэга, когда он готов прочитать запретные стихи жене и ее гостям, передана двумя антонимичными метафорами: «*The room was blazing hot, he was **all fire**, he was **all coldness***» [5, с. 107].

Напряжение слушательниц — тоже огонь, да при этом они еще и «взрывоопасны»: «*...the women who were burning with tension. Any moment they might hiss a long sputtering hiss and explode*» [5, с. 104].

Вообще, психические процессы в романе часто ассоциируются с пламенем, сгоранием, выжиганием. Даже восприятие поэтической строки описано так: «*In all the rush and fervour, Montag had only an instant to read a line, but it **blazed in his mind** for the next minute as if stamped there with fiery steel*» [5, с. 57].

Говоря о перспективе своего общения с Фабером, себя, вспыльчивого и нетерпеливого, Монтэг уподобляет огню, а мудрого Фабера — воде: «*He would be Montag-plus-Faber, fire plus water*» [5, с. 110].

Итак, образ огня занимает в романе значительное место — он является одной из базовых метафор внутреннего мира персонажей. Другая базовая метафора романа: сознание проходит сквозь природные стихии или меха-

низмы, затрудняющие или делающие невозможной нормальную жизнь. В трех случаях это центрифуга. Впервые этот образ возникает в сознании Монтэга, когда ему буквально ударило по нервам оглушительной рекламной музыкой: «*When it was all over he felt like a man who had been thrown from a cliff, whirled in a centrifuge and spat out over a waterfall that fell and fell into emptiness and emptiness and never-quite-touched-bottom-never-never-quite-no not quite-touched-bottom...and you fell so fast you didn't touch the sides either... never... quite... touched... anything*» [5, с. 63]. Ниже (через два абзаца) воздействие оглушительной музыки на сознание уподобляется также действиям предметов бытовой техники: «*...you had the impression that someone had turned on a washing-machine or sucked you up in a gigantic vacuum. You drowned in music and pure cacophony*». [5, с. 63] В приведенных примерах наблюдаются **сцепления метафор** — обозначим так тематически связанные, идущие подряд метафоры с общей областью-целью (в данном случае — «ощущение от какофонии»), но разными областями-источниками. Первое сцепление метафор — это «быть сброшенным с утеса», «вертеться в центрифуге», «падать в водопад», второе — «слышать гудение стиральной машины», «всасываться пылесосом», «тонуть». В целом картина очень выразительна. Отметим соседство «природных» и «техногенных» областей-источников в этом каскаде метафор.

Образ центрифуги, отбрасывающей «ненужные мысли», характеризует сознание человека из «общества развлечений» вообще: «*Whirl man's mind around about so fast under the pumping hands of publishers, exploiters, broadcasters, that the centrifuge flings off all unnecessary, time-wasting thought!*» [5, с. 72].

И, наконец, в последний раз метафора центрифуги появляется в речи Фабера: «*Patience, Montag. [...] Our civilization is flinging itself to pieces. Stand back from the centrifuge.*» [5, с. 97]. Этот совет касается прежде всего внутреннего настроя Монтэга: не следует ожидать ничего хорошего от основных тенденций современной цивилизации, принимать близко к сердцу ее несовершенства, — но также и его поведения: нужно пытаться содействовать медленному процессу возрождения культуры.

Сознание уподобляется камню, по которому бьют молотами и вздымают пыль (такое действие оказывает на Монтэга разговор с «начиненным цитатами» брандмейстером Битти, который нагромождением противоречащих

друг другу цитат пытается убедить его, что в литературе мало толку): «*Montag sat like a carved white stone. The echo of the final hammer on his skull died slowly away into the black cavern where Faber waited for the echoes to subside.* [Имеется в виду миниатюрный радиоприемник в ухе у Монтэга, позволяющий ему поддерживать связь с Фабером. — Авторы.] *And then ... the startled dust had settled down about Montag's mind...*» [5, с. 114]

Наконец, сознание может сотрясаться, как будто от природных катаклизмов (такое происходит, когда Монтэг вынужден сжигать свой собственный дом вместе с обнаруженными там книгами): «*The earthquake was still shaking and falling and shivering inside him...*» [5, с. 121].

Кроме базовых метафор, повторяющихся на протяжении романа, внутренний мир описывается и эпизодическими метафорами, например: а) «переполняться новыми мыслями и чувствами = набирать вес = собирать, копить (в себе) непонятные вещи»: «*I don't know what it is. I'm so damned unhappy, I'm so mad, and I don't know why I feel like I'm putting on weight. I feel fat. I feel like I've been saving up a lot of things, and don't know what*» [5, с. 80]; б) «сознание — это сосуд, который можно наполнять, а можно когда-нибудь и переполнить»: «*...the old man would go on with this talking and this talking, drop by drop, stone by stone, flake by flake. His mind would well over at last and he would not be Montag any more...*» [5, с. 110].

Итак, базовые для данного романа метафоры внутреннего мира человека: (1) «процессы, идущие в сознании, — это пламя» и (2) «сознание подвергается разрушительному воздействию материальной природы (от технических устройств, природных катаклизмов, ударов молотом)». В отличие от другого известного писателя, тоже использующего жанр фантастики как форму для философской притчи о человеческом сознании, — британца К. Уилсона, в чьем романе «Паразиты сознания» [7] сознание предстает в метафорах как нечто достаточно статичное и единое [8], Рэй Брэдбери в метафорах, как правило, делает акцент не на сознании в целом как «уровне, где синтезируются все конкретные психические процессы» [9, с. 66]), а на происходящих в нем процессах. Поэтому фокусами его метафор часто являются не существительные, а глаголы: *to wear (his happiness)*, *to whirl (man's mind) around*, *to shake and fall and shiver (inside him)*, *to well over* и др. Это можно выделить как характерную черту авторского идиостиля.

Литература:

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. — № 1. — С. 64–72.
2. Мегентесов С.А. Семантический перенос в когнитивно-функциональной парадигме: Монография. — Краснодар, 1993. — 90 с.
3. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара «Диалог'2002» в 2-х томах / Под ред. А.С. Нариньяни. — М.: Наука, 2002. — Том 1. Теоретические проблемы. — С. 188–196.

4. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
5. Bradbury R. Fahrenheit 451. Short Stories: Роман. Рассказы. Сборник. Сост. Н.М. Пальцев. На англ. яз. — М.: Радуга, 1983. — 384 с.
6. Есенкова Е.В. Концепт счастья в русской и англоязычной культурах. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-74032.html>
7. Wilson C. The Mind Parasites/ Послесл. В.В. Ивашевой. Комментар. Э.М. Медниковой. — М.: Радуга, 1986. — 331 с.
8. Головнёва Ю.В. Метафорическая репрезентация концептов внутреннего мира, трудности в ее продуцировании и понимании (на материале романа К. Уилсона «Паразиты сознания»)// Вестник ТГПУ. — Томск, 2011. — Выпуск 9 (111). — С. 111–117. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3311&Itemid=276
9. Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений. Тамбов: издательство ТГУ, 1999. — 247 с.

Процессуальные фразеологические единицы категории «межличностные отношения» со значением контакта

Гудзенко Дарья Викторовна, соискатель

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В лингвистике семантическая категория изучается не так давно. Одними из первых данным вопросом занимались И.И. Мещанинов, А.В. Бондарко, который ввёл термин «функционально-семантические поля», Я.М. Васильев называл их «семантическими категориями» [1, с. 137], Р.М. Гайсина. Типы семантических категорий весьма разнообразны. Они различаются по степени абстрактности и конкретности, по внешним средствам выражения содержания, по характеру связей с другими семантическими категориями. Наиболее логически самостоятельными являются категории предмета, признака, бытия, отношения, действия, состояния, количества, качества, пространства и времени. Они соотносятся с самыми общими понятиями. Более конкретны категории движения, одушевлённости, собирательности, объёмности — они называются субкатегориями.

Наш интерес сосредоточен на категории отношения. Философский энциклопедический словарь даёт следующее толкование отношению — «философская категория, характеризующая определённые взаимозависимости определённой системы» [2, с. 454].

В социальной психологии отношение — predisposition к классификации предметов и явлений и реакции на них с определённой степенью постоянства в оценках. Концепция отношения возникла в результате попыток осмысления наблюдаемых закономерностей в поведении индивида. Этот термин используется как характеристика различных психических феноменов. Отношения здесь проявляются как черты характера или эмоции — нежность, забота, враждебность, искренность. Особый вид отношений представляют общественные отношения, возникающие в процессе совместной деятельности. Клас-

сификация общественных отношений зависит от сферы их рассмотрения: на основании предмета деятельности существуют производственные, торговые, учебные и другие отношения, на основании связи между отдельными людьми — межличностные отношения.

Категория отношения очень разнообразно выражена в языке. Это можно объяснить тем, что в окружающей нас действительности все предметы и явления находятся в определённых отношениях. Эти отношения, соответственно, выражаются в языке, так как язык отражает объективную действительность.

Как семантическая категория отношение изучается в языке недавно. Первое исследование семантического поля слов отношения было проведено Р.М. Гайсиной. В своей монографии «Лексико-семантическое поле глаголов отношения в русском языке» она определяет релятивную сему как «микропонятие об отношении в составе других понятий» [3, с. 10]. Релятивная сема возникает в результате проекции различного рода отношений в плоскость языка. В уже упомянутом нами «Толковом словаре русских глаголов» [4] глаголы отношения представлены четырьмя группами — 1) глаголами взаимоотношения, 2) глаголами владения, 3) глаголами социальных отношений и 4) глаголами межличностных отношений. Внутри каждой группы выделены подгруппы. Например, категория межличностных отношений, на которой и сосредоточен наш интерес, включает глаголы эмоционально-оценочного отношения, глаголы внешнего проявления отношения и глаголы контакта, которые в свою очередь, подразделяются на глаголы согласованных действий и глаголы расположения к контакту. Исследование, проведённое группой учёных «Русский глагол» проводилось

на лексическом материале, а процессуальные фразеологические единицы долго оставались без внимания лингвистов. Объект нашего исследования — процессуальные фразеологизмы субкатегории межличностных отношений.

Межличностные отношения — особый вид отношений, отличающийся от общественных (социальных) наличием эмоциональной основы. Эмоциональная основа означает наличие определённых чувств, которые появляются у людей по отношению друг к другу.

В значениях этих процессуальных фразеологизмов общая сема отношений конкретизируется семой межличностных отношений и различными ещё более конкретизирующими семами, на основе учёта которых можно выделить следующие группы и подгруппы:

1. группу процессуальных фразеологизмов со значением эмоционально-оценочного отношения;

2. группу процессуальных фразеологизмов со значением проявления отношения;

3. группу процессуальных фразеологизмов со значением контакта (классификация представлена на основе классификации глаголов субкатегории межличностных отношений «Толкового словаря русских глаголов»).

На данный момент у нас собрано 104 процессуальных фразеологизма субкатегории межличностных отношений со значением контакта. Определения фразеологических единиц взяты из Фразеологического словаря русских глаголов под ред А.И. Молоткова. С точки зрения семантики их можно разделить на несколько групп:

а) Группа процессуальных фразеологических единиц с семантикой контакта, длительных отношений

Основное значение: быть в определённых отношениях с кем-либо; иметь определённый контакт. К данной группе относятся 15 фразеологизмов, что составляет 14,4% от общего количества процессуальных фразеологизмов со значением контакта. В данной группе можно выделить две подгруппы:

1) дружеские, приятельские отношения:

— *водить хлеб-соль (дружбу) с кем* — быть в приятельских отношениях с кем-либо;

— *пуд соли съесть с кем* — прожить долгое время вместе, часто общаться;

2) близкие отношения между мужчиной и женщиной:

2.1.) *брачные отношения*:

— *составить [сделать] партию кому* (устар.) — вступить в брак, жениться или выйти замуж;

— *состоять в браке с кем-либо* — находиться в супружеских отношениях;

2.2.) *любовные отношения*:

— *крутить роман [любовь, шашни] с кем* (прост.) — флиртовать, находиться в любовных отношениях с кем-либо;

— *ходить по рукам (во 2-ом значении)* — вступать в половые сношения то с одним, то с другим мужчиной (о женщине);

б) Группа процессуальных фразеологических единиц с семантикой начала, инициирования, склонности к кон-

такту. Основное значение: желание иметь более близкие отношения с кем-либо. К этой группе принадлежат 19 фразеологических единиц — 18,2%. Среди группы можно выделить несколько подгрупп:

1) Склонность к близким отношениям между мужчиной и женщиной

1.1.) склонность, инициирование любовных отношений:

— *вешаться на шею (во 2-ом значении)* — навязываться, усиленно добиваться расположения, любви;

— *покорять сердце кого, чьё, покорить сердце кого, чьё* — внушать любовь к себе, заставляя полюбить себя;

— *положить глаз на кого* — искать возможности начать романтические отношения с кем-либо;

1.2.) склонность, инициирование брачных отношений:

— *просить руки кого, чьей* — обращаться с предложением к девушке или к её родителям дать согласие на брак с ней;

— *делать (сделать) предложение кому-либо* — предлагать (предложить) вступить в брак с кем-либо;

2) инициирование дружеских, приятельских отношений:

2.1.) Хитростью, любыми средствами усиленно добиваться дружбы с кем-либо:

— *влезать в душу кого, кому* (в 3-ем значении) — добиваться чьего-либо расположения;

— *втираться* [вкрадываться, влезать, входить] *в доверие к кому* — любыми средствами стараться добиться расположения кого-либо;

— *без мыла в душу лезть кого, чью, кому, к кому, без мыла в душу влезть* — лестью, хитростью добиваться расположения со стороны кого-либо;

2.2.) инициирование дружеских отношений

— *делать шаг навстречу (к) кому-либо* — предпринимать (предпринять) что-либо для сближения с кем-либо;

— *подавать руку дружбы кому* — предпринять что-либо для сближения с кем-либо;

в) Группа процессуальных фразеологических единиц с семантикой согласованных, гармоничных действий. Основное значение: гармоничные отношения с кем-либо. К данной подгруппе можно отнести 10 фразеологических единиц из 104, что составляет 9,6%. Фразеологические единицы данной подгруппы можно разделить на 2 группы:

1) согласованные, гармоничные дружеские отношения:

— *в одну дуду дудеть* (в 1-ом значении) — действовать в одном направлении;

— *жить душа в душу с кем* — жить в полном согласии, гармонии;

2) согласованные отношения, связанные со вступлением в брак:

— *отдавать руку <и сердце> кому, отдать руку <и сердце> кому* — соглашаться стать женой кого-то, согласиться выйти замуж за кого-то;

— *идти под венец* — выходить замуж, жениться на ком-либо; *садиться за один стол* — начинать переговоры, обсуждение, чтобы прийти к соглашению;

г) Группа процессуальных фразеологических единиц с семантикой несогласованных действий, противодействия. Основное значение: негармоничные, противоречивые отношения с кем-либо. Данная подгруппа оказалась наиболее многочисленной — из 104 фразеологических единиц к ней можно отнести 33, что составляет 31,7%. Семантически их также можно разделить на несколько подгрупп.

1) отношения противодействия, борьбы

— *бросать перчатку кому* — вступить в борьбу, вызвать на борьбу;

— *встречаться (сталкиваться) на узкой дорожке*

— вступать в непримиримые, исключаяющие сотрудничество, взаимоотношения;

— *вступать в пререкания с кем-либо* — спорить, иметь разногласия;

2) мешать, ограничивать кого-либо

— *выкручивать руки кому-либо* — мешать, противодействовать;

— *становиться (вставать) поперек пути* — противодействовать;

— *связывать руки кому, связать руки кому* — лишать возможности свободно действовать;

— *портить всю обедню кому, испортить всю обедню кому* — мешать в чём-либо, расстраивать что-либо, вредить как-либо;

3) ставить в тяжёлое положение кого-либо

— *подложить свинью кому* — подстраивать втихомолку кому-либо неприятности, гадости;

— *портить кровь кому, испортить кровь кому* — причинять неприятности, огорчения и т.п.; раздражать чем-либо;

— *сажать на мель кого* — ставить в крайне затруднительное, тяжёлое положение;

— *наступать на ногу (ноги) кому* — обижать кого-либо, ущемлять чьи-либо интересы,

д) Группа процессуальных фразеологизмов с семантикой разобщения, утраты контакта, решения не принимать кого-либо у себя дома. Основное значение: утрата близких отношений между кем-либо. К этой подгруппе принадлежат 20 фразеологизмов из 104 (19%). Среди них можно выделить 4 подгруппы: отдаление, разобщение, утрата контакта, решение не принимать у себя дома.

1) Отдаление

— *держаться на почтительном [известном] отдалении кого* — не допускать близких, коротких отношений

с кем;

— *держаться на почтительном (известном) расстоянии от кого* — избегать вступать в близкие отношения с кем-либо;

2) Разобщение

— *отказывать в руке кому, отказать в руке кому* — не давать согласия на брак с кем-либо;

— *вбить клин* — разобщать кого-либо, делать чужими;

— *мутить воду* (во 2-ом значении) — вносить смуту, раздор в отношения между кем-либо;

3) Утрата контакта

— *бросить на произвол судьбы* — прекратить отношения, оставить без заботы, опеки,

— *казать (не казать) глаз (носа) к кому* — не появляться где-либо,

— *покончить счёты с кем* — прекратить, оборвать связи, отношения и т.п., расстаться;

4) Решение не принимать у себя дома

— *закрывать двери дома перед кем-либо* — перестать принимать у себя кого-либо;

— *не пускать на порог кого* — не принимать у себя, в своём доме;

е) Группа процессуальных фразеологизмов с семантикой возобновления контакта. Основное значение: восстановление чьих-либо отношений — 4 фразеологических единицы из 104 (3,8%).

— *лёд тает, лёд растаял* — исчезает чувство недоверия, отчуждённости в отношениях,

— *растопить лёд* — уничтожить недоверие, отчуждённость и т.п. между кем-либо;

Как мы знаем, язык является отражением действительности. Около трети процессуальных фразеологических единиц со значением контакта относятся к группе фразеологизмов с семантикой несогласованных действий, противодействия (31%). Мы полагаем, что подобное распределение фразеологических единиц может объясняться тем, что люди более склонны говорить о негативном — о конфликтах и неприятностях в отношениях, а не о гармоничных, согласованных отношениях (9,6%), а также о разобщении, утрате контакта, отдалении (19%), а не о восстановлении отношений (3,8%). Это можно наблюдать и в языке — сочетание семы процессуальности, контакта и несогласованных действий в первом случае и сочетание семы процессуальности, контакта, отдаления и разобщения — во втором случае.

Литература:

1. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: Учебное пособие для вузов. — М.: Высшая школа, 1990. — 176 с. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 576 с.
2. Философский энциклопедический словарь/ Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. — 2-е изд. — М.: Сов. Энциклопедия, 1989. — 815 с.
3. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981. — 195 с.
4. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы /Под ред. Проф. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — 704 с.

5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1987. — 543 с.

Ряд эвфемизмов, используемых в публицистическом стиле

Гулямова Шахноза Кахрамоновна, студент
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

В статье даны анализы нескольких узбекских эвфемизмов публицистического стиля. Потому что эвфемизмы публицистического стиля отличаются от эвфемизмов художественного стиля.

Ключевые слова: эвфемизм, публицистический стиль, художественный стиль, разговорный стиль, ряд синонимических эвфемизмов, публицистика, эвфемический вариант, эвфемическое средство, лексический пласт.

The article presents analysis some uzbek euphemisms public styles. Because euphemisms of public style is different from euphemisms of artistic style.

Key words: euphemism, public style, artistic style, conversational style, several synonymous euphemisms, journalism, euphemistic option, euphemistic means, lexical layer.

Узбекский язык завоёвывает всё большее значение, демонстрируя всю свою многогранность, своё богатство. Достоинно внимания и то, что в нашем языкознании имеются средства, используемые для достижения языковой культуры. Особенно употребление эвфемизмов, основанных на смягчении, окультуривание некоторых грубых, бескультурных, неудобных для употребления, считающихся невежливых слов, не только в художественном, литературном стиле, но и в публицистике является свидетельством развития языка, обогащения его лексики.

Попробуем подтвердить нашу мысль материалами, взятыми из прессы. Например, в следующем предложении вместо слов «заболел», «стал больным» употребление выражения «слёг», «сляжет» немного смягчает мысль, выражаемую автором:

К сожалению, мы не можем сказать, что среди нас нет таких, кто начинает думать о преодолении болезни тех, кто ценит здоровье только тогда, когда сляжет [3].

В публицистическом стиле вместо слова «родить» встречаются следующие варианты эвфемизмов:

- 1) подарить жизнь;
- 2) стать лёгкой;
- 3) выносить плод.

У нас — женщин врачей есть те, кто ближе нам, чем родные — это женщина, дарящая жизнь.

Невестка на сносях 280 дней вынуждена находиться перед свёкром и свекровью [4].

Здесь вместо **беременная**, употребляется **на сносях**.

Вышеуказанные эвфемические выражения мы можем назвать синонимическим рядом эвфемизмов.

Если иные роли мне нравились и я просила их дать мне, то мой супруг (откровенно отказав) говорил,

что это не подходит мне, а если я капризничала, то выговаривал мне [4].

В данном примере эвфемизм **супруг** употребляется вместо слова **муж**, а **не подходит** вместо слов **не для вас**, **вы не сможете**, эвфемизм **выговаривал** вместо слов **ругал**.

Эти эвфемизмы единицы демонстрирующие безграничные возможности нашего языка. Эвфемизмы — это приукрашенные заменители некоторых грубых, неудобных в употреблении слов.

Почти все произведения уважаемого руководителя нашего государства И.А. Каримова являются образцом публицистического стиля.

Поговорим об эвфемизмах, встречающихся в произведении президента «Высокая духовность — непобедимая сила».

Как будто бы национальная гордость — хлопок, на самом деле вместо национальной гордости нашему народу принёс одни страдания, упрёки, сделал наш народ голым? [5,6]

В данном тексте мастерски использован эвфемизм **голый** вместо слов **нищим**, **неимущим**.

Никто не может отрицать, что делать благо для сирот, вдов, малоимущим и инвалидам, означает безвозмездно оказывать им помощь и такие свойства присущи духовному миру нашего народа [5,8].

Здесь употребляется эвфемизм **инвалиды**. Эвфемизм в данном предложении служит для смягчения таких недостатков, выражаемых другими словами типа **«парализованный»**, **«без одной руки»**, **«безногий»**, **«слепец»** и т.п.

В настоящее время кого много — много таких кто пытается заполнить эту духовную пустоту,

кто за счёт этого думает претворить в жизнь свои грязные помыслы [5,12].

Как видно из примера **духовная пустота** это эвфемизм, употребляемый вместо слов **несознательность, духовная нищета**.

Если говорить коротко, я думаю, что каждый здравомыслящий человек, живущий в нашей стране хорошо понимает, что **приступы** как топор по нашим национальным и религиозным корням, вражеские цели, чтобы полностью оторвать нас от них. Известно, что экономика **насильственной системы** развивалась односторонне, была основана на административно-бюрократических методах и была далека от идеологических взглядов и стремлений народа [5,14].

В вышесказанных цитатах слово **приступ** является эвфемизмом словам **угрожающая опасность**, а словосочетание **насильственная система** употребляется для описания времени, когда царили оккупация и засилие.

Точнее, обращаясь к эвфемическим средствам, заменяющим бескультурные, нецензурные слова, мы не устаём восхищаться богатством и разнообразием лексического пласта узбекского языка.

Значит эвфемизмы, являясь компонентом публицистического стиля, играют важную роль в его формировании. Приведённые выше примеры эвфемизмов в отрывках из текстов и публикаций являются ярким доказательством нашей мысли, а также ярким примером, показывающим как обогащается публицистический стиль посредством употребления эвфемизмов.

Эвфемизмы публицистического стиля широко изучены в мировом языкознании, в основном, в русском языкознании [1;2;6;7;].

Литература:

1. Богин Г.И. Понимание и непонимание в общении политика с населением // Политический дискурс в России 2: Материалы раб. совещ. — М.: Диалог-МГУ, 1998. — С. 11—17.
2. Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. М.: Просвещение, 1986. — с. 23—41.
3. Газета «Халк сузи». 2013 год 9 января.
4. Журнал «Саодат». 2009 год №6, — стр.5—9.
5. Каримов И. Высокая духовность — непобедимая сила. Т., 2008.
6. Кацев А.М. О социолингвистическом подходе к проблеме эвфемизмов. Л.: Наука, 1975.-264 с.
7. Куркиев А.С. О классификации эвфемистических названий в русском языке. Классификация эвфемизмов по порождающим мотивам. Грозный, 1977. — 88 с.
8. Ёринбоев Б. Ёзбек тилининг сўзлашув нутки масалалари. — Т.: Фан, 1975.
9. Қиличев Э. Ёзбек тилининг практик стилистикаси. — Т.: Ёқитувчи, 1985. — Б.19—95.
10. Ғоибов С. Эмоционал-экспрессив лексик қатлам ҳақида \ \ Ёзбек тили ва адабиёти. — 1976, №5. — Б.42.
11. Холмирзаев Ш. Сайланма. 1 том. Т., 2002

Эвфемические средства активно используется и в **разговорном стиле**. То, что разговорная речь имеет место лишь в момент речи, слов более свободен, чем в письменной речи, даёт более широкую возможность с лёгкостью подбирать эвфемизмы [10], по этой причине говорящий вместо слова **умер** употребляет более удобные, смягчающие эвфемизмы, такие как **ушёл в мир иной, скончался** и другие.

Приведём ещё примеры:

При свете фонаря увидел, что платье женщины красное. Женщина прикрыв широким рукавом глаза, тихо сказала:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — ответил я. — Извините за беспокойство. Мы пришли к Актамову. Он мой друг. Оказалось ещё не вернулся из аула. Аул далеко. Не могли бы вы **дать нам место на одну ночь**. Нас двое.

Женщина не ответила.

— Я из Байсуна, — сказал я. Друг из Ташкента. Не сомневайтесь.

— Так то так, сказала женщина наконец. **Мужчины моего нет**. А то... [11].

Здесь как видно эвфемизм **дать место на одну ночь** употребляется вместо слов **выспаться, переночевать**. **А мужчины моего нет** употреблён вместо слова **мужа нет, я одинока**.

Употреблённые эвфемизмы доказывают, что и этот стиль речи имеет свои окультуренные варианты. Великий узбекский поэт А. Наваи в словах приведённых ниже утверждал, что слово это сокровищница нашего духовного богатства: **слово и мертвеца может оживить, словом можно и душу в теле погубить**.

Упражнения, направленные на предъявление и активизацию лексического материала на занятиях со студентами специальности энергетический менеджмент

Гуреева Людмила Викторовна, преподаватель;
Козьмина Наталия Анатольевна, старший преподаватель
Национальный технический университет Украины «КПИ» (г. Киев)

Лексика — это центральная часть языка, которая является именующей, формирующей и передающей знания о каких-либо объектах, явлениях. Изучение лексики — неотъемлемая составляющая обучения иностранному языку, без которой невозможно изучить язык. Успешная речевая деятельность предполагает владения лексическими навыками, которые представляют собой операции с лексическим материалом. В лингвистической литературе лексический навык определяется, как автоматическая автономная способность осуществлять ряд действий по вызову слова из долговременной памяти, а также способность соотносить данное слово с другой лексической единицей.

Лексические навыки являются составной речевых умений говорения, чтения, аудирования и письма. С этой точки зрения лексические навыки классифицируются как продуктивные (говорение и письмо) и рецептивные (аудирование и чтение). Продуктивный лексический навык определяется как синтезированная операция, которая заключается в вызове лексической единицы в соответствии с коммуникативной задачей или ситуацией общения, а также ее правильному сочетанию с другими лексическими единицами. Рецептивный же лексический навык — это синтезированное действие, которое заключается в распознавании графического или фонетического образа лексической единицы и в соотношении формы слова с его значением.

В процессе обучения студентов иностранному языку преподаватель намечает ряд практических целей, которые обязательно включают цели формирования лексических навыков. Это навыки рецептивного и репродуктивного овладения словами, устойчивыми словосочетаниями и клише для формирования и расширения словарного запаса студентов, а также развития лексической догадки при обучении говорению, чтению и аудированию.

Для правильного выбора основных типов и видов лексических упражнений, обеспечивающих функционирование лексического механизма речи, необходимо понимать состав лексических операций, направленной на развитие лексических навыков [1].

Давайте рассмотрим состав лексических операций, которые входят в различные виды речевой деятельности. При репродукции лексическая единица находится в долговременной памяти. Ее актуализация происходит как результат мгновенного импульса, который исходит из речевого центра и связан с намерением высказывания. В результате формируется содержание высказывания. Лексические единицы применяются (произносятся и пишутся)

в составе синтагмы и фраз. Это — их речевое воспроизведение. Лексические операции при рецепции включают вычленение лексических единиц из речевой цепи в процессе их слушания или чтения, их семантизацию лексических единиц, объединение лексических значений в ходе формирования синтагменного, фразового и сверхфразового смысла.

Лексические упражнения можно классифицировать по видам речевой деятельности (рецептивные и продуктивные), стадиям развития лексического навыка, направленности лексического навыка на отдельные аспекты (фонетический, графический и т.д.), направленности упражнений на создание определенного вида связи слова, по тому, направлено ли упражнение на работу с отдельным словом или со словосочетанием или предложением (неконтекстные и контекстные, неречевые и речевые; последние, в свою очередь, монологические и диалогические), по видам операций, которые проводятся с изучаемым словом (замена или вставка).

При подготовке упражнений по предъявлению и активизации новой лексики преподаватель проводит предварительный анализ лексических единиц. Цель такого анализа — определение возможных трудностей, выбор способов семантизации, определение целенаправленности лексических единиц, последовательности выполнения упражнений и их достаточность [2].

Развитие рецептивных лексических навыков осуществляется с опорой на внешние зрительные и слуховые признаки лексических единиц (произношение, структура и грамматическое оформление). Упражнения должны выделять графические, акустические структурные признаки, которые необходимы, чтобы распознать префиксы, суффиксы и основы, окончания, ударения, и т.д. всевозможные группы лексических единиц в соответствии с семантическими классами, реконструкцию и воспроизведение лексических единиц, пропущенных в речевом образце. Это дает возможность выработать словесный стереотип, обеспечивающий полноценное восприятие и воспроизведение целостного явления, на основе части составляющих его символов, и т.д.

Репродуктивные лексические навыки развиваются в ходе выполнения следующих упражнений: а) называние предметов, качеств, явлений, состояний и качеств на иностранном языке при демонстрации предметов, б) перевод слов с родного языка на иностранный; в) выбор подходящего значения лексической единицы для данного контекста и подбор сочетаний к ключевому слову; г) дифференцирование синонимов и употребление нужного

варианта; д) выбор одного слова из группы слов, которое подходит по смыслу ключевому слову; е) все варианты постановочных действий [3].

Неконтекстные упражнения включают заучивание, номинацию предметов, группировку слов по данным признакам, перевод слов с одного языка на другой. Ниже даны примеры некоторых неконтекстных упражнений.

1. Упражнение на подбор эпитетов, сравнений, определений, характеристик предмета. Так, для характеристики предметов/объектов (опираясь на соответствующие изображения) могут быть предложены следующие слова: *windfarm* (*off-shore, on-shore, powerful, efficient, large, small*); *electrical plug and socket* (*of standard configuration, circular-pinned for live and neutral*). Перед описанием и характеристикой предметов/объектов целесообразно выполнить упражнения на узнавание предметов, о которых идет речь. Опираясь на слова-определения или характеристики, студенты должны узнать объект, который характеризуется данными словами.

2. Предлагаются картинки предметов/объектов с определенными характеристиками — подобрать синонимы-прилагательные к данным характеристикам *powerful plant* (*productive, efficient*), *tiny unit* (*small*), синонимы — глаголы, характеризующие действие данных предметов/объектов — *to exploit, to operate, to work, to handle*.

3. Составить синонимические пары/ряды:

Information — *redundant, excessive, useless*;

easy work-problem-task-operation, *u. m. d.*

to deal with, to cope with, to handle the problem.

4. Подобрать антонимы, составить антонимические пары:

а) слова-определения (признаки): *safe-dangerous; regular-irregular, disorderly, confused*

б) слова-наименования (слова, которые обозначают явления и состояния): *refrigeration — heating, fluctuation-stability / steadiness*;

в) глаголы: *to destroy — to create; to increase — to decrease*;

г) наречия: *frequently — seldom, near — far*.

5. Подбор родственных слов, вариативных по значению:

Manufacture, manufacturing, manufacturer.

6. Подбор к слову, которое обозначает предмет или явление, соответствующих слов-наименований действия и наоборот: *connection-toconnect; regulator-to regulate*.

7. Также можно дать задание студентам перемешать буквы в словах и предложить соседу по парте догадаться, что это за слово.

8. Студенты могут составить дома кроссворды и предложить разгадать их в классе.

9. Дать задание студентам а) сгруппировать слова по указанному признаку или б) вычеркнуть ненужное слово в каждом ряду слов, сгруппированных по одному признаку.

10. Упражнения на развитие словообразовательной догадки (например: определить значение незнакомых

слов, которые были образованы от определенных корней и аффиксов).

11. Различные упражнения в развитии прогнозирования (задание назвать слова, сочетаемые с определенными существительными, прилагательными, глаголами).

12. Все виды упражнений на эквивалентные замены. Например, заменить подчеркнутые слова синонимами или антонимами, слова иностранного происхождения синонимическими понятиями;

Существует огромное разнообразие видов контекстных упражнений.

1. Дополнить предложения подходящим по смыслу словом (лексемой или словоформой). Для упражнения «Закончить фразу» можно использовать предложения типа:

A coal-fired power plant is a traditional type of a power plant which burns a solid, black fossil ... (fuel)

District heating is a system of distributing heat in one centralized location, often linked to a power ... (plant).

2. Составить словосочетание из двух данных слов и найти его в тексте или придумать с ним предложение.

Речевой образец: 1. *state-of-the-art* 2. *fossil* 3. *mix*;
а) *fuel* б) *energy* в) *equipment* (*state-of-the-art equipment; fossil fuel; energy mix*).

3. Составить предложения, используя данные слова, поставить их в правильной последовательности: *Event, unexpected, an, forcemajor, uncontrollable, is. (Force major is an unexpected uncontrollable event.)* и т.п.;

4. Упражнения на дифференциацию и идентификацию: определить на слух или найти в тексте определенные слова, которые относятся к данной теме (к одной словообразовательной модели, к синонимическому ряду); найти антонимы к словам на доске, в тексте, назвать ситуации, в которых данные слова могут использоваться.

5. Всевозможные упражнения, которые обучают прогнозированию. Например: а) выбрать из вариантов, приведенных ниже, окончание для предложения; б) прочитать предложения, которые относятся к одной теме и заполнить пропуски словами и словосочетаниями, подходящими по смыслу.

6. Различные упражнения на расширение и сокращение предложений (генерализацию и конкретизацию смысла). Например, упражнения на расширение или сокращение предложения по образцу или расширение описания с опорой на картинку и вербальные опоры.

7. Упражнения, включающие различные варианты эквивалентных замен. Например, заменить ответы на вопросы, придерживаясь образца; изменить последнюю реплику диалога, оставляя ответ положительным, и др.

8. Упражнения с расширением ассоциативных связей. Например, составить (расширить) список формул извинений; использовать другие эмоционально-оценочные слова, отвечая на вопрос.

Так студенты вначале упражняются в составлении фраз-высказываний и усваивают определенные языковые (лексические, синтаксические) средства построения речевых высказываний. В результате у них формируются

установки на активное употребление фразовой речи, концентрируется внимание к речи педагога, к собственным высказываниям. Это — основа для перехода к овладению различными видами монологических высказываний (пересказ, рассказ-описание, рассказ с опорой на картинки). Осуществить переход к условно-речевым упражнениям можно с опорой на картинки (например, дополнить диалог, глядя на картинки); с опорой на образец (выбирая нужные слова из предложенных преподавателем, составить диалог по образцу,); с опорой на ситуацию; на подказку учителя; на определенную тему, фильм, текст.

Монологические речевые упражнения могут включать сообщение на тему, объяснение событий или действий, комментирование серии картин, упражнения на имитацию с преобразованием (повторить предложение, закончить реплики, учитывая содержание первого предложения), сочинение монологического текста по теме, сравнение содержания двух текстов с обязательным употреблением изучаемых слов. Сюда также подходят упражнения на развитие контекстуальной догадки. Вот примерные задания: прослушать или прочитать предложения, догадаться о значении интернациональных слов, сходных с семантическими эквивалентами родного языка, дополнить предложения по следующим образцам, прочитать следующий текст, обратить внимание на значение определенной лексической единицы, придумать примеры с этими словами.

Диалогические упражнения включают составление вопросов к тексту с обязательным использованием изучаемой лексики, вопросы по отгадыванию задуманного

слова или ответы на вопросы преподавателя словом/сочетанием. Это также могут быть ответы на вопросы по определенному образцу, составление микро-диалогов различного типа или диалогов по типовым ситуациям, и т.д.

При отборе лексического материала следует принимать во внимание семантический, лексико-грамматический, тематический принципы.

Согласно семантическому принципу, в словарь-минимум входят слова, обозначающие разные предметы, их качественные характеристики, части, действия, слова, связанные с определением временных и пространственных отношений.

Согласно лексико-грамматическому принципу, словарь включает слова разных частей речи — существительные, глаголы, прилагательные, наречия, предлоги.

По тематическому принципу лексический материал группируется по темам («Environment», «EnergyNetworks», «Generators», «Mining» и т.д.) в пределах отдельных разрядов слов.

Для продуктивного запоминания новой лексики ее необходимо предъявлять и активизировать на основе смыслового связного текста, включать в разнообразную речевую практику. Продуктивность усвоения новых слов, как отмечается учеными, возрастает при осмысленном способе запоминания, возможном в случае развития словесно — логической памяти на достаточном уровне; при ассоциативной и иерархической организации лексического материала в памяти; при наличии мощного мотивационного фактора [4].

Литература:

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М., 1977. 289 с.
2. Ильин М.С. Основы теории упражнений по иностранному языку. М.: Педагогика, 1975. 151 с.
3. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранному языку / Г.А. Китайгородская, В.А. Бухбиндер. — К.: Освіта, 1988. — 279 с.
4. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1977. 214 с.

Стилистические особенности русскоязычной, молодежной, коммерческой рекламы (на материале печатных изданий для женщин)

Козиолова Елизавета Игоревна, аспирант;

Серова Тамара Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор

Пермский государственный национальный исследовательский политехнический университет

В современном обществе коммерческая реклама является очень важным составляющим любой коммерческой деятельности, а так же выполняет функции продвижения товаров и услуг на рынке.

Как известно рекламные сообщения активно используются в средствах массовой информации. Влияние рекламного текста на отношение потребителей к товару

или услуге во многом зависит от языковых приемов, средств выразительности и различных речевых стратегий и тактик и их использование при представлении и продвижении рекламируемых товаров или услуг на рынке. В связи с этим текст рекламного сообщения стал очень интересным предметом исследования у ученых лингвистов и филологов.

Поскольку основной функцией рекламного текста, как в России, так и в зарубежных странах, является привлечение внимания целевой аудитории, то для придания рекламному сообщению выразительный вид, используются различные средства художественной выразительности, стилистические, лексические и языковые приемы.

В данной статье мы подробно рассмотрим наиболее часто употребляемые виды языковых приемов, характерных для русскоязычной молодежной печатной коммерческой рекламы. В качестве материала исследования, мы отобрали более 150 текстов рекламных сообщений в различных молодежных изданиях для женщин (*cosmopolitan*, *glamour*, *ellegirl*, *marieclaire*).

Мы рассматривали языковые приемы, которые встречаются на всех уровнях рекламного сообщения (слоган, основной текст, эхофраза).

Средства художественной выразительности

Русский рекламный текст, предназначенный для молодежи богат различными средствами художественной выразительности, как индивидуально-авторскими, так и общепринятыми.

Чаще всего используются эпитеты (Givenchy: «...Обогащенный эксклюзивным комплексом Givenchy»; L'oreal: «Новшество революционная технология жидкий цвет»; Fleur: «Волшебное сияние, модные оттенки, витамин E»), сравнения (Clinique: «Ваша кожа здорова, как никогда»; Dreft: «Стать стильной, как певица Валерия, вам помогут...»; Maxfactor: «Лицо выглядит так, как если бы ты действительно наносила профессиональный макияж»), метафоры (L'oreal: «Естественное сияние кожи мгновенно»; Vichy: «Сияние кожи»; Chanel: «Пляжное золото: туфли и сумки из круизных коллекций») и олицетворения (Alisee: «Французский шарм белья в магазине Milavitsa»; Glamour: «Пока цветы спят под толстым слоем снега, их ароматы попрятались во флаконы и ждут вас на полках магазинов»; Gancia: «Это изысканное вино появилось на свет до рождения единого государства-Королевства Италия»). Реже встречаются метонимия (Cirque du Soleil: «Возвращение легенды»; J'aime: «Французский для встреч и приемов») и анафора (Wella: «Новый сезон-это новый гардероб, новое настроение и новая прическа»). Полностью отсутствуют, в отобранных рекламных текстах такие средства художественной выразительности, как литота, анатомазия и синекдоха. Остальные тропы встречаются крайне редко. Другие исследователи, помимо так же выделяют гиперболу, аллюзию, анадиплосис и парафраза [1, с. 227], которые мы в текстах молодежной рекламы не обнаружили.

Стилистические особенности

Что касается стилистических особенностей русской молодежной рекламы, то мы обнаружили, что чаще всего в рекламных текстах встречаются односоставные

предложения (Georgio Armani: «Новый чувственный аромат»; Clinique: «Три средства, дважды в день»; Maxfactor: «безупречность на весь день»). Сложные (Владимир Михайлов: «Изящные кольца, цепочки и крестики, выполнение в золоте и серебре, инкрустированные драгоценными камнями — это не тренд на один сезон, а драгоценности, которые останутся с вами на всю жизнь») и простые (Hugo Boss: «Новый аромат для женщин представляет Гвинет Пэлтроу.»; Electrolux: «Иногда телефонный звонок меняет все планы на ужин») предложения в рекламных текстах встречаются реже.

Вопросительные предложения, содержащие в себе риторический вопрос (The Body Shop: «ты меня увлажняешь?» Electrolux: «...а подруга неожиданно приглашает на вечеринку?»; Academie: «Мечтаете о вечной молодости для своей кожи?»), так же можно назвать отличительной чертой русскоязычной молодежной рекламы, как повтор (Maxfactor: «твой образ — твоё высказывание»; Vichy: «Такая эффективная, такая концентрированная, такая нежная.») и игру слов (Love Radio: «Невероятный выбор музыки на одной волне»). Некоторые исследователи русской рекламы, так же отмечают, что в русских рекламных текстах часто встречается каламбур, восклицательные предложения и стихотворную организацию текста [2, с. 3], которые мы, в отобранных нами текстах русской молодежной рекламы не обнаружили.

Грамматические особенности

Большое количество прилагательных в русской молодежной рекламе — не случайно. Прилагательные придают экспрессивность и эмоциональную окраску рекламному тексту.

В русскоязычной молодежной рекламе, мы заметили, что прилагательные в начальной форме (Gancia: «Первое игристое вино Италии»; Academie: «Профессиональная косметика обладает удивительным эффектом») встречаются чаще, чем в превосходной (Alterna: «Ищите комплексные уходы в лучших салонах красоты»). Прилагательные в сравнительной степени нам не встретились вовсе.

В русской молодежной рекламе больше существительных, чем глаголов, но глаголы тоже использованы довольно часто. В первую очередь, мы бы хотели подчеркнуть, большое использование глаголов в повелительном наклонении (Clinique: «Добавьте цвета...»; Marie Claire: «Читайте на iPad»; Filorga: «Спрашивайте в лучших аптеках») Что касается глагольных времен, то рекламных сообщениях преобладает настоящее время (Maxfactor: «Советуют профессионалы»; Uriage: «Активирует выработку коллагена и гиалуроновой кислоты, сохраняет запас гиалуроновой кислоты, реагирует антиоксидантные свойства клеток») Прошедшее (Inneon: «Эффективность клинически доказана»; Yves Rocher: «74 % женщин подтвердили, кожа восстановлена.»)

и будущее (Boss: «Эта ночь будет твоей.») времена глаголов встречаются реже. Начальная форма глаголов для русской молодежной рекламы не характерна.

Лексические особенности

В отобранных нами текстах, мы обнаружили большое количество английских слов и предложений. Среди них мы обнаружили три вида замены. Первый вид — это предложения, написанные полностью на английском языке (Sheen: «Elegant. Smart. Shining.»; Gansia: «Made in Italy. Before Italy.»; Redds: «Angel or demon?»). Второй тип — это замена русского слова английским словом. Данный тип замены можно разделить в свою очередь на две части: слова, которые полностью написаны на английском языке латинским шрифтом (Clinique: «Новая увлажняющая помада-бальзам Chubby Stick.»), и слова транскрибированные в кириллице (Filorga: «Гидра-Филлер. Первый пролонгатор молодости»). Последний вид, встретившийся замены, в текстах русского молодежного рекламного сообщения — это так называемый «code-switching» (Маяк: «Талковое радио»). «Code-switching» — это смешение английского и русского языков на уровне слова. [3, с. 99] Англицизмы встречаются по всей структуре реклам-

ного текста: в слоганах, заголовках, основном тексте рекламного сообщения и эхо-фразе или в одной или нескольких ее частях.

Дополнительно к английским вкраплениям, в русской молодежной рекламе, мы так же обнаружили и французские отдельные слова (Dior: «L'absolut»; Givenchy: «Noir Couture»).

Заключение

Следует так же отметить, что все слова на уровне слова, предложения или текста носят исключительно положительный эмоциональный окрас, но несмотря на как нам показалось большое количество эмоционально-положительной лексики.

В заключении хочется еще раз подчеркнуть, что рекламный текст это не совсем обычный текст, потому что его основной функцией является манипулятивная функция, а его основной целью является побудить адресата совершить желаемое для отправителя действие. Внимательно изучив примеры русскоязычной молодежной рекламы, можно сделать вывод, что все стилистические и языковые приемы направлены на выполнение данной функции.

Литература:

1. Куликова Е.В. Рекламный текст: Лингвистические приемы выразительности. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачева №6 (2), 2009, с. 276–282
2. Щуклина Т.Ю. Лингвистические средства создания экспрессивности русских рекламных текстов. Вестник ТГГПУ. Филологические науки. №1 (12), 2008 с. 1–3
3. Poplack, Shana; David Sankoff (1984). «Borrowing: the synchrony of integration». *Linguistics* 22 (269): 99–136. doi:10.1515/ling.1984.22.1.99

О смыслах и единицах синтаксиса

Мишина Наталья Олеговна, преподаватель
Воронежский институт ФСИН России

По мере усложнения выражаемых в языке смыслов усложняются и языковые категории, их репрезентирующие. Обобщенный смысл, динамичный образ обрстают связями и становятся многокомпонентными когнитивными феноменами. Эпохальная обустроенность окружающей действительности не обходится номинативными репрезентаторами и объективируется суждениями, а «связность суждений о мире считается коррелятом истинного существования мира» [14; 223].

Многомерность, структурированность, динамичность ментальной ситуации репрезентируется в языке с помощью синтаксических конструкций. На службу вербализации знаний выступают не только отдельные лексические единицы или их сочетания, а и моделированные граммати-

ческие структуры в виде предложений — основной категории синтаксиса.

Жизнь предложения в любом языке — особый мир отношений лингвистики и окружающей действительности. Рассматриваемое только как единица синтаксического раздела грамматики предложение «скрывало» свою семантическую сущность. Динамично развивающаяся в 20-ом веке лингвистическая мысль привела к необходимости исследования обширной области значения предложения. «С середины 60-х годов началось то, что можно назвать штурмом семантики предложения. Наступление ведется практически со всех сторон: оно разворачивается и с лексикологических позиций, и с плацдарма грамматики, и по линии выяснения ситуативных

значений, и со стороны логики, обладающей в этой области несомненным приоритетом, и силами лингвистики речи (Критическому обзору работ, касающихся семантики предложения, посвящена книга: Danes F., Hlavsa Z., Kofensky J., *Prace o semanticke strukture vety*, Praha, 1973)» [1; 6].

«Сухой», обезличенный, заграмматизированный синтаксис обретает новое к себе отношение и понимание. Синтаксис определяют как «интерфейс между семантикой и морфологией» [5; 5], видят в нем особую «лингвокреативную» природу [7; 127], обращают внимание на «концептуальные интеграции в синтаксисе» [6; 152], все чаще делают акцент на «когнитивно-ориентированных интерпретациях выбора и расположения языковых единиц» внутри синтаксических конструкций [11; 170].

Романтик синтаксиса К.Я. Сигал, ссылаясь на слова французского поэта П. Валери, убежден, что «синтаксис — это способность души». В его почти художественных «Синтаксических этюдах» читаем: «Синтаксис подобен двуликому Янусу: со стороны синтаксической формы как знаковой сущности он является структурно-грамматическим феноменом, а со стороны поиска и вариаций синтаксических форм в речевой деятельности — психолингвистическим» [8; 4]. С этой позиции автор считает вполне приемлемым использование психолингвистического анализа тех или иных синтаксических явлений или процессов наряду со структурно-семантическим подходом, являющимся методологией классического языкознания.

Было бы несправедливо утверждать, что интерес к «внутреннему миру» синтаксиса проявляется только в последние десятилетия. Высказывания, ситуации, суждения, предложения толковались как термины традиционной логики — отношение сообщения к действительности в плане его истинного значения (См. «Философская энциклопедия» М., 1960, т. I, стр. 312–333; Н.И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 89–92.) с тем, чтобы объективно быть соотносенными с результатами лингвистических исследований и теоретических выводов. «Именно соотношение с действительностью составляет ядро и лингвистического понятия высказывания» [2, 349].

Трактовка синтаксических единиц получает свое развитие в лингвистических словарях (См. Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 65; О.С. Ахманова. Лингвистический словарь. М., 1966, стр. 94), где структурные пределы и содержательные объемы смежных понятий не дифференцируются.

Рассуждая о различии понятий «высказывание» и «предложение», например, В.Г. Гак писал: «Что касается отличия высказывания от предложения, то нет еще теории, определяющей высказывание на основе четких лингвистических критериев. От предложения высказывание отличается тем, что характеризуется со стороны зависимости — независимости, т.е. степени связи ситуацией, что проявляется в неполноте внешнего выражения» [2; 350–351].

Чешские ученые В. Матезиус, М. Докулил, Ф. Данеш создали учение о предложении как о сложной неоднородной структуре, одновременно репрезентирующей собою несколько ступеней языковой абстракции [13; 156].

Г.Г. Сильницкий считает, что предложение выражает ситуацию — сложную семантическую единицу. «На референтном уровне ситуации соответствует некоторый отрезок реальной действительности, вычленимый говорящим из континуума объективных явлений путем наложения на него данной ситуации. Соотношения между перечисленными единицами синтаксического, семантического и референтного уровней не являются одно-однозначными: один и тот же ситуативный референт может отображаться несколькими ситуациями, одна и та же ситуация может выражаться несколькими предложениями» [9; 373].

Автору концепции неразрывной связи лексического и грамматического уровней языка Н.Ю. Шведовой удалось представить принципиально новое описание его синтаксического строя. Она противопоставила предложение, как одну из основных категорий синтаксиса, слову и словосочетанию по формам, значению и функциям и объясняет его сущность: «В широком смысле — это любое (от развёрнутого синтаксического построения — в письменном тексте от точки до точки — до отдельного слова или словоформы) высказывание (фраза), являющееся сообщением о чём-либо и рассчитанное на слуховое (в произнесении) или зрительное (на письме) восприятие. В узком, собственно грамматическом, смысле предложение — это имеющая в своей основе специальный абстрактный образец (модель) особая синтаксическая конструкция, организованная по законам данного языка и специально предназначенная для того, чтобы быть сообщением» [10; 460].

К смыслу предложения обращает свои научные интересы Н.Д. Арутюнова (1976). Она приходит к выводу, что наиболее широкое распространение среди лингвистов получила референтная (денотативная) концепция значения предложения, которая «имеет своей целью определение отношений между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, или событием» [1; 6].

Такая научная позиция перекликается с ситуативной концепцией предложения В.Г. Гака, который анализирует соотношение синтаксических функций членов предложения (главным образом актантов) и тех ролей, которые выполняют обозначаемые ими предметы в реальном событии [3; 48].

Все чаще звучат положения об экстралингвистическом референте предложения, отрезке реальной действительности, частном событии, факте, о котором сообщается в конкретном высказывании. Так, по определению В.С. Храковского, «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который принято называть индивидуальной денотативной ситуацией или событием» [12; 5].

Все четче проявляется связь: мысль — язык — действительность, а, значит, смысловое содержание (семантика) предложения соотносится с фрагментом действительности, обработанной сознанием.

В своей работе «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» Г.А. Золотова высказывает мнение о том, что именно «интерес к семантике предложения позволил увидеть состав и типологию предложения в новом аспекте соотношения языковой формы и выражаемого ею внеязыкового содержания» [4; 15]. Стремление и попытки выявить «содержательное назначение языковых форм» убеждают в связи языка с окружающим миром, его отражательной функции и семантической заряженности синтаксических конструкций. «Семантика предложения — это, прежде всего, проблема связи языковой структуры и выражаемого ею внеязыкового содержания» [4; 17]. Структура предложения с актантной организацией и семантическим

содержанием коррелируется с сущностью собирательного смысла — образа.

Точное и эмоциональное высказывание о предложении принадлежит Н.Д. Арутюновой: «Чудо» предложения как раз в том и состоит, что в нем достигнут некоторый синтез категорий мышления и элементов объективной реальности, установлена связь между миром и человеком» [1; 378].

Многочисленные подходы к обсуждению семантики предложения нашли отражение в работах Ю.Д. Апресяна, В.В. Богданова, С.Д. Кацнельсона, Е.В. Падучевой, И.П. Распопова, И.П. Сусова и других.

В последнее время идея смыслового назначения синтаксических конструкций рассматриваются в рамках когнитивной лингвистики с использованием центрального ее понятия — концепт.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. — М., 1976. — 383 с.
2. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики: Сб. науч. тр. — М., 1972.
3. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики: Сб. науч. тр. — М., 1973.
4. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 368 с.
5. Мельчук И.А. Зависимости-2011: Отношение зависимости в языке и лингвистике // Вопросы языкознания. 2012. № 1.
6. Муняева Е.И. Концептуальная интеграция в синтаксисе (на материале конструкций с глаголом see) // Когнитивные категории в синтаксисе [Текст]: кол. монография, под ред. Л.М. Ковалевой (отв. Ред.), С.Ю. Богдановой, Т.И. Семенов. — Иркутск: ИГЛУ, 2009. — 249 с.
7. Серебренникова Е.Ф. К проблеме креативности в синтаксисе // Когнитивные категории в синтаксисе [Текст]: кол. монография, под ред. Л.М. Ковалевой (отв. Ред.), С.Ю. Богдановой, Т.И. Семенов. — Иркутск: ИГЛУ, 2009. — 249 с.
8. Сигал К.Я. Синтаксические этюды / К.Я. Сигал; Рос. Акад. Наук, Ин-т языкознания. — М.: Акад. Гуманитар. Исслед., 2006. — 156 с. — ISBN 5-89221-027-8.
9. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики, 1972. М., 1973. 373—391
10. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. — В кн.: Славянское языкознание. УП Международного съезда славистов. Варшава, авг., 1973. Доклады сов. делегации. — М., Наука, 1973в, с. 458—483.
11. Хантакова В.М. Когнитивно-ориентированная интерпретация выбора и расположения языковых единиц в синонимических отношениях // Когнитивные категории в синтаксисе [Текст]: кол. монография, под ред. Л.М. Ковалевой (отв. Ред.), С.Ю. Богдановой, Т.И. Семенов. — Иркутск: ИГЛУ, 2009. — 249 с.
12. Храковский В.С.. Проблемы деривационной синтаксической теории. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972.
13. Daneš F., A three-level approach to syntax, «Travaux linguistiques de Prague», 1966, v. 1.
14. McKenna W.R. 1982 Husserl's «Introduction to phenomenology»: Interpretation and critique. — The Hague etc.: Nijhoff, 1982.

К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов

Моргун Елена Анатольевна, кандидат филологических наук
Российский государственный гуманитарный университет (г. Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена вопросу конвергенции когнитивного и прагматического подходов в современной лингвистике. Исследование, выполненное в русле когнитивно-прагматической парадигмы, с одной стороны, ориентированно на построение ментальной модели мира с помощью концептов, вербализованных в тексте. С другой стороны, во внимание принимается коммуникативная направленность текста, а именно языковые механизмы воздействия и манипулирования (определенные стратегии и тактики), которые гарантируют эффективность и успех коммуникации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, прагматика, когнитивный подход, прагматический подход, когнитивно-прагматическая парадигма, когнитивно-прагматический анализ.

В современной лингвистике отчётливо прослеживается тенденция к конвергенции (сближению) когнитивного и прагматического подходов. В когнитивно-прагматическом ключе исследуются различные типы дискурса (политический, риторический, медицинский, художественный и др.), проводится анализ концептов, междометий, побудительной модальности, фразеологических единиц, неологизмов и окказиональной лексики.

Проведенный обзор и анализ отечественных и зарубежных научных работ показал, что в настоящее время сформировались три основных подхода к объединению когнитивного и прагматического аспектов:

1) *прагматика представляется частью когнитивной теории (когнитивный аспект первичен, прагматический аспект вторичен):*

Принципами, наиболее полно и ярко отражающими сущность данного подхода, являются: *Cogito ergo dico*: лат. — «мыслю, следовательно, говорю» — перефразирование знаменитого афоризма французского философа Рене Декарта «*cogito ergo sum*»: лат. — «мыслю, следовательно, существую», а также довод — «*we mean more than we say*»: англ. — «подразумеваем больше, чем говорим» [13, с. 29].

Прагматика интегрирует в себе когнитивные процессы и принципы интерпретации высказываний и речевого поведения. При этом прагматические факторы, которые проистекают из условий речевой ситуации, коммуникативных целей, стратегий и тактик и определяют воздействующий потенциал высказывания, являются неотъемлемой частью когнитивных процессов, происходящих в сознании человека.

Включение прагматического модуля (аспекта) в систему когнитивной обработки и переработки информации привело к появлению ментальной прагматики, дальнейшему развитию когнитивной алгебры в рамках функционализма, а также принципиально нового подхода к языку — когнитивной прагматики, изучающей мыслительные и речевые основы коммуникации.

2) *когнитивная теория представляется частью прагматики (прагматический аспект первичен, когнитивный аспект вторичен):*

Прагматика рассматривается как наука, изучающая во взаимосвязи когнитивные, социальные и культурные аспекты языка и коммуникации. Основным вопросом, на который призвана дать ответ прагматика является: «What is it to use language?»: англ. — «Как правильно использовать язык: что есть использование языка?» в рамках данного подхода сопровождается дополнительным вопросом: «What does language do for human beings, or what do human beings do for themselves by means of using language?»: англ. — «Какое влияние на индивидов оказывает владение языком, или чего люди добиваются, владея языком?» [12, с. 19]. Прагматика — это ключ к пониманию жизни, поведения, когниции и процессов коммуникации в целом: «Pragmatics holds the key to an integrated understanding of life, behavior, cognition and communication» [6, с. 36]. Подобное видение прагматики также подчеркивает её неразрывную связь с когнитивными процессами посредством конструирования, интерпретации и передачи рационального опыта и знаний.

Так, в свете данного подхода прагматика исследует язык в действии, отношение между языковой формой и использованием языка, причём использование языка включает в себя когнитивные процессы, происходящие в социальном мире с разнообразием лингвокультурных реалий, ценностных систем и менталитета.

3) *конвергенция (сближение) когнитивного и прагматического аспектов:*

Сближение когнитивного и прагматического подходов восходит к предложенному Ч. Пирсом понятию «интерпретант» [3, с. 7]. Коммуникативная модель знака Чарльза Пирса представлена тремя составными частями (знаком — предметом — интерпретантом), одна из которых — интерпретант — несёт в себе функции понятия или концепта, предоставляя возможность, согласно М.В. Никитину, различать виды значений — когнитивное и прагматическое [4, с. 20]. Причем, само понятие «интерпретант» имеет в лингвистике различные трактовки: эквивалент знака проводника из другой семиотической системы; представитель класса однородных предметов; научное определение в рамках одинаковой семиотической системы; эмотивная ассоциация; перевод термина на

другой язык или его синонимичная замена [5, с. 70], релевантный контекст коммуникации [6, с. 73], набор общих привычек и правил употребления [9, с. 30], ментальный образ в сознании интерпретатора, мысль или понятие, концепт [11, с. 356–357], «лингвистический или прагматический контекст» [1, с. 51]. Именно такая неоднородная природа феномена «интерпретант» и способствует конвергенции когнитивного и прагматического аспектов.

Еще одной сходной чертой когнитивного и прагматического походов, является принцип инференции, заложенный в основу теории имплицатур Пола Грайса и концептуальной семантики Рея Джекендоффа.

Инференция (восполнение смысла высказывания адресатом, не обладающим или обладающим недостаточной информацией о процессе речепорождения говорящего) выводится адресатом на уровне вероятности и субъективных критериев. Важную роль при этом играет личностный опыт, интуиция слушающего, а также (особенно в институциональных дискурсах) ситуация и связанные с ней ожидания интерпретатора высказывания. Так, с позиций концептуальной семантики основной инференционный механизм — это взаимосвязь процесса коммуникативного воздействия (прагматики) и когнитивного опыта адресата: «... «semantic» rules of linguistic inference and «pragmatic» rules of linguistic interaction... involve different levels of mental representation... they both are rules for manipulation of conceptual structures... a distinction between semantic and pragmatic rules... lies only in the formal manipulations the rules perform on conceptual structure» [8, с. 105].

Имплицатура — информация, обусловленная ситуацией общения, но не связанная непосредственно с содержанием языковых единиц, участвующих в речи, информация, которую адресат речи логически может извлечь из ситуации общения или лингвистического контекста. В соответствии с теорией имплицатур, содержание высказывания состоит из трёх основных частей:

- 1) то, что подразумевал говорящий при формировании высказывания;
- 2) то, что уже сказано (выражено лингвистически);
- 3) то, что включено в ситуацию общения (выражено логически) [7, с. 22–40].

Дж. Ньютс развивает мысль о том, что когнитивные и прагматические аспекты языка взаимосвязаны и представляют собой две грани одного целого: «Cognitive and pragmatic dimensions of language are not just separate issues. They are two faces of one phenomenon which must be mutually interrelated and interdependent» [10, с. 3].

Согласно М.В. Никитину, психическая деятельность основывается на координированном единстве когнитивных и прагматических структур сознания, вырастающих на наследственном базисе, вбирающих и организующих личностный опыт индивидуума, который тысячекратно обогащен и скорректирован коллективным опытом человечества благодаря языку. Прагматиче-

ские структуры сознания первичны и отвечают за субъективную оценку наблюдений и переживание с точки зрения интересов и ценностей индивидуума. Когнитивные структуры представляют информацию о мире в его онтологической сущности, упорядочивая внепрагматическое знание [4, с. 20].

В рамках прагматического аспекта изучается выбор адресантом определенных лингвистических единиц, учитывая параметры контекста, с целью оказания определенного воздействия на адресата. Другими словами, прагматическая лингвистика как научная дисциплина фокусируется на изучении трёх взаимосвязанных действий адресанта в процессе коммуникации, которые обычно происходят одновременно: выбор, употребление лексических единиц, оказание воздействия на адресата. В когнитивных структурах отражены результаты познавательной деятельности человека.

Таким образом, все три подхода фокусируют внимание на тесной связи когнитивных и прагматических факторов. Прагматические факторы (ситуация, предмет речевого общения, пространственно-временные рамки, личностные особенности автора и получателя и т.п.) оказывают огромное влияние на когнитивные процессы, происходящие в сознании участников коммуникации в момент порождения и восприятия речи. Ещё Л.В. Выготский отмечал, что «мысль... совершается в слове» [2, с. 307]. При речепорождении говорящий кодирует свой неречевой замысел, обусловленный коммуникативным намерением, в речевые символы, и мысль обретает общедоступную форму. Так, речь представляет процесс вербализации образов в сознании человека. Воспринимая речь, слушающий расшифровывает закодированные речевые символы, извлекая смысл, скрытый за внешней формой речевых единиц конкретного языка. В процессе речевосприятия человек соотносит сказанное не только с объективной реальностью, но и со своими субъективными знаниями о ней, со своим личностным опытом, черпая недостающую информацию из памяти и сознания, что отвечает за понимание прагматического значения — исторических, культурных, социальных смыслов и всей совокупности человеческих знаний.

Рассмотренные выше три подхода к объединению когнитивного и прагматического аспектов никоим образом не противоречат друг другу. Они служат прямым доказательством взаимосвязи и взаимовлияния когнитивного и прагматического аспектов, а также закладывают теоретическую основу когнитивно-прагматической парадигмы. В синтезе двух подходов — когнитивного и прагматического — когнитивное состояние говорящего (то состояние оратора (говорящего), которое он передает аудитории), связанное с получением информации из определенного источника и её последующей классификацией, социально-культурный контекст и акт употребления взаимосвязаны и взаимодействуют, чтобы объяснить общий феномен понимания и порождения языка.

Литература:

1. Бочкарев А.Е. Семантический словарь: словарь. — Н. Новгород: Деком, 2003. — 197 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч.: В 6 т. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 2: Проблемы общей психологии. — С. 5—361.
3. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. — Калининград, 1999. — С. 7—13.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1988. — 168 с.
5. Eco U. A theory of semiotics. — Bloomington: Indiana University Press, 1979. — 354 p.
6. Givón T. Mind, Code, and Context: essays in pragmatics. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1989. — 456 p.
7. Grice P. Studies in the way of words. — Cambridge: Harvard University Press, 1989. — 394 p.
8. Jackendoff R.S. Semantics and cognition (Current studies in linguistics series; 8) // The study of language in Cognitive Science. — Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1985. — 283 p.
9. Morris Ch. W. Foundations of the Theory of Signs. — University of Chicago Press, Chicago, 1938. — 59 p.
10. Nuyts J. Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: A Cognitive-Pragmatic Perspective. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. — 428 p.
11. Pierce Ch. et al. Collected Papers of Charles Sanders Peirce: Science and Philosophy and Reviews, Correspondence and Bibliography. — Cambridge: Harvard University Press, 1958. — Volume VII. Book III. Philosophy of Mind — P. 313—358.
12. Verschueren J. The Pragmatic Perspective // Key notions for pragmatics / edited by Jef Verschueren, Jan-Ola Östman. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. — P. 1—28. [Handbook of Pragmatics Highlights; Vol. 1].
13. Wiegand E. Dialogue: the Mixed Game (Dialogue Studies 10). — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. — 320 p. P. 29—31.

Уступительные сложносочиненные предложения с союзами *но, да*

Мусатова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Военный университет (г. Москва)

В сложносочинённых предложениях с уступительной семантикой выражается взаимное несоответствие фактов, действий, явлений, о которых говорится в соединяемых простых предложениях. Несоответствие между содержанием этих предложений состоит в том, что излагаемое во второй части совершается вопреки тому, что было бы естественно и закономерно, желательно или необходимо при тех условиях или обстоятельствах, о которых сообщается в первой части.

... *второе апреля, но вдруг начинает идти снег* (В.А. Каверин «Два капитана»).

Он был приветлив с ней и сердечен, но всё же в обращении с ней, в его тоне и ласках сквозила тень лёгкая насмешка (А.П. Чехов). — Первая часть передаёт информацию, аналогичную той, которая заключена в придаточной части сложноподчинённого предложения с уступительным союзом, то есть имеет значение недостаточного или отвергаемого основания. Ср.: **Несмотря на то что** он был приветлив с ней и сердечен, в его тоне и ласках сквозила насмешка.

Внимательно рассмотрим сложносочинённые предложения с союзом **но**.

Предложения данного типа выражают отношения уступительного противопоставления, возместительного противопоставления.

ССП имеет значение уступительного противопоставления, если союз **но** соединяется с частицами **всё-таки, всё же** (1), если в одно из сочетающихся предложений вводятся наречия **ещё, всё ещё, уже** (2). Общее значение данных предложений следующее: 1) во второй части сообщается о событии, противоположном ожидаемому на основании содержания первой части; 2) события второй части совершаются вопреки тому, что могло бы ожидать на основании первой части.

1 Он [Стива] втянул голову в плечи и хотел иметь жалкий и покорный вид, но он всё-таки сиял свежестью и здоровьем (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Княжна Марья не выезжала по случаю траура, а Николай не считал приличным бывать у них, но губернаторша всё-таки продолжала своё дело сватовства (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Может, он и притворялся малость; но всё же лицо его воспалено было, пересмешные губы полуоткрыты, точно в жару... (И.А. Бунин «Весенний вечер»).

2 Голос у него **ещё** ломался, **но** он прекрасно пел (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Солнце не вышло из-за гор, **но** лучи его **уже** золотили верхушки деревьев (И.А. Гончаров «Обрыв»).

Ромашов сел на кровати. Становилось темно, **но** он **ещё** хорошо видел всю свою комнату (А.И. Куприн «Поединок»).

Крупные строевые экземпляры деревьев по пути почти везде **уже** были срублены, **но** тайга **всё ещё** внушительна и красива (А.П. Чехов).

Ещё более отчётливо отношения уступительного противопоставления бывают выражены тогда, когда значение союза **но** усиливается соотносительными наречиями **ещё**, **всё ещё**, **уже**, при этом одно из соединяемых простых предложений часто бывает отрицательным.

Вечер **ещё** не наступил, **но** между деревьями **уже** бродили лёгкие задумчивые тени (А.И. Куприн «Поединок»).

Ещё нигде не румянилась заря, **но** **уже** забелелось на востоке (И.С. Тургенев «Бежин луг»).

В июльские вечера и ночи **уже** не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочках соловьи, не пахнет цветами, **но** степь **всё ещё** прекрасна и полна жизни (А.П. Чехов «Степь»).

Иногда к союзу **но** присоединяется сочетание **несмотря на это**, которое подчёркивает уступительный оттенок значения.

Полк стоял в батальонных колоннах на расстоянии 300 шагов, **но, несмотря на это**, все люди находились всегда под влиянием одного и того же настроения (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Солнце пряталось за облака, деревья и воздух хмурились, как перед дождём, **но, несмотря на это**, было жарко и душно (А.П. Чехов).

Отношения уступительного противопоставления приобретают оттенок возмездительного противопоставления, если союз **но** соединяется с союзом **зато**, который выражает уверенное, твёрдое мнение.

Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, **но зато** он был всегда одним из первых, приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда ни в каком случае не выдавал своих товарищей (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Уступительное значение подчёркивается употреблением в первой части сложносочинённых предложений вводных слов **правда, конечно, действительно**.

Дуэли, **конечно**, между ними не происходило, **но зато** один другому старался напакостить где было можно... (Н.В. Гоголь «Мёртвые души»).

Он [Левин] очень нервный человек и бывает неприятен, **правда, но зато** иногда он бывает очень мил (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»).

Правда, я говорить не умею, **но зато** я умею иронически улыбаться, пожать плечами, воскликнуть (А.П. Чехов).

Общее значение данных предложений следующее: то, о чём говорится во второй части, важнее ситуации, описываемой в первой части, хотя события, происходящие и в первом, и во втором предложении, — реальные факты.

Уступительный характер возмездительных отношений легко эксплицируется таким синтаксическим средством, как союзная частица **и**.

Наш свет **и** пошёл, **и** пуст, **но зато** мы с вами хоть порядочно говорим по-французски, кое-что почитываем (А.П. Чехов).

«Ограничивая действие в отношении результативности и направляя ход связанных с ним словесных ассоциаций по иному, как бы противоположному руслу» [1, с. 89], союз **но** может развивать в себе значение обратной обусловленности и, таким образом, вступать в определённые отношения со средствами выражения уступительности.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты, **но** она никому не подавала и малейшей надежды (А.С. Пушкин). Ср.: Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты, **хотя** она никому не подавала и малейшей надежды.

Союз **но** может употребляться параллельно с союзом **хотя**. В данном случае мы говорим об осложнённости ограничительной связи элементом уступительного значения. Показателем этого являются лексемы **тем не менее, при всём том, несмотря на...**, которые указывают прежде всего на неэффективность данного действия / состояния относительно тех последствий, которые, казалось бы, из него вытекают.

На ней был какой-то тёмно-зелёный турнюр с большими пуговицами да широкополая соломенная шляпа, **но тем не менее** она мне понравилась не меньше прежнего (А.П. Чехов).

Ранее обыкновенного лёг он в постель, **но несмотря на** все старания, никак не мог заснуть (Н.В. Гоголь).

Характерной чертой уступительно-ограничительных конструкций с союзом **но** является ряд лексических средств выражения данного значения.

1. **Правда, конечно** — вводные слова.

Дворовые люди Аркадия Павловича поглядывали, **правда, исподлобья, но** у нас на Руси угрюмого от заспанного не отличишь (И.С. Тургенев).

Суда вам, **конечно**, не избежать, **но**, наверно, вас всё же оправдают (А.П. Чехов).

2. **Правда, конечно, да** — союзные средства.

В моей жизни вы были единственной привязанностью. **Да**, вы были порочны, **но** кроме вас в жизни я никого не любил (А.П. Чехов).

Правда, пользование чужой подписью считается предосудительным; **но всё-таки** это не преступление, а общепринятый манёвр (А.П. Чехов).

Конечно, он ожесточён, **но** сердце у него доброе (И.С. Тургенев).

3. **Правда** — самостоятельный предикатив.

Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актёр стал гораздо выше (А.П. Чехов).

4. **Так** со значением утверждающей констатации.

Некрасив, безобразен, так тому и быть, но зачем всенародно мою физиономию на вид выставлять? (А.П. Чехов).

Уступительную функцию в условиях ограничительной связи несут на себе предикативы и глаголы с семантикой согласия, одобрения (1), предположения и сомнения (2), неуверенности (3).

1. *Он не влюблён в неё — это ясно, но отчего бы ему не жениться на ней?*

Она умная, образованная, не спорю, но в твои годы...странно находить удовольствие в её обществе (А.П. Чехов).

2. *Расстраты и упущения, допустим, я покрою, но кто вам возвратит ваше честное имя? (А.П. Чехов).*

Положим, я только поповский сын и тля перед вами, дворянами, но не оскорбляйте же меня так весело и беспутно (Ф.М. Достоевский).

3. *Неизвестно, долго ли бы ещё пробыл он в этой нерешительности, но в передней раздался звонок (И.А. Гончаров).*

Не знаю, быть может, я ничего не понимаю или сошёл с ума, но пьеса мне понравилась (А.П. Чехов).

Уступительно-ограничительный оттенок значения сложносочинённое предложение получает и в том случае, если при сочинительном союзе **но** появляется уступительно-усилительная частица **и**.

Мы сидели в тени, но и в тени было душно (И.С. Тургенев). — Мы сидели в тени, хотя в тени тоже было душно.

Случилось что-то похожее на любовь, но и тут дело кончилось ничем (Н.В. Гоголь).

На фоне уступительной связи в сложносочинённом предложении с союзом **но** может появляться значение возражения.

Я ошибался, да... но не солгал ни разу в жизни (А.П. Чехов).

Возражение усиливается призывами и выражениями уступительного характера при союзе **но**.

Цитируйте каких угодно авторов, но сделайте мне уступку, не трактуйте в моём присутствии только о двух вещах: о злобредности высшего света и о ненормальности брака.

Я ни в чём его не обвиняю, я не сержусь, но согласитесь, поведение его по меньшей мере странно.

Я люблю слушать и читать, но верить, покорнейше благодарю, я не умею и не хочу (А.П. Чехов).

Сложносочинённые предложения с союзом **да (=но)** имеют значение противопоставления.

Снеггар часто смеялась и пела, да не умела она так звонко кричать и так смело кидаться в шумящее море, как Велга (И.А. Бунин «Велга»).

Сердце заходило, как ты приезжал, видела твоё мучение, да я крепка, не выдавала себя! (И.А. Бунин

«Дубки»).

При объединении союза **да** с союзом **зато** уступительно-противительные отношения приобретают оттенок возмездительного значения.

Вам придётся двигаться очень медленно, да зато вы перейдёте пороги... (И.А. Бунин «Казацким ходом»).

Хоть вам и придётся двигаться очень медленно, зато вы перейдёте пороги.

На фоне противопоставления первая ситуация «Вам придётся двигаться медленно» возмещается второй ситуацией «Вы перейдёте пороги».

Вот теперь я его измучаю до смерти, да зато потом ему любовью моею наверстаю (Ф. М. Достоевский).

Оно, конечно, учёный из меня не вышел, да зато я родителей не ослушался, старость их успокоил (А.П. Чехов «Степь»).

Возмездительная частица **благо** своим значением прямо указывает на позитивный смысл уступки. Например: *Баба, должен я вам сказать, злая, да благо спит целый день (И.С. Тургенев).*

И.Н. Кручинина отмечает, что союз **да**, имеющий увещательную семантику, может соединяться с разнообразными средствами выражения уступительного значения. Это, как правило, увещательно-примиряющие, располагающие к согласию и уступке частицы **-то, уж, ведь** [1].

Духом-то я уже давно смирился, да голове моей всё ещё не хотелось нагнуться (И.С. Тургенев). — Постфикс -то настраивает на восприятие уступительной ситуации. Ср.: Хоть духом давно смирился, да голове всё ещё не хотелось нагнуться.

Теперь Иван Потапыч мог бы хлебать с серебряного блюда, да уж не хочет (Н.В. Гоголь).

Семантика уступительности усиливается совместным употреблением союза **да** и частиц **и, бы**.

«Эх, иной раз и ударил бы, да вы же сами не даёте», — сказал Захар (И. А. Гончаров «Обломов»).

[Фамусов]: В Москве прибавят вечно втрое: / Вот будто женится на Сонюшке. Пустое! / Он, может быть, и рад бы был душой, / Да надобности сам не вижу я такой / Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня (А. С. Грибоедов «Горе от ума»).

В составе сложносочинённого предложения союз **да** очень часто взаимодействует с частицей **хоть**.

Сарай хоть с окошками, да они высоко (И.А. Бунин).

Таким образом, были рассмотрены сложносочинённые предложения с союзами **но, да (=но)**, имеющие уступительную семантику. Средства, выражающие отношения уступительности, неоднородны по своим свойствам:

1) союзы **но, да (=но)** (но + зато, да + зато);

2) частицы, вносящие в предложение разные оттенки уступительного значения: **всё-таки, всё же**;

3) наречия **уже, ещё, всё ещё**;

4) **но + зато +** вводные слова **конечно, правда, действительно**.

Союзы могут самостоятельно оформлять сложносочинённое предложение с уступительным значением. Ча-

стицы, наречия, вводные слова не могут сами непосредственно связывать части ССП с уступительным значением и обязательно требуют наличия в предложении собственно союза.

Литература:

1. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке [Текст] / И.Н. Кручинина. — М.: Наука, 1988. — 209 с.
2. Мусатова Г.А. Семантика уступки [Текст]: монография / Г.А. Мусатова. — Рязань: РВВДКУ, 2011. — 185 с.

Особенности реализации категории вежливости в немецком молодежном журнале «Bravo»

Плотникова Ирина Дмитриевна, бакалавр
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Роль речевого этикета в установлении межличностных контактов растёт, соответственно в лингвистике усиливается интерес к проблемам речевого оформления этих контактов. С помощью вежливости как тактического приема адресант без особого труда достигает желанной цели [3, с. 67].

С прагматической точки зрения категория вежливости неразрывно связана с теорией речевых актов. Здесь надо уточнить, что под речевым актом понимается «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принятыми в данном обществе нормами коммуникации» [2, с. 351].

Рассматривая понятие «вежливого речевого обращения», следует упомянуть о таких речевых актах, как просьба, приказ, благодарность, извинение, прощание и другие. Для нас наибольший интерес представляют те речевые акты, которые реализуются в немецком молодежном журнале «Bravo». Свои выводы мы делали, опираясь на материалы электронной версии немецкого молодежного журнала «Bravo» (декабрь 2012 — февраль 2013), в котором представлена живая речь коммуникантов (например, письма читателей), интересная для нас с лингвистической точки зрения. В журнальных материалах можно отметить многочисленные лексические и грамматические средства, формирующие прагматику обращений, приветствий, прощаний и других формул речевого этикета.

Изучение речевого акта «обращение» показало, что данное явление быстро реагирует на любые изменения в социальном и историческом аспектах. В ряду контактоустанавливающих средств языка за обращением закреплён особый статус. Данная единица речевого этикета работает на привлечение внимания адресата, т.е. реализует вокативную функцию, и готовит его к последующему восприятию информации, обуславливая, таким образом, речевой контакт [3, с. 14]. Осуществляя контактную функцию, об-

ращение не только идентифицирует адресата речи, но и содержит в себе указание на отношение к нему адресанта. При этом отношения, передаваемые лексической составляющей обращения, дифференцируются по двум параметрам: социальному и эмоциональному, отражающим социально-регулятивную и оценочно-характеризующую функции обращения [1, с. 6].

Существует несколько подходов к классификации форм обращений. Так, И.В. Дорофеева предлагает разделять их на простые (состоящие из одной лексической единицы) и сложные (состоящие из нескольких лексических единиц), а Н.А. Гаврильева выделяет 24 модели «структурной организации феномена обращение»: существительное + артикль/ существительное + местоимение/ существительное + местоимение/ прилагательное и т.д. Для нас наибольший интерес представляет классификация П. Брауна, в рамках которой выделяются 3 группы обращений:

- местоименные формы обращений;
- именные формы;
- глагольные формы.

Опираясь на указанную классификацию, мы выделили в журнальных материалах множество обращений местоименного характера: «du»-»ты», «Sie»-»Вы», «Ihr»-»Вы» и другие.

Местоимения «du» («ты») и «Sie» («вы») в немецком языке издавна имели символическое значение: их использование позволяло установить возраст, классовую принадлежность адресата. Несмотря на то, что местоимение «Sie» («вы») изначально претендовало на употребление в качестве максимально вежливой формы обращения, продержаться ему в этой функции удалось недолго. Уже в конце XVII века аристократия начинает употреблять это местоимение для выражения пренебрежительного, снисходительного отношения к собеседнику, выдвинув в качестве альтернативы уважительное обращение в третьем

лице множественного числа — «Sie» («Вы»), происходящее от именных обращений типа «Ihro Gnaden» — «Их милости». Форма же «Ihr» («Вы») продолжает употребляться как этикетная, занимая промежуточное положение между Sie (3 л. мн. ч.) и Er/Sie (3 л. ед. ч.). Таким образом, в немецкий обиход проникают такие вежливые обращения, как «Ihr», «Sie», популярными становятся титулы «Herr», «Frau», которые в свое время заимствовались у аристократии. Сегодня мы можем говорить о некой демократичности в общении в немецком обществе, о чем свидетельствуют, в частности, формы обращений, принятые в официальной и неофициальной коммуникации.

Так, наиболее распространенным обращением в журнале «Bravo» является местоимение «du»: «Hier findest Du Tipps» — «Здесь ты найдешь советы», «Warum machst Du es trotzdem?» — «Почему ты все равно это делаешь?», «Vielleicht weißt Du einiges noch gar nicht» — «Возможно, ты не все еще знаешь», «Deshalb solltest Du es ihnen sagen» — «Поэтому ты должен им сказать». Употребление данного местоимения свидетельствует о доверительных отношениях между коммуникантами и не является фамильярным, с учетом того, что основную же аудиторию журнала составляет молодежь 14–25 лет.

Часто встречается также местоимение «ihr», наряду с его производными «euch, eure»: «Durch Eure Gefühle» — «Через Ваши чувства», «Vielleicht ist es für Euch der bessere Weg» — «Возможно, для Вас это лучший выход». Как правило, данное местоимение чаще всего встречается в статьях, рассчитанных на совместное восприятие несколькими читателями (материалы, адресованные молодым парам или родителям и т.д.).

При обращении к читателям часто употребляется и прилагательное «liebe»: «Liebe Mona» — «Дорогая Мона», «Lieber Tobì» — «Дорогой Тоби», «Liebe Nicole» — «Дорогая Николь». Обычно такая форма обращения используется при общении с друзьями или хорошо знакомыми людьми. Прилагательное «lieber» подчеркивает близкий характер отношений между собеседниками, а написание имени после него, на наш взгляд, усиливает показатель доверительности.

Нередким явлением в немецких журнальных статьях является опущение подлежащего, в этом случае в качестве формы обращения выступает глагол в повелительном наклонении: «Also spricht noch mal» — «Поговорите еще раз», «Sagt den Jungen» — «Скажи молодым людям», «Lasst uns in Ruhe» — «Оставь нас в покое». Обращения, выраженные с помощью глагола, обычно выражают совет, а не приказ. В данном случае следует рассматривать глагольные формы обращений в связи с такими речевыми актами, как просьба или приказ.

Анализируя тексты писем читателей, можно отметить наличие в них директивного речевого акта «просьба», который выражается как эксплицитно: «Könnt Ihr mir helfen?» — «Не могли бы вы мне помочь?», «Bitte helft mir» — «Пожалуйста, помогите мне», — так и имплицитно: «Was soll ich tun?» — «Что мне делать?», «Ich weiß nicht, wie ich jetzt darauf reagieren soll?» — «Я не знаю, как мне на это реагировать». Просьба — директивный речевой акт, поскольку она представляет собой попытку говорящего добиться ответного действия от слушающего. Просьба предполагает заинтересованность говорящего в указанном действии.

Наряду с просьбами мы встретили ответные реплики издателей, в которых проявляется сочувствие по отношению к проблеме: «Es tut uns Leid, dass...» — «Жаль, что...», «Wie schade!» — «Как жаль!». Складывается атмосфера взаимного сотрудничества, взаимопонимания, которая позволяет читателю предположить, что здесь он всегда может рассчитывать на совет и помощь в трудной ситуации.

Маркерами вежливости могут быть также частицы: «vielleicht» — «возможно», «wirklich» — «конечно»: «Dann könnten Dir unsere Tipps das Leben mit ihnen vielleicht ein bisschen leichter machen» — «Возможно, наши советы облегчат вам жизнь», «Du musst akzeptieren, dass sich Eure Freundschaft jetzt vielleicht etwas verändert» — «Думайте о том, что ваша дружба, возможно, изменится», «Es kann wirklich besser laufen» — «Это действительно звучит лучше». Частица «vielleicht» — «возможно» — привносит в просьбу дополнительный оттенок неуверенности, что создает определенную дистанцированность между собеседниками, формируя ощущение вежливости высказанной просьбы. Частица «wirklich» — «конечно», наоборот, выражает уверенность в своем мнении.

Речевой акт «прощание» также характерен для журнальных статей. Данный речевой акт ритуализирован и выражается имплицитно: «Dr.-Sommer-Team» — «Летняя команда», «Dein Dr. — Sommer-Team» — «Твоя Летняя команда», «Viel Spaß» — «Удачи». Использование подобных лексических средств объясняется нацеленностью авторов журнала на дальнейшее взаимодействие с читателями, ведь цель речевого акта «прощание» — не только оформление завершения социального контакта, но и сохранение социального взаимодействия: «Dafür wünschen wir Euch viel Erfolg» — «Желаем вам успеха», «Wir wünschen Dir alles Gute» — «Желаем всего хорошего». В данных предложениях речевой акт «прощание» выражен имплицитно, нет прямого указания на завершение разговора, однако это подразумевается.

Таким образом, любое письменное послание не обходится без вежливых речевых формул. Они являются необходимым атрибутом любой коммуникации. Каждая из рассмотренных выше этикетных единиц реализует в речи определённые функции, направленные на установление, поддержание и закрепление контакта между участниками коммуникативного взаимодействия. Поскольку потребность в социальном взаимодействии является основополагающей для человека, данные единицы приобрели статус ритуализированных, чем объясняется активное использование в речи перформативов, клишированных

формулировок. Именно по обращениям мы можем судить об отношениях между людьми. Анализ статей в немецком молодежном журнале «Bravo» позволяет нам сделать

вывод о том, что авторы статей стремятся к созданию атмосферы доверительного диалога с читателями.

Литература:

1. Алешкина Е.Ю. О связи лексической характеристики обращения с его семантическими функциями // Лингвистические исследования. М., 1990.
2. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Наука. 2003.
3. Формановская Н.И. Прагматическое побуждение и логика языка. «Русский язык за рубежом». М. «Отраслевые ведомости». 2007.
4. Улиш Г. Приветствие и обращение в немецком языке. Grüssen und Anreden im Deutschen. 2001.
5. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge. 1988.
6. <http://www.bravo.de/>

Глагол *heave*: взаимодействие качественных и количественных факторов в историческом развитии

Руднева Мария Андреевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов (г. Москва)

Глагол *hang* рассматривается нами в рамках масштабного исследования исторических изменений английской глагольной парадигмы. В более ранних работах [1], [2], [3] нами была разработана проблема перехода английских глаголов из категории неправильных в категорию правильных. Нам удалось обосновать рассмотрение неправильных глаголов как высокочастотных языковых единиц; выявить и обосновать доминирующую роль фактора частотности употребления в процессе регуляризации английских глаголов; рассмотреть группы глаголов, находящихся в стадии перехода, то есть обладающих правильными и неправильными формами спряжения, а также экспериментально выявить количественное соотношение данных форм и корреляцию этого соотношения с частотой употребления глагола.

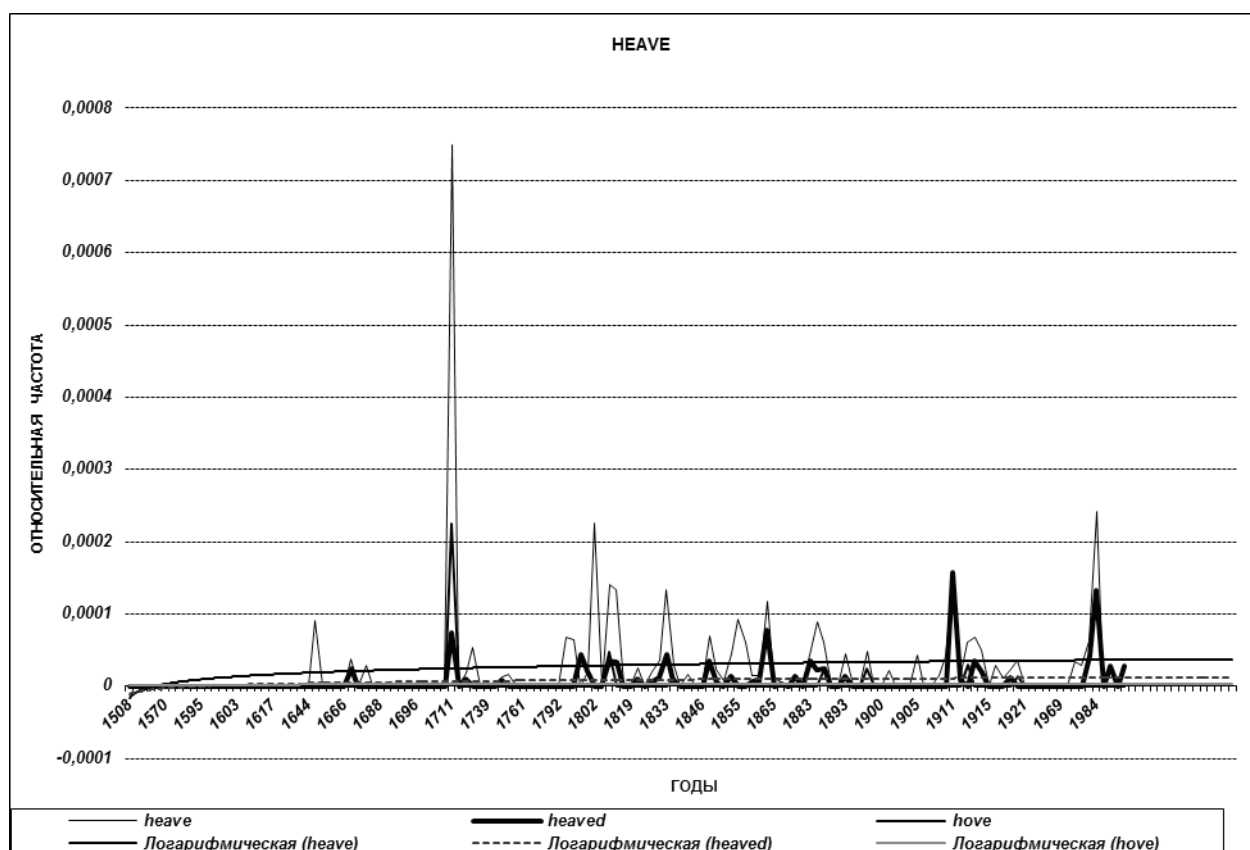
Кроме того, нами были обнаружены случаи, противоречащие генеральной тенденции к замещению нерегулярных форм спряжения регулярными. Однако в ходе исследования были также выявлены некоторые качественные факторы, влияющие на процесс перехода. Для целого ряда глаголов относительная частота встречаемости не является единственным фактором, обуславливающим их принадлежность к категории глаголов с нестандартным формообразованием. Поэтому для этих случаев не всегда выполняется высказанное нами предположение о вытеснении нерегулярных форм глаголов регулярными с понижением частоты встречаемости глаголов. Мы выяснили, что наряду с процессом полного вытеснения нерегулярной формы имеет место процесс расщепления при одновременном функционировании нескольких вариантов в параллели. Т.А. Расторгуева предполагает, что «если у параллелей есть какие-либо отличия — семантиче-

ские, дистрибутивные, стилистические — то такие параллели обычно сохраняются, и происходит расщепление. В случае полной эквивалентности сохранение их на какой-то срок не исключено, но менее вероятно, одна стремится вытеснить другую» [4, с. 22].

Одним из таких исключений из общего правила стал глагол *heave*. В данной работе мы постараемся рассмотреть количественные факторы, позволившие данному глаголу отклониться от общей тенденции изменения английской глагольной парадигмы.

Для исследования было отобрано 140 текстов, максимально приближенных к вышеупомянутым критериям. Хронологические рамки исследования — с 1508 по 1998 год. Общая величина исследованного массива — порядка 8 миллионов слов.

Рассмотрим изменение функциональной нагрузки на глагол *heave* в целом, а также на его регулярную и нерегулярную составляющие. Рассмотрение функциональной нагрузки на регулярную и нерегулярную составляющую заключается в изучении изменения относительной частоты встречаемости форм *heaved* и *hove* соответственно. Заметим, что имеются некоторые устоявшиеся сочетания (например, в значении «издать вздох» обычно употребляется вариант *heaved*; в значении «поднять якорь» — вариант «*hove*»). Также отмечается, что вариант *hove* используется, в основном, в морской терминологии (значения «подтягивать парус», «подтягивать корму», «кренговать», «отдать парус», «выйти из гавани», «ложиться в дрейф», и т.д.) [5, с. 242]. Ниже приведен график изменения функциональной нагрузки на глагол *heave* в целом, а также на его регулярную и нерегулярную составляющие.

Рассмотрим изменение функциональной нагрузки на глагол в целом. Границы носителя функции по шкале годов датируются 1645 [12] и 1998 [10] годами. Соответствующие относительные частоты — 0,000.090.300 и 0,000.027.700. Исследование функции на максимумы показало, что точками экстремумов можно считать 1711 [11], 1802 [7] и 1984 [6] годы. Причем в 1711 году функция достигает своего максимума, который равен 0,000.750.075. Логарифмический тренд свидетельствует о возрастании функциональной нагрузки на глагол на исследуемом интервале. Границы носителя функции, выражающей изменения функциональной нагрузки на регулярную составляющую глагола — 1667 [13] и 1998 [10] годы. Абсолютным максимумом относительной частоты регулярной составляющей является 1911 [8] год. В этой точке она равна 0,000.157.225. Монотонное возрастание логарифмического тренда свидетельствует о возрастании функциональной нагрузки на регулярную составляющую глагола.

Исследование кривой, показывающей изменение функциональной нагрузки на нерегулярную составляющую подтверждает словарные сведения о специфической сфере употребления этой формы глагола. Границы носителя функции охватывают период с 1711 [11] по 1920 [9] год. Логарифмический тренд функции указывает на ее неизменный характер. Своего абсолютного максимума функция достигает в 1711 году (в начальной граничной точке). Абсолютный максимум равен 0,000225023.

Заметим, что соотношение регулярной и нерегулярной составляющих в изученном интервале указывает на то, что

функциональная нагрузка на правильные формы в целом значительно выше, чем на нерегулярную составляющую. В данном случае мы можем наблюдать рост функциональной нагрузки на глагол в целом, сопровождаемый ростом функциональной нагрузки на регулярную составляющую глагола. При этом тенденция развития нерегулярной составляющей указывает на ее неизменный характер.

Рассмотрим положение глагола *heave* в ряду других глаголов. Исследование показало [1], [2], [3], что этот глагол не является высокочастотным. Частота встречаемости глагола не превышает нижней пороговой частоты в 800 раз на 10 млн. словоупотреблений. То есть данный глагол был встречен в нашей выборке из 10 млн. слов менее чем 800 раз.

Обобщая все имеющиеся у нас данные, мы можем сказать, что в целом глагол показывает четкую тенденцию к увеличению функциональной нагрузки на регулярную составляющую глагола, что само по себе говорит о возможности перехода его из категории неправильных в категорию правильных. Однако мы не отрицаем возможности сохранения и варианта *hove* в английском языке.

Этот вариант, безусловно, не является равноправным по сравнению с регулярным вариантом *heaved*. Область его употребления ограничена профессиональной сферой (см. выше), что, с одной стороны, обуславливает низкую частотность употребления варианта, а с другой стороны обеспечивает его сохранение в английском языке. Таким образом, глагол *heave* демонстрирует противоречие выяв-

ленной нами ранее тенденции к переходу низкочастотных английских глаголов из категории неправильных в категорию правильных. Действие количественных факторов в данном случае не является превалирующим, мы имеем

дело с функциональной дивергенцией, которую, в свою очередь, мы можем отнести к качественным факторам, оказывающим не менее важное влияние на английскую глагольную парадигму.

Литература:

1. Глушко М.А. Проблемы прогностики английских неправильных глаголов /М.А. Глушко// Языковая структура и социальная среда: Сб. науч. тр. — Воронеж, 2000. — С. 132—136.
2. Глушко М.А. Изучение механизма перехода английских неправильных глаголов в категорию правильных с позиций квантитативной лингвистики /М.А. Глушко//Степановские чтения. Проблемы вариативности в романских и германских языках, Москва, 24—25 апр. 2001 г.: Тез. Докл. — М., 2001. — С. 159—160.
3. Глушко М.А. К вопросу о количественных исследованиях глагольной парадигмы /М.А. Глушко// Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. науч. тр. — Смоленск, 2001. — С. 81—84.
4. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка/Т.А. Расторгуева. — М.: Высшая школа, 1989. — 158 с.
5. Руссаковский Е.М. Энциклопедия форм английских глаголов. Правила и исключения/ Е.М. Руссаковский. — М.: Престиж; Х. Каравелла, 1998. — 560 с.
6. Adams D. So Long and Thanks for the Fish [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
7. Bannerman A. Tales of Superstition and Chivalry [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
8. Chesterton G.K. The Ballad of the White Horse [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
9. Conrad J. The Rescue [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
10. Jim Wills. Second Coming [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
11. Lurthing T. The Fighting Sailor Turned Peaceable Christian [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
12. Milton J. Comus [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.
13. Milton J. Paradise Lost [Электронный ресурс]/ Project Gutenberg — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/> — Загл. с экрана.

Эколингвистика. Медийный экологический дискурс (на примере казахстанской двуязычной газеты «Экологический курьер»)

Скрипникова Анастасия Ивановна, докторант PhD

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (г. Алма-Ата)

Эколингвистика — одно из современных ответвлений лингвистической науки. Ее праотцами по праву считаются: А. Хауген, впервые применивший понятия экологии к языку; М. Халидей, изучавший взаимодействие языка и окружающей среды; М. Кирквуд, доказавший содержание в языке экологической составляющей; А. Филл, разработавший терминологию эколингвистики. Сейчас в данном направлении работают и отечественные ученые.

Казахстан, как регион, где проживают носители разных языков, представляет большой интерес для эколингвистов. Поясним: среди зарубежных исследователей бытует мнение, что именно через слова, относящиеся

к природе, легче всего познать менталитет народа. Например, если в современном русском языке достаточно много словосочетаний типа: отвоевать место под солнцем, во всеоружии знаний о действиях при землетрясении, война с сорняками, армия насекомых и т.п. — это, по мнению психологов, свидетельствует о том, что носители языка враждебно настроены по отношению к окружающей их среде. Казахский язык (при рассмотрении его в данном ключе) в процессе становления и развития подвергся гораздо меньшей милитаризации. Смысловые аналоги приведенных выше словосочетаний не столь агрессивны и радикальны. Причина — благоприятные кли-

матические условия жизни, которые не вынуждают «воевать» с природой.

Подтверждение того, что отношение к природе передается на уровне генной памяти, находим в работе Кулясовой А.А.: «Культура общества и культурные установки во многом определяют поведение человека, его взаимоотношения с природной средой. Этническая культура сначала определяет отношения между человеком и природой, а потом уже между людьми» [1].

Так как побочной целью эколингвистики является борьба за сохранение лингвистического разнообразия, — Казахстан мог бы стать отправной точкой ее развития. Согласно статистическим данным, самыми распространенными в стране являются: казахский, русский, уйгурский, украинский, немецкий языки. Как пишет исследователь Иванова Е.В.: «В отличие от исторического языкознания, которое изучает влияние одного языка на другой в процессе их развития или индивидуальное развитие языков, экологическая лингвистика занимается исследованием процессов вытеснения или выживания между конкурирующими языками в определённом пространстве, будь то сознание отдельного человека или какое-либо общество» [2]. Это утверждение приобретает особую важность в обществе полиязычном. Сосуществование языков на территории Казахстана, собственно, и вызвало к жизни полиязычные средства массовой информации — газеты, журналы, программы, которые komponуются из материалов на двух и более языках.

Одним из таких СМИ является «Экологический курьер INT» — республиканская общественно-экологическая газета, которая издается в городе Алматы с января 1991 года. Она выходит два раза в месяц на двух языках: русском и казахском. Материалы на казахском языке даны отдельным вкладышем — «Атамекен KZ — экологическая газета на государственном языке». Здесь стоит заострить внимание на том, что знак «kz» — домен верхнего уровня Казахстана, конечный элемент адресов казахстанских Интернет-сайтов, уже давно фигурирует в названии самых разнообразных продуктов и прочно входит в концепт «Казахстан»...

Говоря о силе воздействия масс-медиа, можно привести утверждение Кравченко А.В.: «Можно и нужно говорить о языковой среде, используя экологические понятия и термины: она может быть благоприятной или неблагоприятной, она может подвергаться загрязнению, над ней можно проводить (часто бездумные и опасные) эксперименты, не отдавая себе отчета о возможных последствиях» [3].

Рассмотрим одну из заметок, размещенную в газете «Экологический курьер»: «В целях реализации соглашения в 2008 году в г. Шымкенте за счет средств Президента Объединенных Арабских Эмиратов Шейха Халифа Бен Заед Аль Нахаяна был построен экспериментальный питомник для воспроизводства дрофы-красотки...» Ни один профессионал в области массовых коммуникаций не разместил бы подобный факт в СМИ в «сыром» виде. Как минимум, здесь необходима информация о том, какое в принципе имеет отношение

шейх к городу в южно-казахстанской области, почему он заинтересован и, более того, готов тратить деньги на воспроизводство птиц в чужой стране? Сухие факты должны были послужить поводом к проведению журналистского расследования. Информация, поданная в таком виде, может быть неправильно воспринята рядовыми читателями. Более того, она может вызвать волну недовольств.

Так как в СМИ тексты, так или иначе затрагивающие экологию, публикуются достаточно часто, возникла необходимость в выделении экологического дискурса. В научных кругах принято определение, данное Ивановой Е.В. в 2007 году: «Экологический дискурс представляет собой особый тип дискурса, обусловленный ситуацией общения на экологические темы, в рамках которого выделяются специфические жанры и функционируют специфические метафорические концепты. Медийный экологический дискурс определяется как составная часть экологического дискурса» [4].

В целом экологический медийный дискурс в Республике Казахстан отличается официозностью. Об этом свидетельствуют заголовки газетных материалов: «Гласность государственной экологической экспертизы и доступ населения к принятию решений», «Социально-экономическая модернизация — главный вектор развития Казахстана», «Зеленая» экономика — это успешное социально-экономическое развитие страны, обеспечивающее высокий уровень жизни населения» и т.п. Столь же политизированными являются материалы на казахском языке. В качестве примеров приведем несколько заголовков, отражающих основную идею материала: «Қоғамдық экологиялық кеңес отырысы өтті» (прошло заседание Общественного экологического Совета), «2013 жылы «жасылдар» партиясы құрылмақ» (в 2013 году будет создана партия «зеленых») и т.п.

Авторы материалов на казахском языке зачастую в качестве заголовков используют простые устоявшиеся фразы типа: «Экология — ел тағдыры» (экология — судьба народа), «Орман — ел байлығы» (лес — богатство народа), «Табиғатты аялайық — болашақты ойлайық!» (сохраним природу — подумаем о будущем!) и пр. Озаглавленные подобным образом заметки не пользуются спросом среди читателей. Соответственно, заложенная в текстах информация не достигает своей конечной цели.

Достаточно часто на страницах издания встречаются и аббревиатуры. Например, в статье «Современные методы решения проблем гибели птиц на ЛЭП» расшифровка аббревиатуры ЛЭП — линия электропередач — содержится только внутри самого материала. Причем, графически она никак не выделена. Общеизвестно, что подобного рода сокращения (понятные только узкому кругу специалистов) отпугивают аудиторию.

В книге «Экология культуры» находим следующее высказывание: «Для жизни человека важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» [5]. Сохранить уникальную куль-

турную среду может язык, который всецело отражает малейшие изменения, происходящие внутри ментального поля того или иного народа. Поясним на примере названия постоянной рубрики в «Экологическом курьере». В русском варианте она называется «Проблемы и решения», в казахском — «Проблема және шешім» (проблема и решение), т.е. слова употреблены в единственном числе. Эти заголовки — типичные индикаторы национального менталитета. У казахского народа — одна проблема — одно решение, у русского — проблем много и к каждой проблеме существует множество «ключей». Ментальность проявляется и при выборе определенных наименований. В одном из номеров издания размещена заметка «В Усть-Каменогорске поселилась птица счастья». Птицей счастья автор называет розового фламинго, которого приютили сотрудники Усть-Каменогорского зоопарка. Казахстан не является ареалом естественного обитания этого вида, поэтому употреблять словосочетание «птица счастья» по отношению к фламинго в прессе некорректно. Ни для русского, ни для казахского народа розовые фламинго не являются символом счастья. Здесь можно наблюдать отрыв от традиций, и попытку вестернизации языка.

По мнению Кислицыной Н.Н., экологический подход к языку предполагает трактовку последнего как неотъемлемого компонента целой цепи взаимоотношений, существующих между человеком, обществом и природой. Соответственно, одним из важнейших критериев экологичности и неэкологичности языковых единиц является соотносимость с антропоцентризмом [6]. На наш взгляд, можно говорить и о «загрязнении» языка. Речь может идти не только о неоправданных заимствованиях, но и о логических, стилистических, орфографических ошибках.

Для филологов и лингвистов интересным будет материал, опубликованный в №5 (479) от 15 марта 2012 г. «Нимфейник щитолестный обитают Сырдарьи». Дословно приведем одно из предложений: *На сегодняшний день одной из наиболее актуальных вопросов в стране является спасение Арала. В связи с чем была Кок-Аральская плотина и гидросооружение Аклак*. Это типичный пример некачественного машинного перевода. Изначально данная статья была написана на казахском языке (в языке отсутствуют категории рода), а затем с помощью компьютерных он-лайн программ переведена на русский язык. Отсюда — огромное количество ошибок: несогласование времен, неправильные окончания у прилагательных, нарушение смысловой структуры предложений и т.д. На русском языке прочесть и адекватно воспринять эту статью невозможно. После процедуры машинного перевода все журналистские материалы должны обрабатываться пост-редактором.

В №2 (500) от 31 января 2013 года в рубрике «Событие» размещена статья профессора М.Е. Бельгибаева «2013 — Год экологической культуры и охраны окружающей среды». Во введении автор сообщает о том, что был создан Межгосударственный экологический Совет государств — участников СНГ для координации действий

в области экологии и охраны окружающей среды. Далее он пишет: «*Эта актуальная экологическая проблема необходима не только для Казахстана и СНГ, но и для всего мирового сообщества*». Из предложения можно сделать логическое заключение, что экологические проблемы просто необходимы Казахстану!

В том же номере содержится материал «Отходы и проблемы ее утилизации», причем, что конкретно (женского рода!) собираются утилизировать, так и осталось загадкой. Здесь же следующий материал «Проблема Березовки прозвучала в стенах ООН». В заголовке явно не хватает слова — как вариант более правильного написания — проблема Березовки прозвучала в стенах офиса ООН.

В №1 (499) от 15 января 2013 г. на обложке размещено обращение (поздравление с Новым годом) к читателям от лица редакции. Приведем одно из предложений: «*Желаем счастья Вам и Вашим детям в этой замечательной стране, которая стала для нас вторым домом...*» Если учесть, что издание является казахстанским, то есть работают в нем казахстанцы, и соответственно, покупают и читают его тоже граждане Казахстана, то наименование «второй дом» здесь употреблено некорректно.

Огромное количество ошибок на страницах газеты — свидетельство того, что уровень грамотности работающих в издании журналистов оставляет желать лучшего. Вопросы экологии не являются на данный момент приоритетными для решения, отсюда остаточное внимание, нежелание лучших журналистов страны писать на данную тематику. Как следствие — наислабейший экологический дискурс. Отсутствие журналистов вынуждает редакцию идти на крайние меры для того, чтобы замостить чем-то газетные полосы. Например, на повтор одного и того же абзаца дважды или трижды. В №4 (502) от 28 февраля 2013 г. в рубрике «Официально» в статье «*Балхаш может обмелеть почти на 90 процентов*» отрывок «*В настоящее время Китай и Узбекистан являются основными поставщиками водных ресурсов в нашу страну. Но есть ожидание, что спрос на воду в этих странах резко возрастет к 2030 году, что создаст значительные риски для водоснабжения Казахстана*» повторен слово в слово дважды. Причем, вначале он оформлен как прямая речь советника Министра охраны окружающей среды Айнура Куатовой, а затем как мысль автора статьи.

Для иностранных читателей материалы «Экологического курьера» не представляют какой-либо ценности. Причин тому несколько. Одна из самых распространенных — ошибки журналистов. В материале «*Казахстанские экологи хотят запретить рыбалку*» сказано: «*Особенно острая ситуация возникла на реках и озерах вблизи крупных городов: на Балхаше, Зайсане и Алаколе*». Тому, кто не знаком с географией Казахстана сложно будет определить, к чему относятся перечисленные географические названия. Это либо крупные города, либо реки и озера.

В целом, казахоязычные материалы более информативны именно за счет названий географических объ-

ектов. В Казахстане существует Барсакельмесский государственный природный заповедник, расположенный на острове Барсакельмес. Дословно с казахского языка «барсакельмес» переводится как «если пойдешь — то не вернешься» — «барса — келмес». Те, кто владеет казахским языком, уже имеют представление, что речь пойдет о непроходимых территориях. Название озера Жасылколь также не переводится на русский язык. Хотя даже дословный перевод мог бы многое прояснить (жасыл — зеленый, көл — озеро; жасылкөл — зеленое озеро). Каратау — черная гора и т.п.

Отметим также, что использование глагола «защищать» в казахо- и русскоязычных материалах различается. В русскоязычном дискурсе данный глагол носит значение — не совершать какое-либо действие (не сорить, не выбрасывать, не срубать елку и т.п.) во имя сохранения природы. В казахоязычных текстах глагол «защищать» чаще имеет значение «предотвращать последствия тех или иных действий».

Литература:

1. Кулясова А.А. Пример этноэкологического подхода в обучении // О-Мега форум. III международный полярный год. СПб.: РГТМУ, 2008. С. 195–197.
2. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколлингвистики. Прагматический аспект коммуникативной лингвистики и стилистики: сборник научных трудов. — Челябинск: Образование, 2007. — С. 41–47.
3. Кравченко А.В. Бытие человека и экология языка. Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Материалы 10-й международной научно-практической конференции. — Иркутск, 2005. — С. 59–63.
4. Иванова Е.В. Метафорическое моделирование в медийном экологическом дискурсе // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы. — Волгоград, 2009.
5. Лихачев Д.С. Экология культуры. Прошлое — будущему. М.: Наука, 1985.
6. Кислицына Н.Н. Эколлингвистика — новое направление в языкознании. <http://ecolinguistics.ru/index.php?sel=mat&id=32>.

Редко можно встретить на страницах «Экологического курьера» метафоры, которые, по мнению российских исследователей, как нельзя лучше вписываются в медийный экологический дискурс. Хотя, игра слов — излюбленный журналистский прием, лишь в №2 (246) от 31 января 2012 года находим пример: *«Геннадий Дукравец: Гидробиологию надо выводить на чистую воду...»*. Пример из вкладки «Атамекен KZ» №3 (144) от 15 января 2012 г. — «Ұлу жылы — ұлы болсын!» (да будет великим наступающий год Улитки (дракона)!). Данная фраза построена на сходности по звучанию двух слов: «ұлу» — «улитка» и «ұлы» — «великий». Либо «Көктемнің сәні — құс әні» (красота весны — песнь птицы). Здесь противопоставлены слова «сәні» — «красота» и «әні» — «песня».

Подводя небольшой итог, можно сделать вывод о том, что выпуск экологической газеты на двух языках неоправдан из-за значительной разницы в менталитете носителей языков, а экологический дискурс в республике развит слабо.

Специфика внешних семантических связей адвербиальных фразеологизмов

Сукиасян Елена Александровна, преподаватель русского языка и литературы

Краснодарское президентское кадетское училище

Интерпретация фраземы (фразеологической единицы) как сверхсловного образования, состоящего из двух и более элементов, предполагает рассмотрение ее синтагматики в двух аспектах: 1) в аспекте *внутренней* синтагматики (рассмотрение взаимоотношений составляющих единицу элементов) и 2) в аспекте *внешней* синтагматики (рассмотрение взаимоотношений фразеологизма с лексическим окружением). Под синтагматикой при этом понимаются отношения, возникающие между последовательно расположенными языковыми знаками «при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» (Кубрякова, 1990: 447). Заметим только, что в отличие от единиц иных уровней языковой системы (фонем, морфем, лексем), фраземы в потоке речи или в

тексте сочетаются не друг с другом, а с лексическими единицами, что позволяет говорить о межуровневом характере синтагматики фразем.

Характер связи фраземы с лексическим окружением, зависящий как от формальных, так и семантических характеристик сочетающихся элементов, может с течением времени изменяться, причем по разным параметрам: по степени идиоматичности, широте лексической и грамматической сочетаемости и др. Продемонстрируем это на примере адвербиальных (наречных) фразем разной структуры.

А) Адвербиальные фраземы, структурно соотносимые с предложно-падежными формами существительных и прилагательных, обычно встречаются со строго определенными глаголами (глаголами-сопроводителями, по тер-

минологии В.П. Жукова): *без оглядки бежать, в ногу шагать, на убой кормить, из-под палки работать, в открытую говорить* и т.п.

Особенностью этого разряда адвербиальных фразем является отмеченное А.А. Пасечник совмещение признаков слова (одно основное ударение, моделируемость грамматической структуры, закреплённость синтаксической функции) и признаков фразеологизма (постоянство компонентного состава, воспроизводимость, семантическая целостность, раздельнооформленность, экспрессивно-оценочные коннотации) (Пасечник, 2005: 6). Формирование этого типа фразем происходит на основе лексико-грамматической транспозиции, приводящей к отрыву предложно-падежной формы от исходной именной парадигмы и включению ее в разряд неизменяемых форм, выполняющих синтаксическую функцию обстоятельства — определителя глагольного действия. При этом новый грамматический статус и новую семантику предложно-падежные формы обретают в сочетании с фиксированным глагольным окружением, причем семантика глаголов не подвергается переосмыслению, в то время как фразема семантически зависима от лексического контекста. Например, фразема *без памяти*¹ реализует значение «стремительно, молниеносно» в сочетании с глаголами движения *нестись, бежать, лететь, мчаться* и т.п. Омонимичная ей фразема *без памяти*² обнаруживает значение «очень сильно, до самозабвения» в сочетании с глаголом *любить*. Ср.: *Витя всегда был чрезмерно «рациональным» человеком, от него трудно дожидаться проявления чувств. Но вот когда он влюбился в Верочку, на свидания без памяти летел.* (Т. Панина. Летние каникулы). *Отец казался мне всегда до того жалким, до того терпящим гонения, до того задавленным, до того страдальцем, что для меня было страшным, неестественным делом не любить его без памяти.* (Ф. Достоевский. Неточка Незванова).

Адвербиальные фраземы этого типа могут выполнять в предложении не только обстоятельственную, но и предикативную функцию, что также определяется глаголом-сопроводителем, точнее, его семантической «размытостью»: глаголы типа *быть, находиться, делать* и т.п. выступают в роли связки, а фразема выполняет роль именной части сказуемого: *Управление веткой находилось в Колиных руках в аппаратной вокзала* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Связи между конкретным фразеологизмом и его глаголами-сопроводителями односторонне несвободны: глагол семантически и грамматически независим, в то время как и грамматическая форма, и семантика фраземы «управляется» глаголом. Изменение характера связи, т.е. утрата односторонности и появление у сочетания «предложно-падежная форма + глагол» нерасчлененной семантики, свидетельствует о том, что такое сочетание представляет собой глагольный фразеологизм, в предложении выполняющий роль сказуемого. Ср. адвербиальный фразеологизм *в ногу* (с глагольным окружением *идти, шагать,*

маршировать с кем?) в значении «в такт, одновременно с другими ступая то левой, то правой ногой» и глагольный фразеологизм *идти / шагать в ногу с кем?* в значении «соответствовать чему-либо (моде, времени и др.).»

Б) Адвербиальные фразеологизмы, соотносимые со сравнительным оборотом, представляют собой объектную часть логической формулы сравнения «субъект сравнения — основание сравнения — объект сравнения» (*дождь льет как из ведра*) и обнаруживают разную степень зависимости от других компонентов этой формулы. Как отмечает Л.А. Лебедева, семантические связи между адвербиальной фраземой со структурой сравнительного оборота и словом, называющим основание сравнения, односторонне несвободны, но не приводящие к идиоматизации всего сочетания, то есть к появлению у него целостного значения, не выводимого из значений компонентов (Лебедева, 1999: 15–16). Глаголы или прилагательные, входящие в обязательное лексическое окружение такой адвербиальной фраземы, семантически достаточны и без последующего сравнительного оборота, в то время как сравнительный оборот становится семантически неопределенным вне связи со словом-сопроводителем. Ср., например, разное семантическое наполнение оборота *как сыч* в сочетании с глаголами *жить* «о нелюдимом человеке, живущем одиноко», *смотреть, уставиться* «пристально, недоброжелательно», *надуться* «о человеке, выражающем своим видом обиду, недовольство», *сидеть, стоять* «неподвижно, с недовольным видом».

Внешние семантические связи фраземы со структурой сравнительного оборота могут быть в разной степени широкими. Например, оборот *как манны небесной* обычно встречается с единственно возможным глаголом — *ждать*, например: — *Видели Екатерину Денисовну? Они вас ждали как манны небесной.* (И. Тургенев. Льгов). *Бывает, что передышки ждешь как манны небесной, такие активные ребята попадают...* (Т. Устинова. Родня по крови). Ср. также: *как две капли воды похожи, как дурак с писаной торбой носиться, как курица лапой писать, как крысы с тонущего корабля бежать, как в море корабли разойтись* и др. Оборот *как на Маланьину свадьбу* употребляется в сочетаниях с глаголами одного семантического ряда — *напечь, наварить, приготовить* (о еде). Ср. также: *как зеницу ока беречь, хранить; как заяц дрожать, бояться, трусить; как банный лист пристать, прилипнуть, привязаться к кому-либо; как волчок вертеться, виться, крутиться* и т.п. Другие устойчивые сравнительные обороты встречаются в сочетаниях со словами разных семантических рядов, что позволяет говорить об омонимичных фраземах: *как кошка видеть* (в темноте, ночью); *как кошка живучий; как кошка красться, ходить; как кошка влюбиться, быть влюбленным; как кошка вцепиться в кого-, во что-либо.*

Некоторые устойчивые сравнительные обороты в сочетании с глаголом-сопроводителем подверглись вторичной

метафоризации, т.е. семантическому переосмыслению, и перешли в разряд глагольных фразем: **вертеться как белка в колесе** «быть в постоянных хлопотах, заниматься множеством разных дел, суетиться», **сидеть как рак на мели** «оказаться в затруднительном положении», **обдирать как липку** «отнимать все дочиста у кого-либо, грабить» и т.п.

Представленные выше наблюдения являются, на наш взгляд, достаточно убедительным подтверждением следу-

ющего вывода О.И. Авдеевой: «исследование синтагматических отношений фразем позволяет не только выявить системный характер строения фразеологического уровня языка, но и более глубоко изучить особенности фраземы как языкового знака» (Авдеева 2009). Добавим к этому: исследование характера синтагматических отношений позволяет также последовательно решать вопрос о границах (компонентном составе) фраземы, что имеет важное значение для лексикографической практики.

Литература:

1. Авдеева О.И. Структурно-грамматический аспект синтагматических отношений адъективных фразем русского языка // pedfak.adygnet.ru/files/Avdeeva2009_1
2. Кубрякова Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: «Советская энциклопедия», 1990. — С. 447–448.
3. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеогрфии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Краснодар, 1999. — 34 с.
4. Пасечник А.А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2005. — 20 с.

Трансформированные фразеологизмы и авторские афоризмы в поэтических произведениях Дмитрия Павлычко

Тележкина Олеся Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный фармацевтический университет (г. Харьков, Украина)

The article deals with the question of phraseology functioning in the poetic works of D. Pavlychko. The author comes to conclusion that phraseological units used in poetry of D. Pavlychko are a part of phraseology of modern Ukrainian language, since the matter concerns both the poet's use of existent PhU and active creation of new variants of phraseological combinations that can be used by all native speakers as they have generalized character and are freely perceived out of the text where they functioned as figurative expressive units.

Key words: poetic language, constituent of phraseological system of Ukrainian language, transformed phraseological unit, transformation methods, gnomic neologisms.

Фразеологизмы — это образные средства выразительности, которые проявляют свой эстетический потенциал в языке поэзии. А язык поэзии, по мнению С.Я. Ермоленко, определяется «как язык художественной литературы с ее определяющей эстетической функцией и как система выразительных средств языка, ориентированных на достижение стилистического эффекта необычного употребления выражения и эстетизации общезыкового словаря» [14, с. 131]. Одним из компонентов поэтической речи является фразеология произведений художественной литературы. Вопрос функционирования фразеологизмов в поэтических и прозаических произведениях, в частности, изучали Г. Алиомарова [1], И. Басенко [2], В. Биценцова [3], Е.В. Блинова [4], О. Дергилева [5], В. Калашник [6], Е. Кривецкая [7], В. Папиш [13], Л. Шестакова [16]. Проблема функционирования фразеологических единиц в поэтических произведениях Д. Павлычко и проблема анализа

их влияния на формирование фразеологической системы украинского языка до сих пор не были изучены должным образом в украинской лингвистике, однако исследовать их необходимо. Это и подтверждает актуальность решения данной лингвостилистической проблемы.

Цель настоящей статьи — определить уровень активности употребления и образования окказиональных устойчивых словосочетаний в поэтических произведениях Д. Павлычко. В связи с этим необходимо выполнить следующие задачи: описать разновидности преобразований узуальных фразеологизмов в поэзии Д. Павлычко; проанализировать литературные цитаты, трансформированные в произведениях поэта, а также использованные в неизменном виде; охарактеризовать авторские афористические образования.

Поэтическая речь, как считает В.С. Калашник [6, с. 16, 19], не только использует все готовые словесные ресурсы

литературного языка в их эстетической направленности, но и формирует структуры фразеологического и афористического уровня. Ученый указывает на то, что особенности индивидуально-авторских трансформаций в сфере фразеологии определяются общим характером языковых изменений, обусловленных языковой свободой говорящего и коммуникативно-экспрессивной направленностью речи. Художественные трансформации узуальных фразеологизмов способствуют появлению новых вариантов устойчивых словосочетаний, что свидетельствует о развитии словесно-образной системы языка. Творчески переосмысленные, фразеологизмы в видоизмененной форме создают новые эмоциональные и экспрессивные оттенки, в результате чего поэтическое произведение становится стилистически более выразительным.

Как показали наблюдения, Д. Павлычко активно использует следующие способы видоизменения узуальных фразеологизмов:

1) расширение ФЕ путем добавления новых компонентов:

а) *Забули пісню. Все в порядку.
Про хатку дбали та про грядку.
І душі вам відформував*

Змієподібний ріг достатку [10, с. 215] — в языке распространен фразеологизм *ріг достатку*; добавление прилагательного *змієподібний* указывает, как видно из контекста, на вероятный способ обогащения — пресмыкание и лизоблюдство;

б) *Та, коли з'явився звір,
Вмент пиха зухвала
Спала з короля, і він*

Дав швиденько драла [11, с. 398] — в словаре зафиксирована ФЕ *давати драла* [6: 205] со значением «быстро убежать»; дополнение фразеологизма наречием *швиденько* усиливает проявление семантики этого сочетания;

в) *Я вас люблю великою любов'ю,
Бо добре знаю вашу міць і твердь,
Бо знаю, що за правду ви готові*

Самі піти на муки і на смерть [9: 24] — в словаре зафиксирован фразеологизм *іти / піти на смерть* [6: 355] со значением «отдать жизнь, умереть»; введенное в словосочетание существительное *на муки* подчеркивает горечь переживаний лирического героя;

*Ти на стежці стоїш за крок від безодні,
Де при світлі не став би — дрижали б коліна.*

Фіміам тобі курять кадила бензойні,

Та немає в них пахоців рідного сіна [10, с. 62] — в устойчивое выражение *курити фіміам* поэт вводит дополнительные компоненты, делает его «современным» и этим достигает яркого проявления ирони и горечи от осознания того, что происходит;

2) замена компонента ФЕ для большей выразительности звучания:

а) *Я йду до хана і щокрок*

Лягати мушу ниць... [10, с. 17] — в словаре зафиксировано *падати / впасти на коліна (навколишки,*

ниць) [15, с. 602] со значением «покоряться кому-либо»; замена глагола *падати* на глагол *лягати*, как видно из контекста (подданный вынужден унижаться перед ханом), еще больше подчеркивает, какому унижению подвергается тот, кому это приходится делать;

б) *Тут владар Азії сидів,*

І золото, й срібл

З далеких і близьких світів

До ніг йому текло [10, с. 17] — в словаре зафиксирован вариант *пливти (іти, текти) / припливти до рук (у руки)* со значением «легко, без трудностей доставаться кому-либо» [15, с. 647]; замена *руки* — *ноги* способствует созданию более острого впечатления от осознания унижений подданных (см. предыдущий пример) и подчеркивает величие правителя (потому что падали к ногам величественного императора);

в) *І біля нього ставлю я своє*

Правдиве слово й сам встаю в глаголі,

Бо раб, що власне рабство пізнає,

Уже не раб, а пан своєї долі [10, с. 14] — в словаре зафиксирован фразеологизм *господар (пан) становища*; замена существительного *становище* словосочетанием *своя доля* позволяет расширить исходное значение ФЕ «тот, кто может управлять чем-либо на свое усмотрение» до «тот, кто сам определяет ход событий в своей жизни» (в произведении поэт повествует о рабе, который осознал свое рабское положение и стремится на волю);

3) модально-оценочное дополнение вводными словами:

а) *Задумався монгол, сів до книжок*

І вивчив, як то кажуть, назубок

Молитву [10, с. 12] — распространенный в языке фразеологизм *вивчити назубок* автор дополняет вставной конструкцией *як то кажуть*, которая, вероятно, указывает на источник информации;

подобный вариант дополнения встречается и в отрывке

*Бо не для мене був той пишний цвіт,
Обсипались на інших пелюсточки...
Але не скаржусь, що на білий світ*

Я народивсь, як кажуть, без сорочки [9, с. 146] — в словаре зафиксирован вариант *народитися без сорочки* [15, с. 533];

4) сокращение компонентного состава ФЕ:

Меч у груди застромив

Батькові владика.

Мати вмерла від жалю,

А Василько — в люди [8, с. 398] — в этом случае наблюдается усечение фразеологизма *піти в люди*, и это, в свою очередь, делает выражение еще более драматичным;

5) одновременная синонимичная замена компонента и нарушение принятого порядка компонентов вследствие их перестановки:

Теля покірне дві корови ссе.

Та це в життя науці ще не все:

Вгодованих бичків беруть на бойню.

Худіших доля на лужках пасе [11, с. 208] — в языке функционирует ФЕ *покірне телятко двох мамок ссе*;

предложенный поэтом вариант видоизменения устойчивого выражения усиливает его выразительность;

б) полное изменение семантики:

а) вследствие влияния диалекта и адаптации ФЕ к контексту:

Грїб горбатим не pomoже!

У кубловиську гниїм

Панська Польща сниться їм

Ще й od torza i do torza [9, с. 347] — в языке используется ФЕ *горбатого могила виправить*;

б) вследствие адаптации ФЕ к тексту произведения:

На володаря тоді

Сказь напала дика.

Меч у груди застромив

Батькові владика.

Мати вмерла від жалю,

А Василько — в люди.

Думав, що свою біду

Вже не перебуде.

Залишилися йому

Туга і сопїлка.

В полонину їх узав,

Де трудивсь, як бджїлка [8, с. 398] — в языке зафиксирован фразеологизм *перебути біду*; введение в его состав частицы *не* и как следствие — возникновение противоположного значения, — а также усилительной частицы *вже* помогают автору выразить весь драматизм ситуации, сложившейся в жизни маленького мальчика.

Как показал анализ, в своих произведениях Д. Павлычко активно использует и литературные цитаты афористического характера, которые поэт вводит в стихотворный текст для усиления эффекта восприятия прочитанного:

1) в неизменном виде: например, фраза из Библии в произведении, посвященном Марии Заньковецкой:

Безмежні ниви, чорні і студені,

Та з них вона, мов сонце навесні,

Видобувала кільчики ясні —

Пломіння людськості, що землю грїє, —

Благословенна ти в жонах, Маріє! [9, с. 318];

2) творчески их переосмысливает, придает им оттенок личного восприятия и нового авторского звучания:

а) созвучие с произведением Т.Г. Шевченко:

Але не скажуть автомати, —

Їх не цікавить взагалі, —

Чи буде син, чи буде мати,

Чи будуть люди на землі?!! [12, с. 49];

Ти й сам хотів би бути в жертві,

Дволику приховавши суть,

Та вже встать живі і мертві,

І ненароджені встать [10, с. 77];

Я сам від себе відрікаюсь,

Бо серце сточує страма,

Сльозами злими обпікаюсь,

Караюсь, мучусь і каюсь

В провинах тих, яких нема! [10, с. 99];

б) продолжение мотива И. Франко:

Ні, я не буду плакати! Я родом

З тих, що лунають скелю кам'яну;

З моїм народом і з Твоїм народом

Я буду руйнувати ту стіну [10, с. 51].

Кроме этого, для усиления эмоционального звучания произведения поэт создает выражения, которые по своему смыслу могут приравняться к афоризмам, поскольку в них подняты вечные философские вопросы:

а) *Молюсь до Тебе, Пане Боже,*

Дай нам оточення вороже —

Бо не згуртує нас любов,

Якщо ненависть не pomoже [10, с. 294];

б) *А я скажу вам правду, холуї:*

Ненависть краще, ніж любов фальшива! [10, с. 76];

Вождів багато — рядових нема [10, с. 85];

в) ***На цьому світі двічі ми живем,***

До смерті — раз, а вдруге — як помрем.

Нести могильний камінь легше тому,

Хто звик трудитися під тягарем [10, с. 295].

Все изложенное доказывает, что фразеологические единицы, использованные в поэтических произведениях Д. Павлычко с целью художественного воспроизведения явлений, событий и лиц, представляют собой не только образно-выразительные единицы в рамках художественного произведения, но и расширяют диапазон своего функционирования и могут свободно восприниматься вне текста-источника, поскольку носят обобщенный характер и могут использоваться всеми носителями языка. Это, в свою очередь, подтверждает мысль о том, что фразеологизмы поэтической речи Д. Павлычко являются «строительным» материалом для развития фразеологической системы украинского языка.

Продолжением начатого исследования может быть более детальный анализ трансформированных фразеологизмов и определение их функций, а также авторских афористических новообразований, что позволит сделать определенные выводы о вкладе Д. Павлычко в развитие поэтического языка.

Литература:

1. Алиомарова Г.И. Трансформированная фразеология как текстообразующий элемент единого целого (на материале художественной деревенской прозы): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Г. И. Алиомарова. — Махачкала, 2003. — 22 с.
2. Басенко И.М. Контекстуальные преобразования фразеологических единиц: лингвопрагматические характеристики (на материале англоязычной художественной прозы) автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / И. М. Басенко. — Краснодар, 2011. — 20 с.

3. Биценцова В. Фразеологические единицы русского языка в их системных отношениях (на материале трилогии К. Симонова «Живые и мертвые»): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 /В. Биценцова. — Воронеж, 1987. — 18 с.
4. Блинова Е.В. Окказиональное отфразеологическое слово- и фразеотворчество в художественном тексте: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» /Е. В. Блинова. — Кострома, 2005. — 20 с.
5. Дергилева О.С. Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц (на материале художественных произведений М.А. Булгакова): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» /О. С. Дергилева. — М., 2009. — 20 с.
6. Калашник В.С. Українська поетична фразеологія і афористика поетичної мови повоєнного періоду: Семантико-типологічний аспект: Автореферат дис... докт. філол. наук 10.02.02 /В. С. Калашник. — Дніпропетровськ, 1992. — 40 с.
7. Кривецкая Е.С. Окказиональная фразеологическая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» /Е. С. Кривецкая. — Ставрополь, 2006. — 18 с.
8. Павличко Д. Вибрані твори у 2 томах /Д. Павличко. — К.: Дніпро, 1979. — Т. 2. — 480 с. — (Першотвір).
9. Павличко Д. Вибрані твори у 2 томах /Д. Павличко. — К.: Дніпро, 1979. — Т. 1. — 520 с. — (Першотвір).
10. Павличко Д. Покаянні псалми /Д. В. Павличко. — К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2009. — 880 с. — (Першотвір).
11. Павличко Д. Рубаї /Д. Павличко. — К.: Видавництво ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1987. — 248 с. — (Першотвір).
12. Павличко Д. Три строфи /Д. Павличко. — К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2007. — 128 с. — (Першотвір).
13. Папіш В.А. Семантико-функціональна природа фразеологізмів у художній прозі закарпатоукраїнських письменників (40—90 рр. XX ст.): Автореферат дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 /В. А. Папіш. — Ужгород, 2004. — 21 с.
14. Українська мова: Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / С.Я. Єрмоленко, С.П. Биби́к, О.Г. Тодор. — К.: Либідь, 2001. — 224 с.
15. Фразеологічний словник української мови: У двох книгах. — К.: Наукова думка, 1999. — Кн. 1. — С. 1—528; Кн. 2. — С. 529—982.
16. Шестакова Л.Л. Лексика и фразеология, связанная с темой поэзии, в русской стихотворной речи II половины XVIII—XIX вв.: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 /Л. Л. Шестакова. — М., 1980. — 26 с.

Дискурсная система и её структура

Тоирова Гули Ибрагимовна, соискатель
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

В статье на методологической основе многоаспектности системы рассматриваются структура дискурсной системы, ее отличия от структуральной (парадигматической) системы.

Ключевые слова: Система/микросистема, дискурс/речевое общение, дискурсная система, элементы дискурсной системы, соотношение парадигматической и дискурсной систем, структура дискурсной системы.

In the article on the methodological basis many aspect systems are considered structure discourse systems, its differences from paradigmatic system.

Key words: discourse, pragmatics, pragmatic situational system, lexical verbal means, lexical non-verbal means, symmetry and asymmetry in component parts of discourse.

О системе, по системологии начиная с работ «Всеобщая организационная наука (тектология)» Александра Богданова (1913 г.), «Курса общей лингвистики» Фердинанда Соссюра (1916, русский перевод 1933) и «Всеобщей теории системы» Людвиг Берталанди (1957, русский перевод 1969) до сих пор написано столько, что

лишь перечень монографий, сборников, научной периодики по данному вопросу составил бы многотомный фолиант. Несмотря на это дискурсии вокруг толкования системы не прекращаются и поныне, что связано, естественно, с разнообразностью и многоаспектностью данного общего научного понятия почти всех наук; каждая

Таблица 1

Некоторые различия между парадигматической и дискурсной системами

Параметры	В парадигматической системе	В дискурсной системе
<i>Природа системы</i>	Ассоциативная	Ситуативная
<i>Временная и локальная соотнесенность</i>	Анохронная, несоотнесенная с определенными временем и пространством	Мгновенная, локализованная, реализующая в определенном месте и времени
<i>Непосредственные составляющие</i>	Виды одного рода, гомогенные, асимметричные	Одно (близко)значные единицы разных парадигм, гетерогенные, симметричные
<i>Взаимоотношения между непосредственными составляющими</i>	Видовые различия одного рода, оппозитивные	Взаимодополнение и повторение одинаковой информации единицами разных парадигм
<i>Единовременная и совместная реализация непосредственных составляющих</i>	Несовместимая, невозможная	Обязательная и совместимая

отрасль знания понимает систему по-своему, сохраняя в ней то общее что:

- система целостна и устойчива,
- она сложна и состоит из различных составных частей (элементов),
- составные части внутри системы связаны постоянными, устойчивыми отношениями,
- при определении сущности элемента в пределах системы внутрисистемные отношения более весомы и значимы, чем материальная сторона данного элемента.

Этим, пожалуй, исчерпывается общее между пониманием системы в различных отраслях науки и начинается почти бесконечная цепочка различий системы одной отрасли от таковой другой. Даже в пределах одной науки, например в лингвистике, историческое или генеалогическое понимание системы существенно отличается от ее структуральной интерпретации.

В последнюю четверть прошлого столетия усилилось внимание к исследованию дискурса — процесса речевого общения, реализации собственно речевой (лингвистической) единицы в сопровождении многочисленных нелингвистических единиц — как особой системы. Достаточно упомянуть работы П. Грайса [Грайс, 1985, — С. 217–237], Т.А. Дейка [Дейк, 1989, — 311 с.], Дж.Р. Серла [Серль, 1986, — С. 151–169], Д. Франка [Франк, 1989, — с. 363–373] и многих других. Прагматическая, дискурсная система (каждый определенный этап, ступень речевого общения) и ее единицы существенно отличаются от таковых структуральной лингвистики. Наиболее существенные отличия между дискурсной (прагматической) и парадигматической (структуральной, структуралистической, лингвистической, собственно языковой в сосюрсовском понимании) системами (микросистемами) можно показать в таблице 1.

Если ядро парадигматической микросистемы составляют, как правило, нулевая — безпризнаковая, а окружения данного ядра — признаковые единицы грамматической/ лексической категории [Якобсон, 1973. с. 384–387], то ядро прагматической дискурсной микросистемы составляет, как правило, вербальная (речевая лингвистическая) единица, как ближайшее окружение данного ядра выступают невербальные (т.н. паралингвистические) информативные единицы (жесты, различные состояния и движения частей тела коммуникантов), а последующие окружения образуются — поэтапно — единицами многочисленных внешних факторов — спецификой культурных, этнических, национальных, регионально-территориальных, религиозных, гендерных, возрастных, профессиональных и др. онтологических атрибутов коммуникантов, релевантных в процессе дискурса, а также условиями, средствами, ритуалами и др. особенностями самого процесса общения. Обобщенную структуру дискурсной микросистемы графически можно показать как (Рис 1):

Структурные элементы дискурсной микросистемы информативно, как правило, являются симметричными и дополняют, как бы «украшают», друг друга. Поэтому импликация одного из компонентов (даже вербальной языковой единицы) легко восполняется другими элементами (как, например, при приветствии соответствующий жест, состояния и движения руки, глаз и туловище, вид лица могут заменить экспликацию междометия «Здравствуйте»). Случаи информативной асимметрии в составных частях дискурсной системы (например, приветствие на чисто русском языке человека, одетого совершенно по-восточному) всегда имеют определенную цель и коннотацию, эмоциональную (положительную/отрицательную) окраску.

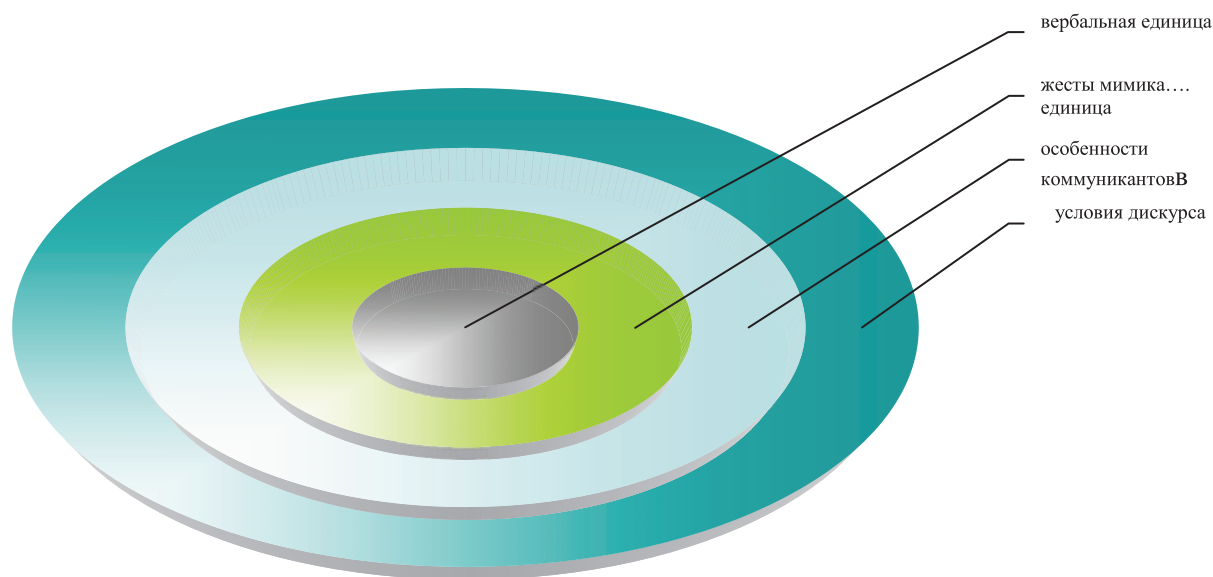

Рис. 1. Структура дискурсной микросистемы

Литература:

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистики. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217—237.
2. Дейк Т.А.Ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 311 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. гл. ред. В.И.Ярцева. М.: СЭ, 1990. — 685 с.
4. Сафаров Шахриёр. Система речевого общения: Универсальное и этноспецифическое. Самарканд. Сам. отд. Изд-ва им. Гафура Гуляма. 1991.
5. Сафаров Ш., Тоирова Г. Нуткнинг этносоциопрагматик таҳлил асослари. Ўқув қўлланма. — Самарканд, 2007. — 40 б.
6. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной литературе. — М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. — С. 151—169.
7. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1989. — с. 363—373.
8. Якобсон Р.О. Круговорот лингвистических терминов. // В сб. «Фонетика. Фонология. Грамматика — к семидесятилетию А.А.Реформатского. М.Наука. 1973. — с. 384—387.

Контраст как механизм создания концовки в композиции английской народной сказки

Цветкова Анна Николаевна, старший преподаватель
Вологодский государственный педагогический университет

Термин «концовка» применяется в учении о композиции, обозначая теми или иными способами выделенный завершающий компонент произведения, образующий композиционную параллель к зачину. В теории текста концовка рассматривается как предельный сегмент развертывания повествования, в котором, как правило, можно наблюдать относительное завершение сюжетной линии произведения и своего рода аккумуляцию эмоциональной оценки и главной идеи автора [1, с. 24].

Рассмотрение данного элемента композиции в структуре текста английской народной сказки в рамках теории диктменного строения текста, выдвинутой М.Я. Блохом [2, с. 58], позволит выявить систему смысловых взаимоотношений языковых единиц различного уровня, формирующих сюжетное противопоставление в рамках текстов данного жанра при помощи подтекста. Традиционное восприятие сказочных сюжетов сформировано у читателя благодаря особенной форме изложения текстов данного

жанра, формы, которая, в свою очередь, влияет на емкость и глубину языка текста, т.е. содержания. М.Я. Блох рассматривает диктему в качестве элементарной единицы языка, реализующей четыре его основные функции — тематизирующую, стилизующую, номинативную, предикативную. Семантика контраста затрагивает все эти функции. Например: «When they got there, everyone was horror-struck to see what had happened to Ann. Gone were her lovely gold tresses, her dark eyes, and rosy cheeks — instead, how silly she looked with her grey sheep's face surrounded by woolly fleeces». (The Two Princesses) [3, с.48] Семантический механизм образности в контексте контраста основан на актуализации разных семантических признаков слова. Выразительное противопоставление в данном отрезке текста базируется на лексических маркерах контраста — «her lovely gold tresses, her dark eyes, and rosy cheeks» / «her grey sheep's face surrounded by woolly fleeces», представленных в тексте антонимичными словосочетаниями; подчеркнуто симметричным расположением в синтаксической структуре, усилено графически (знак тире). Благодаря такой организации языковых знаков в тексте противопоставляются два импрессивных образа: «до» и «после» волшебного превращения, традиционного для сказочного сюжета. Повторяемость образов сказки является одной из ее характерных жанровых черт, позволяющих достигать коммуникативной направленности текста в целом. Совокупность семантики языковых знаков и их организации в диктеме приводят к реализации семантики контраста, получившей развитие на протяжении всего текста [4, с. 257].

Концовку английской народной сказки характеризует непосредственная связь с действием, выражающаяся в сообщении о развязке фабулы, в некоторых случаях с включением авторской оценочной реплики; в данном исследовании концовка будет рассматриваться на материале диктемы/диктема, завершающих текст. Для примера воспользуемся концовкой сказки, приведенной ранее для анализа зачина «The Cauld Lad of Hilton»:

«I've taken your cloak, I've taken your hood;

The Cauld Lad of Hilton will do no more good.»

And with that it vanished, and was never seen or heard of afterwards.» [5, с. 215].

Данная концовка представляет собой комбинацию диктемы, выраженной языковой структурой прямой речи, отражающей непосредственные слова персонажа, и диктемы, передающей последовательность его действий, завершающей фабулу рассказа, отражающей не только непосредственную тему завершения данного случая из жизни персонажей, но и описывающей перспективу дальнейшего развития действия в виде его полной законченности. Подобная тематическая особенность диктемы выявляется в подавляющем большинстве проанализированных нами сказочных концовок, что позволяет признать за закрытой концовкой доминирующее положение в жанре сказки. Композиционно-речевая форма закрытой концовки представляет собой повествование, где равноправие эле-

ментов в логической структуре строится сочинительной синтаксической связью, с характерным акциональным тема-рематическим строем, как правило, отраженным в перечислении глаголов прошедшего времени, создающим последовательность событий. Именно для закрытого типа концовки характерно наличие языковых формул или клише, отражающих переход к будущему, как правило, счастливому: «...and they all lived happy as could be ever afterwards» (The Fish and the Ring) [5, с. 203], «...where he and his lady lived in great joy and happiness all the rest of their days» (Jack the Giant-Killer) [5, с.116], «And they lived happy all their days» (Nix Nought Nothing) [5, с.39], «And so they was happy ever arter» (Cap O'Rushes) [6, с.142], и т.п. Окончателюность финала также подчеркнута особым проявлением хронотопа, отражающего возвращение к обобщенному выражению времени, представленному в зачине: 'At Hilton Hall long years ago, there lived a Brownie that was the contrariest Brownie you ever knew' — 'was never seen or heard of afterwards' (The Cauld Lad of Hilton) [5, с. 212—215], и противопоставляющемуся времени развивающегося действия. Иными словами, особая, рамочная структура текста, создаваемая зачином и концовкой, реализуется в противопоставлении неопределенного фонового времени сказочной реальности текущему времени развития сюжета, отражающегося в последовательной смене событий.

Вариантом закрытой концовки также является подтип, выраженный диктемой или группой диктема, не несущих прогнозирующей информации по дальнейшему развитию событий, но завершающих конкретный сюжет, который формируется диктемой-повествованием как композиционно-речевой формой:

«As soon as the cat had lapped up the milk, the cat began to kill the rat; the rat began to gnaw the rope; the rope began to hang the butcher; the butcher began to kill the ox; the ox began to drink the water; the water began to quench the fire; the fire began to burn the stick; the stick began to beat the dog; the dog began to bite the pig; the little pig in a fright jumped over the stile; and so the old woman got home that night.» (The old woman and her pig) [5, с. 24].

Контраст в концовке возникает на основе конвергенции стилистических средств, состоящей из синтаксического параллелизма, усиленного особым видом повтора — анадиплосисом, устанавливающим в тексте отношения особого рода смысловой эквивалентности, создающим прозаический ритм, делающим контрастность последнего элемента в цепочке повтора, противопоставленного по диссимилятивному ритму, наиболее выразительной.

Общей микротемой для диктема, воплощающих подобный вид концовки является возвращение в исходное место повествования (чаще всего, домой), что создает отношения рамки между зачином и концовкой, проявляющиеся в общности локальной характеристики как компонента хронотопа. Для подобной концовки также характерно повествование как наиболее динамичная ре-

чевая форма, с акцентом на глаголы как носители семантики действия. Композиционная рамка противопоставляет быструю смену событий в зачине и концовке и поступательное развитие действия в основной части текста.

Исследование текстов английской народной сказки позволяет выделить еще один, менее распространенный вариант концовки, не предполагающий наличие клишированного выражения хронотопа в тексте, и, соответственно, не возвращающий читателя к обобщенному представлению времени или места, а передающий лишь окончательность данного конкретного сюжета, безотнositельно его будущего развития. Подобные концовки эксплицируют лишь окончание действия, выражаясь в диалоге персонажей, и предоставляют читателю самому сделать выводы о происходящем завершении фабулы:

«Give me my bone!»

And this teeny-tiny woman was a teeny-tiny bit more frightened, but she put her teeny-tiny head out of the teeny-tiny clothes, and said in her loudest teeny-tiny voice, «TAKE IT!» (Teeny-tiny) [5, с. 145].

Контраст в приведенной диктеме, реализуется в номинативной функции диктемы на противоположности глаголов «Give»/ «TAKE», усиленной графическими средствами, маркирующими интонационное выделение, что в совокупности с синтаксическим параллелизмом контрастивной пары и лексической избыточностью описания действий персонажа, основанной на многократном повторе, создает стилистический эффект обманутого ожидания.

Аналогичная организация языковых единиц в концовке сказки представлена и в следующем примере, где для наглядности реализации контраста приведено несколько диктем, завершающих текст сказки:

«What hast thou done with thy red lips?

All withered and wasted away.

What hast thou done with thy golden hair?

All withered and wasted away.

What hast thou done with thy Golden Arm?

THOU HAST IT!» (The Golden Arm) [5, с. 145].

Так, элемент малой вероятности, формирующий последнюю строку, противопоставлен ритму, организующему структуру предыдущих двух диктем, основанному на синтаксическом параллелизме и лексических повторах. Контраст, создаваемый в структуре последней диктемы означает нарушение непрерывности восприятия читателем текста, что создает стилистический эффект обманутого ожидания и повышает экспрессивность участка текста.

Таким образом, концовка сказки тематически представлена двумя типами: закрытый и условно-закрытый (концовка-возвращение). Выразительность контраста обоих типов формируется в диктеме, реализующей свои языковые функции во взаимодействии языковых единиц низлежащих уровней, т.е. сформированность противопоставления в смысловом плане достигается путем контрастного соположения единиц лексических, структурно-предикативных, создающих противопоставление в стилевом соотношении языковых единиц, что, в свою очередь, реализует противопоставление образов как наивысших единиц образно-персонажной структуры текста, передавая сюжетное противопоставление. Экспрессивность обоих типов концовок наиболее очевидно проявляется в контрастной реализации хронотопа, как элемента образного строя текста; если в первом случае противопоставляется текущее время и место событий его неопределенному будущему («they lived happily ever after»), то во втором типе противопоставляется текущее действие и его завершение («she returned home»). Реализуя противопоставление между поступательным развитием текущего действия и его завершением в концовке, контраст является механизмом выдвижения концовки в сильную позицию текста, организовывая импрессиивную информацию в рамках макроконтраста. Большинство концовок проанализированного материала представлено композиционно-речевой формой повествования.

Литература:

1. Винокурова И.Ж. К вопросу о вычленении зачина и концовки // Вопросы филологических наук — №4. — М.: «Спутник+», 2004 — с. 21–29.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка, ВЯ, 2000, №4, с 56–67.
3. Английские сказки: учеб. Пособие / в пересказе Д. Ривза. — М.: Астрель: АСТ, 2005. — 191 с.
4. Цветкова А.Н. Прямой и косвенный контраст в тексте английской народной сказки // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия Филология. — СПб, 2010. — Т. 1. — № 1. — С. 256–263.
5. Jacobs J. English Fairy Tales. G.P. Putnam's sons, New York, third edition, revised. 1890–277 с.
6. Народные сказки Британских островов. Сборник / Сост. Дж. Риордан. — М.: Радуга, 1987. — 368 с.

Актуализация субъекта донативного действия в макросфере «человек»

Черепанова Екатерина Анатольевна, аспирант;
Янкубаева Айсулу Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет (г. Горно-Алтайск)

Обзор лингвистической литературы и анализ фактического материала дает возможность определить донативность как функционально-семантическую категорию, которая объединяет совокупность разноуровневых средств со значением изменения свойства посессии.

Семантический аспект донативности опирается на присутствие в сознании понятийного стержня субъектно-объектного взаимодействия, функционирующего по принципу «geben — nehmen».

Функциональный аспект донативности определяется совокупностью элементов разных уровней языка, актуализирующих выше указанное инвариантное значение.

Реализация категории донативности в сфере «человек» заключается в выявлении области распространения субъектно-объектного взаимодействия, при котором субъект имеет антропоморфное содержание. Одним из основополагающих понятий при исследовании донативности является субъектность, т.е. способность являться активным началом действия, не только человека, но и иного фрагмента окружающей действительности. Отсюда вытекает обобщенное, модельное понимание субъекта, способного обладать и распоряжаться объектами, как абстрактного, так и конкретного содержания, с определенными свойствами, качествами, составляющими его специфику внутренней и внешней организации. Схематически исследуемое субъектно-объектное взаимодействие можно представить следующим образом:

$S(O) \rightarrow (O) \rightarrow \leftarrow S1(O)$, где

S — отдающий субъект, $S1$ — получающий субъект, $\rightarrow$ донативное действие субъекта S , $\leftarrow$ донативное действие субъекта $S1$.

В рамках данной статьи предстоит рассмотреть реализацию донативности с позиции субъекта S в личной, общей и институциональной сферах, образующих макросферу «человек». Человек всегда считался важнейшим и центральным объектом исследования в языкознании. Как объект лингвистического исследования он рассматривался, как многомерное, но в тоже время единое и целостное образование. Человек характеризуется как диалектическое единство двух аспектов: внешнего и внутреннего, составляющих в данном исследовании личную сферу реализации донативности. Субъектом S личной сфере может быть представлен человек, как индивидуальное образование, которая может быть рассмотрена с точки зрения человека внутреннего и внешнего.

Понятие «человек внешний» включает наружный облик человека, его поведенческие характеристики, «человек внутренний» соотносится с его духовным, ментальным миром, чувствами и эмоциями. Рассмотрим

случай актуализации донативности в сфере «человек внутренний».

(1) Eintritt nur für Verrückte, kostet den Verstand (Hesse, 194).

Пример (1) представляет потенциальное донативное действие, имеющее характер инструкции, предписания. Выражение актуализирует определенные условия для субъекта, желающего получить возможность пользоваться недоступной для него областью, взамен которой он должен добровольно лишиться личного объекта «Verstand». Ситуацию «отдать, чтобы получить» выражает глагольная лексема выражения «kosten», который описывает ситуацию обмена объектами. Субъектом S указанного в примере (1) донативного действия может стать тот, кто соответствует обозначенной контекстом характеристике «verrückt sein», что задает реализации действия принцип избирательности. Непосредственным объектом, которого должен лишиться субъект S в обмен на желаемое, является «der Verstand» — познавательные и аналитические способности человека. Таким образом, в одном донативном действии совмещаются различные сферы человеческой деятельности — физическая и ментальная.

В качестве примера совершенного донативного действия в сфере «внутренний человек» разберем следующее предложение:

(2) Er hat die ganze Verantwortung auf mich abgeladen (DAF).

Актуализация донативности в данном примере основывается на семантике глагольной лексемы «abladen», выражающей значение «разгрузить», «выгрузить», «свалить». Наименование субъекта S третьим лицом «er» и субъекта $S1$ косвенной формой первого лица «mich», позволяет трактовать выражение, как сформулированное с точки зрения субъекта-получателя. Именно по представлению $S1$ субъектно-объектное взаимодействие исключения/включения абстрактного объекта «die Verantwortung» из/в сфер (ы)у посессии субъектов протекало как «передача груза».

Рассмотрим примеры реализации донативности в сфере «внешний человек» с позиции субъекта S .

(3) ... ob der Stumpf früher ein großer oder kleiner Mann gewesen ist... da die Arme so hoch amputiert worden sind ... (Remarque, 241).

Присутствие донативности в анализируемом речевом высказывании (3) вытекает из значения глагольной лексемы «amputieren», обозначающей безвременную утрату некой части тела субъектом «der Stumpf». Физически ущемленный человек не может в полной мере проявить себя в соответствии с установленными нормами и поряд-

ками, вступать в связи и отношения с другими членами общества, включая двигательную активность и взаимодействие с окружающей средой. Субъект S представляет индивида, лишившегося части тела «die Arme», что рассматривается как нарушение психофизиологической целостности, отсутствие возможности вести полноценную жизнь, выражая модификацию содержания сферы «человек внешний».

(4) *Die Frau hat zwei Kinder verloren* (Remarque, 260).

Как уже было сказано сфера «внешний человек» включает в частности поведение человека, его проявление во взаимодействии с другими индивидами. Общество предъявляет индивиду определенную совокупность требований, а также действий, которые он должен выполнить, имея некий общественный статус, что связано с понятием социальной роли. Каждый индивид может иметь большое число статусов, и окружающие вправе ожидать от него исполнения ролей в соответствии с ними. В этом смысле статус и роль две стороны одного феномена. В приведенном примере актуализирована социально-демографическая роль субъекта S — «мать», которую он не способен исполнять в силу утраты объекта «Kinder», что обуславливает специфику данного статуса. Наличие детей требует от женщины определенного поведения, закрепленного общественными нормами и порядком. Оставшись без детей, женщина утрачивает способность реализовать имеющийся потенциальный статус матери, в связи с этим модифицируется бытийный уровень ее жизни.

Функционирование донативности в общей сфере может основываться на том, что субъект S актуализирует общность индивидов, объединенных на по профессиональной принадлежности.

(5) *Wir haben den Sterbenden im Felde den letzten Trost gespendet* (Remarque, 170).

В данном примере субъект S «wir», репрезентирует объединение индивидов. Модель субъекта S представляется как $S = S' + S' + S' \dots$. Данные субъекты идентичны в том смысле, что объединены на основе обладания определенными способностями, свойствами и качествами, которые позволяют им образовать единый субъект — «wir». Передаваемый объект представляет собой тождество равноценных объектов, утрачиваемых каждым составным субъектом S' в составе комплексного субъекта S. Модель объекта можно представить как $O = O' + O' + O' \dots$. Субъект-получатель выраженный субстантивированным причастием «die Sterbende», также представляет собой совокупность равнозначных субъектов в составе $S1$: $S1 = S' + S' + S'$. Пространственная принадлежность субъектов S и $S1$ конкретизирована через «im Felde». Проведенный анализ позволяет охарактеризовать субъекта S как дееспособных, нераненных солдат, осуществляющих действие «den Trost spenden» по отношению к субъекту $S1$, определяемого как умирающие, не способные выполнить свои профессиональные функции военных.

Общую сферу реализации донативности дополняет также социально-демографическая сфера. Здесь в качестве субъекта S выступают объединения индивидов, основанные на общих родственных, дружеских, возрастных признаках.

(6) *Wir waren alle zusammen dort, wir haben für dich bezahlt, und du bist ausgerissen* (Remarque, 282).

Субъект S также выражен местоимением «wir», но контекст выражения позволяет выявить иные признаки объединения индивидов в некую группу. Донативное действие заключается в произведении оплаты, которую совершил субъект S. Очевидно, что данное отношение взаимосвязи может быть между индивидами с близкими родственными, дружескими отношениями. Следовательно, субъект S и $S1$ представляют объединение индивидов на основе родственных, дружеских отношений. Таким образом, общая сфера актуализирует в роли субъекта S социально-демографические и профессиональные объединения индивидов.

Институциональная сфера включает в себя реализацию донативности, когда в роли субъекта S может выступать некое социальное объединение, или институт, которые выполняют определенные социально значимые функции, обеспечивающие совместное достижение целей на основе выполнения членами своих социальных ролей, обусловленных ценностями, идеалами и нормами.

(7) *Für deine Gesundheit opfert die Familie das ganze Vermögen.* (DAF)

В примере (7) субъектом S является единство индивидов, выраженное лексемой «die Familie». В данном примере «die Familie» является группой, которая готова пожертвовать своим состоянием, ради здоровья своего отдельного члена. Схема донативного действия может быть представлена традиционно: $S(O)(O)S1(O)$, где S — die Familie, O — das ganze Vermögen, $S1$ — du. Глагольная лексема актуализирует денотативную основу действия как добровольный отказ себе в чем-либо в счет блага другого.

(8) *Die Metallfabriken liefern Bronzetierte in allen Größen.* (Remarque1, 216)

Институциональная сфера реализации донативности в данном примере выражена субъектом S «die Metallfabriken», являющегося элементом материальной культуры человеческого общества, фрагментом объективной действительности, созданный человеком, способный быть действенным началом в донативности. Схему донативного действия данного речевого высказывания можно представить следующим образом: $S(O)(O)$, где S — «die Metallfabriken» (производящий и поставляющий субъект), O — «Bronzetierte» передаваемый объект, результат его деятельности. Субъект $S1$ в схеме не указан, поскольку не актуализирован контекстом предложения.

Институциональная сфера реализации донативности представляет собой более масштабную область функционирования донативности, состоящую из укрупненных совокупностей индивидов человеческого общества, являющихся сложной целостной системой, включающая различные структурные элементы.

Описанные в рамках данной статьи примеры свидетельствуют о том, что в традиционной модели донативного действия отдающий субъект S актуализируется

через макросистему человек в личном, общем и институциональном аспекте.

Литература:

1. DAF Deutsch als Fremdsprache. Wörterbuch. / Office-Bibliothek, Herausgeber: Langenscheidt-Redaktion / Dieter Götz / Günther Haensch /
2. Hesse, Hermann «Der Steppenwolf» Frankfurt am Main, Verlag 1997, 242 S.
3. Remarque, Erich Maria «Der schwarze Obelisk» 8. Auflage, 1996, Köln, 400 S.

Варианты употребления слов «заучить», «переучить» и соответствующие им эквиваленты в английском языке

Шалагина Марина Андреевна, переводчик, преподаватель английского языка
Поволжский государственный технологический университет (г. Йошкар-Ола)

Постоянное развитие различных сфер современного общества неразрывно связано с человеком, с его знаниями и деятельностью. Сегодня наличие хороших, качественных знаний и умение их применить на практике являются основой успешной карьеры и благосостояния в целом. Человек приобретает знания в результате учебы, будь то учеба на каких-то жизненных ситуациях или организованное обучение в учебном заведении. Учеба, обучение, учебное заведение — все это слова семантического поля «учеба». Огромный объем таких слов обуславливает необходимость их систематизации для упорядочения лингвистических объектов.

Рассмотрим значения слов «заучить» и «переучить» в русском языке и соответствующие им эквиваленты в английском языке.

В толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой представлено следующее значение слова «заучить»: замучить кого-либо, причинить вред кому-либо чрезмерной или бестолковой учебой [1, с. 537].

Уроки в школе, потом занятия по танцам, плаванию, стрельбе и курсы по английскому и итальянскому языкам, выполнение домашних заданий ночью. Нагрузка слишком большая для 10-летнего ребенка. Если продолжать работать в таком режиме и дальше, можно и *заучить* ребенка.

Автор обращает внимание читателя на то, что слову «заучить» соответствует также значение слова «заучивать»: старательно учить что-либо, выучивать, запоминать [1, с. 537].

Но я хочу еще раз *заучить* падежи и неправильные глаголы.

Я старательно повторяю, пытаюсь *заучить* список назусть [3].

В словаре «Мультитран» слово «заучить» переводится на английский язык идиомами «learn by heart» и «commit to memory» [4].

Согласно одному из толковых словарей английского языка, идиома «learn by heart» имеет значение «выучить что-то настолько хорошо, что это можно будет записать или процитировать, не задумываясь; запомнить что-то» [8].

One of the first things I had to *learn by heart* when I went to Maythorpe House was a poem by an Englishman, Laurence Binyon [6]. — Одной из первых вещей, которые мне пришлось *заучить* по приезду в особняк Мейторп был стих английского поэта Лоренса Биньона.

Идиома «commit to memory» также имеет значение «запоминать что-то» [8].

When we listen, we analyse, formulate judgements, *commit to memory* and learn [6]. — Когда мы слушаем, мы анализируем, составляем мнение, *запоминаем* (= *заучиваем*) и изучаем новую информацию.

Значения обеих идиом соответствуют второму значению слова «заучить» (выучивать, запоминать) [1, с. 537]. Следовательно, возможны следующие переводы русских предложений:

Но я хочу еще раз *заучить* падежи и неправильные глаголы. — But I want to *commit to memory* the cases and irregular verbs once again.

Я старательно повторяю, пытаюсь *заучить* список назусть. — I studiously repeat the information and try to *learn* the list *by heart*.

В процессе поиска соответствий первому значению слова «заучить» были просмотрены возможные переводы русских слов «замучить» и «заучиться» на английский язык. В результате анализа был сделан вывод о том, что из всех представленных в словаре соответствий наиболее точно и полно значение «замучить кого-либо, причинить вред кому-либо чрезмерной или бестолковой учебой» слова «заучить» отражает английское слово «overstudy», которое переводится как «перегрузка занятиями», «слишком много заниматься» [4].

Если продолжать работать в таком режиме и дальше, можно и *заучить* ребенка. — If you continue to study like this, you will get the child *overstudied*.

Т.Ф. Ефремова в своем словаре не дает значений слова «переучить», но перенаправляет читателя к значениям слова «переучивать»:

1) а) Учить кого-либо, сообщая знания, навыки, умения, заново или по-иному:

Гида не ищите — он сейчас дорого стоит, и с Вами возится мало кто захочет — по понятиям инструктора Вы самостоятельно уже много «нахватались», а *переучивать* и заново «ставить» Вам навыки — это солидная работа.

Кстати, персонал для ресторана из числа местных жителей лучше набирать без опыта работы, поскольку *переучивать* всегда сложнее.

б) Наставлять (оказывая влияние, заставляя усвоить что-либо) заново:

Он пришёл, послушал немного и выскочил, негодуя. Счёл, что она хочет *переучивать* его. Бесполезно было объяснять ему про поручения, обязанности.

2) Выучивать еще раз что-либо плохо заученное, непонятое и т.п. (разг.):

Мне пришлось *переучивать* текст моей роли, что не так просто, как может показаться, — сказывается многолетняя привычка к другому тексту, он как бы «мешает» при исполнении другого варианта партии.

3) Учить кого-либо больше, чем следует (разг.):

И недоучить плохо, и *переучить* плохо.

4) Обучать всех или многих:

За свою долгую жизнь Вера Александровна *переучила* грамоте всех сельских ребятишек.

5) Выучивать всё или многое (разг.):

Она *переучила* все заданные уроки и пошла гулять [2, с.84], [3].

Словарь «Мультитран» дает следующие соответствия слову «переучить» в английском языке: «to retrain» и «to teach somebody all over again» [4].

Согласно данным оксфордских словарей слово «to retrain» имеет два значения, одно из которых попадает в область настоящей работы и соответствует первому значению слову «переучить»:

1) обучить кого-то новым умениям для того, чтобы они могли выполнять другую работу [7].

As noted earlier, the lack of education and training of older workers is exacerbated by the unwillingness of government and employers *to retrain* older people [6]. — Как было указано ранее, недостаток образования и подготовки сотрудников пожилого возраста усугубляется нежеланием правительства и сотрудников *переучивать* стариков.

Словосочетание «to teach somebody all over again» — «учить кого-то чему-то еще раз, заново» также соответствует лишь первому значению слова «переучить».

Professor Strong had *to teach* his students *all over again*, because the old teacher gave them wrong information about the problem. — Профессору Стронг пришлось *переучить*

своих студентов, потому что предыдущий преподаватель предоставил им неправильную информацию по данному вопросу.

Отсутствие соответствий значений слов «to retrain» и «to teach somebody all over again» остальным значениям слова «переучить» привело к необходимости продолжить поиск соответствий другим значениям этого слова. В первую очередь были рассмотрены и проанализированы значения английских соответствий русскому слову «переучивать» — слова «to retrain» и «to reeducate» [4]. Полученные результаты не были положительными, потому что значения обоих слов (переобучать, переквалифицировать кого-то) соответствуют лишь первому значению слова «переучить». Далее было принято решение рассмотреть значения слов «to teach», «to study», «to learn» и «to relearn».

Согласно данным Оксфордского толкового словаря английского языка, глагол «relearn» имеет значение «выучить что-то заново» [7]. Иными словами, соответствует второму значению слова «переучить»:

Мне пришлось переучивать текст моей роли, что не так просто, как может показаться... — I had *to relearn* my lines, but it is not so easy as it may seem...

Третье значение глагола «переучить» — «учить кого-либо больше, чем следует», т.е. учить слишком много, перенагружать. Как было выявлено ранее, глагол «overstudy» имеет именно такое значение. Следовательно, возможен следующий перевод:

И недоучить плохо, и переучить плохо. — It is bad both when you are not well studied and *overstudied*.

Одно из значений глагола «teach» — «передавать знания кому-то, учить, обучать кого-то что-то делать» [5, с. 101]. Оно соответствует четвертому значению глагола «переучить» (обучать всех или многих) [2, с. 84].

За свою долгую жизнь Вера Александровна переучила грамоте всех сельских ребятишек. — Vera Alexandrovna *taught* all village children how to read and write during her long life.

Процесс приобретения знаний, т.е. выучивание чего-то нового, передается в английском языке с помощью глагола «learn» [5, с. 100]. С помощью местоимений *everything, anything, something, nothing*, наречия *a lot* или местоимения *all* англичане указывают на степень реализации действия (что-то, все, ничего и т.д.) [4]. Сочетание глагола «learn» с одним из этих компонентов позволяет достичь семантику, соответствующую пятому значению слова «переучить» (выучить все или многое) [2, с. 84]. Например: «to learn something — выучить что-то, т.е. какую-то часть», а «to learn a lot — выучить многое». Несмотря на простоту схемы, при переводе предложения «Она переучила все заданные уроки и пошла гулять». возникли некоторые трудности. Согласно представленной схеме, перевод должен был выглядеть так: She *learnt all* her lessons and went for a walk. В этом случае происходит нарушение семантики, т.к. в английском языке выражение «to learn a lesson» имеет значение «извлечь преподносимый

урок», а не «выучить заданные в школе уроки», и искажение смысла предложения. Словарь «Мультитран» переводит выражение «учить уроки» как «prepare lessons» или «do homework» [4]. В случае использования этих словосочетаний для перевода предложения, его смысл на английском языке сохранится в полном объеме: She *did* all

her homework and went for a walk. На основе этого примера можно сделать вывод о том, что несмотря на наличие английских соответствий русским словам, в целях избежания неточности и искажения содержания перевода, каждый конкретный случай необходимо рассматривать по-отдельности.

Сокращения:

и т.п. — и тому подобное   разг. — разговорный

т.е. — то есть   т.к. — так как

Литература:

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толковый словообразовательный словарь / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. — М.: «Русский язык», 2000. Т1: А-О. — 1209 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толковый словообразовательный словарь / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. — М.: «Русский язык», 2000. Т2: П-Я. — 1088 с.
3. Национальный корпус русского языка, 2003–1012 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ruscorgo.ru/> (дата обращения 12.02.2013)
4. Словарь Мультитран. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.multitran.ru/> (дата обращения 12.02.2013)
5. Шалагина М.А. Особенности употребления слова «Учеба» и его эквивалентов в английском языке / М.А. Шалагина // Современная филология (II): материалы междунар.заоч.науч.конф. (Уфа, январь 2013 г.). — Уфа:Лето, 2013. — 118 с.
6. British National Corpus — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения 12.02.2013)
7. Oxford dictionaries, Oxford University Press, 2013 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://oxforddictionaries.com/> (дата обращения 12.02.2013)
8. The Free Dictionary by Farlex, Farlex Inc. 2013 — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения 12.02.2013)

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Милитарная метафорическая модель, репрезентирующая концептуальное поле «современное российское образование» (на материале комментариев интернет-пользователей)

Килина Татьяна Сергеевна, магистрант
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

В работе предпринята попытка анализа такой области концептуализации как «современное российское образование» в аспекте когнитивной теории метафоры. Рассмотрена метафорическая модель «реформирование системы образования — поле военных действий», в основу которой положена антигуманистическая метафора войны.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, «концептуальный милитаризм», фрейм, прагматический потенциал, интернет-дискурс.

Образование в России всегда являлось предметом особого внимания государства. Сегодня российское образование пребывает в состоянии модернизации и активного проведения государственной реформы.

За последние два десятилетия изменения, произошедшие в образовательной сфере, затронули в целом философию образования, его глобальные цели и задачи, организационные структуры, содержание образования, подходы к разработке образовательных стандартов и учебных программ, формы и методы обеспечения качества общего образования, контроль за деятельностью образовательных учреждений, финансирование и многие другие аспекты. Ясно, что все это связано с необходимостью обеспечения конкурентоспособности России и высоких темпов экономического роста, которые требуют значительного увеличения эффективности социальной политики, формирования развитого рынка социальных услуг, в том числе, образовательных, повышение качества жизни.

Но, оценивая годы реформирования российского образования, не только специалисты, но и рядовые представители общественности отмечают, что коренная перестройка системы образования отличается сложностью, болезненностью, глубокими противоречиями. Среди общественности звучит мнение, что достижения в области модернизации не отменяют серьезных и пока не нашедших решения проблем. В частности, стремление активно использовать европейский опыт приводит к игнорированию национальных традиций. Кроме того, многие отмечают, что постоянное выдвигание новых задач, не всегда согласующихся с предшествующими, нарушение преемственности в государственной образовательной политике наносит большой вред стабильности в образо-

вании, не позволяет глубоко осмысливать и анализировать достижения и недостатки реформ.

На сегодняшний день особенно активно и остро данная проблема обсуждается посредством интернет-ресурсов на специализированных сайтах и форумах, где любой представитель общества достаточно свободно может выразить свое мнение. В настоящей работе мы представляем анализ метафорических словоупотреблений, которые оказались востребованными в комментариях интернет-пользователей, отражающих проблему состояния современного российского образования. Исследование, выполненное в данном русле, способно выявить закономерности метафорической картины современного российского образования с учетом особенностей национального менталитета и специфики конкретной исторической ситуации.

В соответствии с когнитивной теорией метафора — не только прием изображения, это способ мышления, способ восприятия и объяснения мира. Метафора социальна, она свидетельствует о том, как мир отражается в общественном сознании и как выглядит языковая картина мира. «В коммуникативной деятельности метафора — важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно анализ метафорических образов — это изучение ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания» [4, с. 7] на основе изучения метафорических моделей, понимаемых как особого рода схемы, программы, по которым человек думает и действует, постигает и представляет действительность.

Анализируя языковой материал — комментарии интернет-пользователей, размещенных на сайтах <http://pedsovet.org> [2]; <http://foro.maxbb.ru> [3]; <http://www.km.ru> [1], — мы выяснили, что широкое распространение

в интернет-дискурсе получила метафора войны, актуализирующая метафорическую модель «РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ — это ПОЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ».

Характерная особенность указанной модели заключается в том, что она обладает сильным агрессивным прагматическим потенциалом. Метафора как экспрессивное образное средство обладает воздействующей силой и значительно повышает прагматику текста. Используемые в интернет-комментариях милитарные метафоры подчеркивают антагонистический характер отношений в системе реформирования образовательной системы, акцентируют конфликтные пути решения проблем, моделируют образ угрожающей действительности и, как правило, характеризуют предмет речи с негативных сторон.

Антигуманистическая метафора войны стала достаточно распространенным способом восприятия, осмысления и оценки современных социальных реалий. Некоторые исследователи (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов) называют это явление «концептуальным милитаризмом», высвечивающимся из метафор, и связывают военизированность политического языка с милитаризацией нашего сознания, начатой еще в советскую эпоху. «Богатый военный опыт традиционно находил свое отражение в национальной ментальности, — отмечает А.П. Чудинов, — военные метафоры как бы показывали наиболее эффективный путь для решения сложных проблем общества» [4, с. 104]. Наша задача — рассмотреть специфику использования милитарных метафор в комментариях интернет-пользователей.

Охарактеризуем основные фреймы и наполняющие их слоты, которые составляют метафорическую модель «РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ — это ПОЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ».

Фрейм 1. «Война и ее особенности»

Слот 1. 1. «Места ведения боев»

В метафорических словоупотреблениях данного слота используются такие концепты исходной сферы, как *фронт, арена сражений, поле боя* и т.п.

Ср.: «Люди бьются на фронтах образования, не щадя никого и имеют свой маленький гешефт»; «А ведь целый год не было слышно известий с фронтов народного образования»; «Сфера образования в последние годы стала полем самого настоящего сражения между сторонниками его реформирования и их противниками»; «И вообще, когда вступаешь на поле боя нашего образования, обнаруживаешь огромное число разных людей, вроде бы ратующих за лучшее будущее наших детей: депутаты, чиновники, журналисты, общественные деятели, деятели культуры, ученые, преподаватели всех уровней, учителя».

Денотаты, метафорически характеризуемые как места ведения боевых действий, — сфера образования, реформирование образовательной системы. Метафорический перенос осуществляется благодаря актуализации фо-

новых сем. Так, фоновые семы «величины», «масштабности», «значительности» происходящего, а также негативные ассоциации, связанные с боевыми действиями, делают возможным использование названных военных понятий для метафорической номинации реализующихся реформ, которые ассоциируются у авторов метафор с чем-то опасным, враждебным и угрожающим.

Слот 1. 2. «Противоборствующие стороны»

Источником метафорических номинаций становятся концепты *противники, враг (враги), неприятель, противоборствующие стороны*.

Ср.: «Врага нашего образования чиновника надо бить его же оружием — бюрократизмом»; «Думаю, что если эта вакханалья в образовании не прекратится, если главный его враг Фурсенко не будет отправлен хотя бы в отставку, если не будут отменены все его дебильные нововведения, то нынешняя власть потеряет всякое доверие в народе».

Подобные метафоры используются для представления чиновников сферы образования, сторонников и идеологов реформирования, характеризуют их как враждебно настроенную силу по отношению к прежней устоявшейся образовательной системе, которая оценивается обычно с положительной стороны, подчеркивают неумение и неготовность осуществлять модернизацию образования.

Фрейм 2. «Воинские подразделения»

Названный слот представлен метафорическими выражениями, в которых в качестве источника метафорической экспансии используются военные концепты: *армия, взвод, полк, гвардия, отряд* и т.п.

Ср.: «Я думаю дело не в учителях, а в армии реформаторов и их разрушительных реформах»; «Отряд реформаторов, возглавляемый г-ном ФУРСЕНКО, разгромили систему образования».

Денотаты подобных метафор — коллектив, группа совместно действующих людей. В процессе метафорического переноса актуализируются признаки «количества», «размера»: объединение идеологов модернизации образования образно представляется в интернет-комментариях как армия или отряд. Негативные прагматические смыслы данного слота развиваются в основном при помощи контекста: использования дополнительных языковых средств, развертывания метафоры «войны».

Фрейм 3. «Военные действия и вооружение»

Слот 3. 1. «Атакующие (наступательные) действия»

В метафорах этой группы образно используются следующие номинативные единицы: *атаковать, бомбардировать, взрывать; штурм, бой, захват* и т.п.

Ср.: «Нам, учителям, нужно объединиться и начать решительную войну против разрушительных реформ образования, привнесенных к нам из Америки»; «Дать бой и спасти наше образование»; «В целом процесс захвата командных высот в системе образования парткратической элитой, проходящий, как ни странно, при молчаливом согласии оппозиционных политических сил, представляет собой

постыдное явление, которое станет тормозом развития образования и общества».

Данные метафоры используются не только для обозначения агрессивности производимых действий со стороны врага, но и действий, направленных в противовес враждебной силе. Реакционная общественность, предупреждая результаты, готова предпринять решительные меры против насаждения необдуманной и насильной модернизации образования. В метафорических словоупотреблениях развивается негативная оценочность, связанная с коннотацией необходимого силового воздействия.

Слот 3. 2. «Оборонительные действия»

Источником метафор являются концепты: *отступать, обороняться, сдать позиции, бросаться на амбразуру, выдерживать осаду* и т.п.

Ср.: «*А учителю остается обороняться*»; «*Отступление реформаторов произошло и на другом фланге: небольшой нажим, и вот уже Минобрнауки оставляет наряду с бакалавриатом и магистратурой пятилетнее образование*».

Во время метафоризации актуализируется ассоциативная сема «защита от опасных воздействий».

Слот 3. 3. «Виды вооружения»

Источниками метафорического переноса в образовательную сферу являются концепты: *бомба, орудие, мина, снаряд* и т.п.

Ср.: «*Так называемая «реформа» образования по Фурсенко закладывает «бомбы» под наше образование и безопасность нашей страны*»; «*А тут ЕГЭ, как атомная бомба*»; «*Врага нашего образования чиновника надо бить его же оружием — бюрократизмом*».

Объектами метафорических номинаций становятся непосредственно реформы в сфере образования, в том числе и ЕГЭ, а также их инициаторы, которые ассоциируются с угрозой и опасностью, так как при метафоризации актуализируются именно семы «разрушения», «уничтожения» и «вреда».

Метафоры рассматриваемого фрейма достаточно распространены в оценках интернет-пользователей. Характеризуя процессы, происходящие в сфере образования, как военные действия, авторы текстов формируют следующие прагматические смыслы:

— в системе современного образования приняты жесткие, конфликтные формы взаимодействия на всех уровнях;

— насильные действия жестоки, эгоистичны и наносят ущерб образованию.

Фрейм 4. «Итоги (результаты) военных действий»

В метафорах этого фрейма исходными концептами являются: *жертвы, разрушения, победа, поражение, захват* и пр.

Ср.: «*Российское образование в шаге от уничтожения*»; «*Отряд реформаторов, возглавляемый г-ном ФУРСЕНКО, разгромили систему образования*»; «*Но в результате всех дискуссий, ссор, дуэлей, форумов, реформ жертвами останутся наш ученик с учителем...*»

Денотативная область функционирования единиц этого слота затрагивает самые «уязвимые» сферы современного российского образования — результаты преобразований и будущее участников образовательного процесса. При метафорической характеристике реалий системы образования актуализируются прагматические смыслы «страдания» и «повреждения от чьего-либо воздействия».

Итак, как показывает анализ метафорической модели «РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ — это ПОЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ», милитарные метафоры активно используются в комментариях интернет-пользователей. Несмотря на то, что названные метафоры давно существуют и функционируют в русском языке, в настоящее время наблюдается широкое использование военной лексики в качестве источника метафорических номинаций. Судя по востребованности метафор войны, обладающих сильным агрессивным прагматическим потенциалом, можно предположить, что в ситуации реформирования обстановка в сфере образования воспринимается носителями языка как острая, критическая, кризисная. Подчеркнем: метафорическая модель отражает не объективную реальность, а восприятие этой реальности в национальном сознании, осознание реальности в социальной ментальности.

Таким образом, сегодня в обществе в целом по отношению к системе образования сложилось очень простое отношение. Трансформации в российском образовании, произошедшие в последние годы, оказались настолько если не сокрушительными, то очень значительными, что до сих пор воспринимаются как кризисные и крайне болезненные. Прежние социальные практики советского периода отвергаются, новые же не устраивают общество в своей массе. Все это вызвало ощущение растерянности, которое не скоро еще начнет преодолеваться.

Литература:

1. KM.RU Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.km.ru>.
2. Педсовет. ORG. 12-й Всероссийский интернет-педсовет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pedsovet.org>
3. Форум Российского Образования (ФОРО) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://foro.maxbb.ru>
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Анализ телевизионных новостей с позиций книги Ю.М. Лотмана «Семиотика кино и проблемы киноэстетики»

Мартыненко Марианна Геннадьевна, аспирант

Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета

Телевизионная новость — это вид журналистских произведений, в которых распространяются известия об актуальной, общественно значимой по ряду критериев информации, сохраняя при этом объективность (равновесие различных компетентных мнений), отделяя факты от мнений, не давая оценок и отвечая на вопросы: что, где, когда, как и почему произошло. Отличается от остальных новостей каналом распространения (телевидение) и дополнительными возможностями, которые этот канал предоставляет [4].

Попробуем проанализировать новостной текст с позиций книги Юрия Лотмана «Семиотика кино и проблемы киноэстетики», сравнив структуру кинофильма, представленную учёным и структуру современного новостного выпуска.

В одной из глав Ю.М. Лотман отмечает: *«Всякое искусство в той или иной мере обращается к чувству реальности у аудитории. Кино — в наибольшей мере... «чувство реальности», о котором здесь идет речь, заключается в ином: каково бы ни было происходящее на экране фантастическое событие, зритель становится его очевидцем и как бы соучастником. Поэтому, понимая сознанием ирреальность происходящего, эмоционально он относится к нему, как к подлинному событию»*.

С точки зрения новостного сюжета — это приём является одним из основных. Новостной сюжет, эффективно смонтированный, представляет собой видео, которое вовлекает зрителя в сконструированную реальность.

Редакции новостей выстраивают для себя предпочтительную картину мира, соединяя конкретные события (hardnews) — факты и явления — и вольную трактовку (softnews). СМИ ставят человека в зависимость от себя, создавая и тиражируя псевдореальность, ведь большинство людей не в состоянии проверить, что передаётся в СМИ. Оценки, которые даются СМИ, приводят к формированию стереотипов. Выпуски новостей привлекают аудиторию, потому что люди верят, что освещаемые события действительно происходят в мире в настоящий момент. На самом деле — это сконструированная реальность. В процессе отбора новостных сюжетов критериями объективности выступают интересы владельцев телеканалов, выстраивающих иерархию новостей по собственному усмотрению.

Содержательным наполнением новостного сюжета является сообщение о событии. Событийность — одно из ключевых понятий для семиотики СМИ. Считается, что, чем выше доля событийности у новости, тем эффективнее текст в целом и тем лучше этот текст выполняет свою роль информатора. Выделяются также свойства события, по-

тенциально способного превратиться в новостное (текстовое), как исключительность, неожиданность, действительность, визуальность и драматичность.

Ю.М. Лотман: *«Эмоциональная вера зрителя в подлинность показываемого на экране связывает кинематограф с одной из наиболее существенных в истории культуры проблем. Все технические усовершенствования — обоюдоострые орудия: призванные служить социальному прогрессу и общественному добру, они столь же успешно использовались и для противоположных целей. Одно из величайших достижений человечества — знаковая коммуникация — не избежало той же участи. Призванные служить информации, знаки нередко использовались с целью дезинформации. «Слово» неоднократно выступало в истории культуры как символ мудрости, знания и правды (ср. евангельское: «В начале было слово») и как синоним обмана, лжи (гамлетовское: «Слова, слова, слова», гоголевское: «Страшное царство слов вместо дел»«).*

На телевидении проблемы кинематографа получают гораздо более широкий охват: новости, которые несут совершенно разную тематику, влияют на зрителя, с одной стороны прививая ему эмоции, которые содержатся в кадре (например, агрессия и проч.), с другой стороны — вызывают чувство эмпатии.

Сегодня каждое десятое преступление совершают дети и подростки. Такие цифры были обнародованы на парламентских слушаниях в Москве 18 апреля 2005 г. На слушаниях обсуждался совместный законопроект Комитета Госдумы по делам женщин, семьи и детей и Комитета по информационной политике «О защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию». Авторы проекта подчеркивали, что культ жестокости, насилия, порнография, пропагандируемые в СМИ ведут к неосознанному желанию подростков подражать этому, способствуют закреплению определенных агрессивных стереотипов поведения, снижают уровень пороговых ограничений и запретов [1; 85].

С другой стороны, телевидение может провоцировать у людей, склонных к эмпатии, с высоким уровнем восприимчивости и с блуждающим воображением, сенсбилизацию (от лат. sensibilis — чувствительный). Этот процесс представляет собой повышение чувствительности человека к воздействию каких-либо раздражителей и стимулов. Зрители, подверженные сенсбилизации, не склонны копировать увиденную жестокость. Они, напротив, представляют себя жертвами показываемого на экране и косвенно испытывают те же негативные эмоции [1; 94].

Жестокость в новостных и информационных телепередачах оказывает самое сильное воздействие на эмоционально восприимчивых людей, поскольку все показанное на экране телевизора воспринимается ими как норма.

В то же время, тот факт, что в России постоянно происходят негативные происшествия настолько затираживаются телевидением и привычен, что многих он уже перестал волновать. Этот психологический эффект называется десенсибилизацией — снижением чувствительности и реактивности на простые стимулы и повторные, повторяющиеся воздействия. Первое столкновение с насилием, агрессией или жестокостью у любого человека вызывает страх и отвращение. В массовой коммуникации изображение драк, убийств, извращения вызывают у зрителя боль, страх, отторжение, неприятное чувство реальности демонстрируемого насилия на экране. Однако чем выше частота демонстрации насилия, тем быстрее у человека вырабатывается условный рефлекс на чужую боль, адаптация к насилию, проявляется нечувствительность (десенсибилизация) [1; 94].

Ю.М. Лотман: *«Мир кино предельно близок зрительскому облику жизни. Иллюзия реальности, как мы видели, — его неотъемлемое свойство. Однако этот мир наделен одним довольно странным признаком: это всегда не вся действительность, а лишь один ее кусок, вырезанный в размере экрана»*.

Только кино — единственно из искусств, оперирующих зрительскими образами, — может построить фигуру человека как расположенную во времени фразу. Изучение психологии восприятия живописи и скульптуры показывает, что и там взгляд скользит по тексту, создавая некоторую последовательность «чтения»».

Моделирование события в телевизионных сюжетах происходит с помощью следующих приемов: *персонификации, драматизации, фрагментации*. Суть приема персонификации заключается в описании события через ощущения участников, как героев (*персонификация*),

так и самого журналиста (*персонализация*). Маркеры использования приема персонализации — это *стендапы*. Маркеры персонификации обнаруживаются в закадровом тексте корреспондента, в котором указывается на причастность к событию конкретных лиц. Суть приема драматизации заключается в моделировании события по законам драмы, то есть в медиатексте должны быть структура и конфликт; проблема и развязка; нарастающее действие и затухающее действие; начало, середина и конец. Суть приема фрагментации — это моделирование события в форме коллажа, при этом факты и точки зрения выбираются из разных, противоречащих друг другу, источников, которые затем komponуются так, что исключается какая-либо интерпретация. Один из наиболее популярных приемов подачи информации на телевидении — «инфотеймент», акцентирующий внимание зрителей на интересных деталях события (как на уровне визуального, так и на уровне аудиального рядов); с помощью этого приема не только привлекается внимание аудитории, но и прочно закрепляется получаемая информация.

Основными структурами передачи информации в телевизионных новостных сюжетах на российском телевидении (федерального и регионального уровней) являются позитивная, нейтральная и негативная модели. Позитивная модель конструирования информации представляет собой сложный синтез телевизионных средств и новостных приемов, акцентирующих внимание на положительных аспектах деятельности субъекта новостного выпуска. Негативная модель конструирования информации представляет собой сложный синтез телевизионных средств и новостных приемов, акцентирующих внимание на негативных аспектах деятельности. Нейтральная модель конструирования основывается на использовании набора телевизионных средств и новостных приемов без обозначения акцентов в отношении субъектов новости.

Юрий Лотман выделяет два вида элементов и уровней киноязыка: маркированный и немаркированный.

Немаркированный элемент	Маркированный элемент
1. Естественная последовательность событий. Кадры следуют в порядке съемки.	1. События следуют друг за другом в последовательности, предусмотренной режиссером. Кадры переклеиваются.
2. Последовательные эпизоды механически соседствуют.	2. Последовательные эпизоды монтируются в смысловое целое.
3. Общий план (нейтральная степень приближения).	3. Очень крупный план. Крупный план. Далекий план.
4. Нейтральный ракурс (ось зрения параллельна уровню земли и перпендикулярна экрану).	4. Выраженные ракурсы (различные виды смещения оси зрения по вертикали и горизонтали).
5. Нейтральный темп движения.	5. Убыстренный темп. Замедленный темп. Остановка.
6. Горизонт кадра параллелен естественному горизонту.	6. Различные виды наклона. Перевернутый кадр.
7. Съемка неподвижной камерой.	7. Панорамная съемка (вертикальная и горизонтальная).
8. Естественное движение кадров.	8. Обратное движение кадров.
9. Недеформированная съемка кадра.	9. Применение деформирующих объективов и других способов сдвига пропорций.
10. Некомбинированная съемка	10. Комбинированные съемки.
11. Звук синхронизирован относительно изображения и не искажен.	

- 12. Изображение нейтральное по отчетливости.
- 13. Черно-белый кадр.
- 14. Позитивный кадр

- 11. Звук сдвинут или трансформирован, монтируется с изображением, а не автоматически им определяется.
- 12. Размытое изображение.
- 13. Цветной кадр.
- 14. Негативный кадр и т.д.

Интересно, что эти уровни широко используются и в новостных телесюжетах.

Ю.М. Лотман: *«При превращении вещи в зрительный образ, который, будучи закреплён средствами какого-либо материала (материала живописи, графики, кино), становится знаком, наше дальнейшее восприятие этого знака подразумевает:*

1. *Сопоставление зримого образа и соответствующего явления или вещи в жизни. Вне этого невозможно практическая ориентация с помощью зрения.*

2. *Сопоставление зримого образа с каким-либо другим таким же образом.*

3. *Сопоставление зримого образа с ним самим в другую единицу времени. В этом случае образ также воспринимается как набор различительных признаков, но для сопоставления и противопоставления вариантов берутся не образы разных объектов, а изменение одного. Такой тип смысловых различий составляет основу киносемантики. Разумеется, все три типа различия видимого объективно присущи человеческому зрению».*

Если говорить о новостях, то можно выделить их институциональный и личностный их характер. В связи с опосредованностью средствами массовой информации личностный характер медиатекста создается посредством использования таких приемов подачи информации, как персонификация и персонализация.

Также в новостях содержится явная/скрытая оценочность, которая сводится к убеждению адресата и побуждению его к определённым действиям. Оценочность в новостном материале представляет собой синтез оценок всех создателей данного медиатекста: журналиста, участников события и пр.

Ю.М. Лотман: *«Игра актёра в кинофильме в семиотическом отношении представляет собой сообще-*

ние, кодированное на трёх уровнях:

1. *Режиссерском; 2. Бытового поведения; 3. Актерской игры.*

Образ человека на экране предельно приближен к жизненному, сознательно ориентирован на удаление от театральности и искусственности. И, одновременно, он предельно — значительно более, чем на сцене и в изобразительных искусствах — семиотичен, насыщен вторичными значениями, предстаёт перед нами как знак или цепь знаков, несущих сложную систему дополнительных смыслов.

Однако ориентация «человека на экране» на максимальное сближение с «человеком в жизни» (и, в этом смысле, общая противопоставленность стереотипу «человек в искусстве» не уменьшает, а увеличивает семиотичность этого типа текстов, хотя и вносит совершенно иной тип зашифрованности).

Моделирование телевизионного новостного сообщения осуществляется с помощью следующих структурообразующих компонентов: использование различных комбинаций звука и «картинки», реализованных в форме звуковых и визуальных элементов, приемов манипулирования новостным содержанием, управлением информацией за счет переработки первичного текста, использование способов ритуализации, использование влияния на эмоции зрителей. Телевизионные новости представляют собой не только статичные структуры, обладающие стандартной внутренней формой (жанром), но и как динамичные образования, изменяющиеся под влиянием приёмов моделирования новостного содержания с помощью драматизации, персонализации, персонификации и фрагментации; использования приёмов создания эмоциональности, агрессивности, институциональности и оценочности, которыми обладает телевизионный текст.

Литература:

1. Березкина О.П. Социально-психологическое воздействие СМИ. — М.: Издательский центр «Академия», 2009.
2. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин: Издательство «ЭэстиРаамат», 1973.
3. Струкова Е.В. Приемы подачи политической PR-информации в телевизионных новостях // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: Мат-лы науч.-метод. конфер. «Университетская наука — региону». — Ставрополь, 2008.
4. Определение теленовостей // <http://valv.ru/1-opredelenie-telenovostejj.html>

Интернет-язык как средство функционирования веб-личности

Якунина Марина Леонидовна, аспирант

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

Интернет-язык стал для многих молодых людей средством общения номер один. Его главная черта — комбинирование диалогового общения и речевого взаимодействия коммуниканта с несколькими партнерами одновременно. Обычно пользователь является участником сразу нескольких бесед, вследствие этого очевидна необходимость неких имен-идентификаторов. Язык выступает тут как «единственное средство формирования и функционирования веб-контента и веб-личности, поэтому человек и общество актуализируются в Интернете в исключительно вербальной сущности» [Трофимова Г.Н. 2004, с. 9]. Роль такого персонального воплощения в виртуальном мире выполняет в первую очередь никнейм (виртуальное имя), а также вся сопутствующая ему информация (реальное имя, пол, возраст, место проживания, интересы и др.) — аккаунт. Данный тандем служит для создания целостного образа пользователя в Интернете.

В современной русской антропонимической культуре каждый человек имеет трёхчленную официальную структуру именования, представленную личным именем, отчеством и фамилией. Выбор отчества и фамилии строго регламентирован. Выбор личного имени также ограничен устойчивым реестром. Полное совпадение именований разных людей в рамках одного социума заставляет носителей имён искать дополнительные возможности самообозначения либо с помощью «хронологических маркеров» (первый — второй, младший — старший), либо с добавлением к имени прозвища. И только виртуальное пространство Интернета позволяет человеку выбрать себе имя «по вкусу», обозначив свою индивидуальность с помощью никнейма.

Стоит отметить, что толкование термина «никнейм» отсутствует в «печатных» толковых словарях, поэтому мы рассмотрели значение термина в современных электронных словарях, воспользовавшись Интернет-ресурсами.

В свободной энциклопедии Википедия «никнейм» (ник; англ. *nickname* — первоначально «кличка, прозвище», от среднеанглийского *an eke name* — «другое имя», перешедшее в одинаково звучащее «a nick name»), также сетевое имя — псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах).

В «Словоборге. Народном словаре современного русского языка» приводится толкование: «Ник — Ник — Nick. Nickname. Прозвище, псевдоним. Как правило, псевдонимы пользователи используют при общении в сетевых сообществах (чатах, форумах). Псевдоним пользователь выбирает себе сам при регистрации в сообществе».

По определению Чабаненко, «никнейм» — условное либо вымышленное имя для идентификации в сети. «Художественный образ из символов, создаваемый пользователем для общения и самопрезентации в чатах, социальных сетях и подобных ресурсах. Например: *Никнейм, юзерники/аватарки и, в меньшей степени, подпись и название дневника для меня являются важной частью восприятия сетевых собеседников. При этом если подпись всё же воспринимается как отражение не только жизненной позиции, но и настроения, то никнейм и аватар для меня — часть выражения внутренней сути существа. Почти как имя и знак*» [Чабаненко М.Г. 2007, с. 13].

Во всех дефинициях можно выделить общее: никнейм — это псевдоним со специфической сферой использования — виртуальное пространство, Интернет.

Вслед за Чабаненко, под никнеймом мы будем понимать антропоним, «неофициальное личное имя, самостоятельно присваиваемое его носителем с целью сокрытия личности, являющееся результатом креативной деятельности, используемое в различных сферах опосредованной молодёжной коммуникации, осуществляемой в письменной форме» [Чабаненко М.Г. 2007].

Никнейм следует отличать от схожих интернет-терминов: аккаунт (учётная запись пользователя), логин, аватар, а также от лингвистических терминов, связанных с функцией называния человека, его идентификации: прозвище, кличка, псевдоним, автоним, имярек.

Соотнесём данные термины с опорой на предпочитаемую дефиницию, используя материал Википедии.

Учётная запись — запись, содержащая сведения, которые пользователь сообщает о себе некоторой компьютерной системе. Как синонимы в обиходе могут использоваться варианты: учётка (разговорный) и акк (сленговый варваризм), аккаунт и эккаунт, от англ. *account* — учётная запись, личный счёт. Также иногда ошибочно используется термин логин, так как логин — это не сама учётная запись, а только её имя.

Аватар, аватара, ава, также аватарка (от англ. *avatar*), юзерпик (от англ. *user picture* — «картинка пользователя») — графическое представление пользователя, его alter ego либо игрового персонажа. Основная цель аватара — публичное графическое представление пользователя, созданное самим пользователем. Аватар является желательным (но необязательным) атрибутом участника веб-форумов, он размещается рядом с каждым постом (ответом) участника на темах форума.

Прозвище, кличка — неофициальное **имя** человека, животного, предмета и т.п. В отличие от имени, прозвище, как правило, отражает не желательные, а реальные свой-

ства и качества носителя, происхождение их носителей и прочее, а также фиксирует, таким образом, особый смысл, который имели эти свойства и качества для окружающих. Прозвища могут даваться в разные периоды жизни и во многих случаях могут быть известны довольно ограниченному кругу лиц.

Псевдоним (греч. *ψευδής* — «ложный» и греч. *ὄνομα* — «имя») — имя (антропоним), используемое человеком в той или иной публичной деятельности вместо настоящего (данного при рождении, зафиксированного в официальных документах). В западной культуре псевдонимами чаще всего пользуются деятели литературы и искусства. С распространением Интернета использование псевдонимов стало как никогда актуально: практически каждый пользователь Сети имеет псевдоним, который принято называть ником.

Авто́ним — подлинное имя человека, известного под псевдонимом.

Имяре́к (также имрек, от церк.-слав. имя рекъ) — слово, используемое в текстах молитв и других церковных текстах, а также (до начала XX века) в различного рода официальных актах, анкетах или приказных бумагах в том месте, где должно быть поставлено имя читающего молитву или пишущего документ по образцу. Состоит из существительного «имя» и глагола, образованного от корня, сохранившегося в современном русском языке в словах «изречение» и «речь». В современном русском языке употребляется (иногда иронически) вместо имени неизвестного или нарочито неназываемого лица в значении «некто», «такой-то». Например: «Неизвестно, как поведёт себя имярек, получив полностью все полномочия и всю полноту власти, понимая, что речь идёт о великом государстве» [Материал из Википедии].

Таким образом, синонимами никнейма являются логин, прозвище, псевдоним, однако последний отличаются сферой использования, а логин — часть учётной записи, которая создаётся формально для регистрации в сети, поэтому использование данных синонимов в научно-исследовательской работе исключено.

В отличие от логина, никнейм всегда несёт в себе смысл, возвращая «ониму его то исходное содержание, когда собственное имя рассказывало о собственнике» [Рут М.Э. 2001].

На выбор никнейма коммуникантом оказывает влияние ряд экстралингвистических факторов: уровень общей культуры автора, его социальное положение, сфера профессиональной деятельности и познавательных интересов, возраст, национальность, гендерная (половая) принадлежность и т.д.

И хотя Интернет-культура не имеет закреплённой традицией антропонимикона (реестра личных имён), каждый коммуникант имеет возможность выбрать себе одним в соответствии со своими социально-культурными ценностями.

Выбор никнейма целиком определяется фантазией пользователя, но, как показали небольшие исследования

психологов (психологи Интернет-журнала «Добрые советы»), плоды нашей фантазии можно классифицировать, и ниже приведены результаты такой классификации.

Классификация никнеймов с точки зрения психологии, социологии, культурологии:

2,8% пользователей общаются в Сети под именами, прямо или косвенно связанными с их семейной жизнью и отношениями с близкими людьми. Психологи считают, что такие никнеймы выбирают люди, подсознательно очень дорожающие такими связями или испытывающие проблемы с их сохранением.

4,3% никнеймов отражают какую-либо доминирующую черту характера пользователя. Такие сетевые псевдонимы выбираются подсознательно и нередко попытка спрятать за вымышленным именем свою, например, застенчивость или стеснительность, наоборот, полностью раскрывает нашу сущность.

4,2% пользователей связывают сетевое имя со своей принадлежностью к какой-либо этнической группе или региону проживания. Очевидно, что в жизни таких людей этим факторам отведено особое место.

16% пользователей просто называют себя настоящим именем, иногда слегка его изменяя. По мнению психологов, такие люди уверены в себе, не желают прятаться под маской, и наиболее открыты для общения. Однако, настоящее имя в качестве никнейма может свидетельствовать и об отсутствии фантазии его обладателя.

8,6% никнеймов — это дублирование реальных детских или взрослых прозвищ. Детское прозвище в качестве ника указывает на стремление его носителя избежать какой-либо ответственности (всё в игрушки играем!), а взрослое — о нежелании что-либо менять в этом мире и неосознанном желании соответствовать мнению и ожиданиям окружающих.

28% — это ники, так или иначе связанные с какими-либо явлениями или персонажами из области культуры. Из них 9,4% — с персонажами книг или фильмов, 8,1% — с героями сказок, компьютерных игр или с названиями популярных музыкальных групп, 6,2% — с персонажами комиксов, 4,3% — с мифологическими героями. Носители таких никнеймов однозначно ищут себе собеседника для общения «по интересам» или партнёра для совместного «побега от действительности».

По мнению психологов, только один из восьми никнеймов выбран случайно, остальные же связаны с явлениями реальной жизни пользователя или указывают на его явные или тайные желания, культурные запросы, различные притязания, фантазии и т.д. [По материалам журнала «Добрые советы». Советы психолога. <http://www.adviceskilled.ru/sovety-psikhologa>].

Процесс создания никнейма, несмотря на индивидуальный характер, отражает систему социально-культурных ценностей представителя молодёжной субкультуры. В этом смысле никнеймы характеризуются как языковые формы выражения установок их создателей.

Проанализировав «местный» языковой материал — никнеймы пользователей сайта Черёмушки.ру (<http://cheremushki19.ru/>), мы получили описанные ниже результаты.

При просмотре рубрики «Комментарии» в новостной ленте за последние полгода собрано всего 24 никнейма, так как подавляющее число комментариев написаны анонимно, то есть обозначены словом «гость». Однако замечено, что комментарии продуктивные, отличающиеся объёмом и содержанием, как правило, имеют подпись. Авторы не только заявили о

своей точке зрения, но и идентифицировались, самообозначились.

На наш взгляд, наиболее оригинальным никнеймом является Чеширский кот. Виртуальное имя привлекло внимание своеобразными высказываниями и общим творческим подходом. Комментарии данного пользователя содержат конкретные предложения по совершенствованию того или иного мероприятия, видна забота о посёлке, равнодушие к его проблемам. Пример комментария на новость об объявлении творческого конкурса администрацией посёлка:

Так же не ясно почему такое ограничение по размеру текста. Что можно вместить в 7–10 предложений? Слова «Я тебя люблю, поселок ты лучший»? А если попробовать к примеру так:

Любовь – это сложное слово
В нем много оттенков и граней
Его произносим мы снова
Из уст, из сердец и сознаний.
Поселок мы любим тебя.
Мы горды здесь жить и трудиться
Здесь любимая наша земля.
Нам так повезло здесь родиться.
Каждый день просыпаться зная
Это Родина, это мой Дом
Это Счастье и это не мало
Если чувства пылают огнем.

То уже вылетаешь за пределы формы и лишаешься права участвовать в конкурсе...

Хотелось бы, чтоб людям предоставили больше простора для творчества. А то в 5 предложений признаться в любви может недокормленный мачо с семками и пивом, но некоторым все ж есть что сказать и очень хотелось бы таких людей услышать.

Примечание: авторская орфография и пунктуация сохранены.

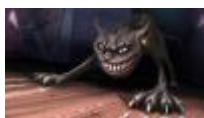

Рис. 1.

Чеширский Кот (англ. Cheshire Cat, также Масляничный Кот в переводе В. Набокова) — персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес». Постоянно улыбающийся кот, умеющий по собственному желанию телепортироваться, быстро исчезать или, наоборот, постепенно растворяться в воздухе, оставляя на прощанье лишь улыбку. («Видала я котов без улыбки. Но улыбку без кота!».. — замечание Алисы в русской анимационной экранизации книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».) Занимает Алису не только забавляющими её разговорами, но и порой чересчур досаждающими философ-

скими измышлениями. Единственный персонаж, являющийся «земляком» автора — уроженца графства Чешир (Честершир).

Активный пользователь сайта, выбрав данный никнейм, подчеркнул особенность своих комментариев — это философские рассуждения, критические замечания. После «телепортации» — выхода из сети — остаётся на прощание лишь «улыбка». Впечатление усиливает размещённая рядом аватарка.

Таким образом, никнейм как виртуальное имя собственное, условное или вымышленное компьютерное имя, художественный образ, который пользователи создают для личного общения в сети, представляет собой достаточно новое явление в ономастике. Никнейм как языковое явление — средство формирования и функционирования личности в Интернете.

Литература:

1. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. №20. — Екатеринбург, 2001.
2. Трофимова Г.Н. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2004. — С. 9.

3. Чабаненко М.Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности. Автореф. дисс... канд. фил. наук. — Кемерово, 2007.
4. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Никнейм>. / (дата обращения: 29.08.2012).
5. Wordzone — сила в знании слов. Словарь компьютерных терминов. <http://www.wordzone.ru/> (дата обращения: 10.03.2012).
6. Словоборг. Народный словарь современного русского языка. <http://slovoborg.su/> (дата обращения: 18.05.2012).
7. «Добрые советы». Советы психолога. <http://www.adviceskilled.ru/sovety-psikhologa>. (дата обращения: 12.05.2012).

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Словообразовательные форманты интенсификации в художественном языке М.А. Шолохова и способы их передачи на немецкий язык

Абдулганеева Ирина Игоревна, аспирант

Институт языка Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются словообразовательные форманты интенсификации, обуславливающие сочетание эмотивной, оценочной, экспрессивной характеристик лексической единицы, на примере художественного языка произведений М.А. Шолохова, осуществлен сопоставительный анализ русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами и их переводов на немецкий язык.

Ключевые слова: словообразовательные форманты интенсификации, коннотативный компонент, стиль М.А. Шолохова, суффиксы-интенсификаторы, способы перевода.

Национальный и духовно-культурный миропорядок каждого народа, отдельного этноса отражается в образно-оценочной системе, отраженной в лингвокультуре. Сквозь призму определенной ментальности, а затем и субъективного, денотат получает коннотацию, позволяющую «интенсифицировать» язык автора или речь отдельного индивида, то есть придать экспрессию, служить выражением чувств, эмоций, оценки. Таким образом, интенсификация выступает одним из сегментов концептуальной картины мира определенного этноса.

В семантической структуре языковой единицы различаются денотативный и коннотативный макрокомпоненты. В содержательном плане технология описания значения в современных исследованиях предполагает выделение макрокомпонентов значения слова, отражающих структуризацию значения по типам передаваемой информации. Таким образом, выделяются, денотативный (предметно-понятийная или чисто понятийная информация о внеязыковой действительности), коннотативный (отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки) и функционально-стилистический (характеристика принадлежности слова к той или иной функциональной разновидности языка)[2]. О.С. Ахманова под коннотацией понимает дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п. [1, с. 203–204]. Согласно позиции Е.Ю. Мягковой эмоциональный компонент значения слова представляет собой комплекс связанных со словом переживаний. Основными характеристиками этого комплекса будут его нерасчлененность (т.

е. невозможность выделить в «чистом виде» его составляющие и отделить их друг от друга — это можно сделать лишь гипотетически), разный уровень осознаваемости составляющих его элементов, разный уровень социальной и этнокультурной опосредованности, а также индивидуальная специфика процессов репрезентирования информации. В этом комплексе соединяются как сиюминутные субъективные впечатления, так и опосредованные культурой отношения и эмоции [5].

В нашем исследовании мы рассматриваем словообразовательные форманты интенсификации, которые «усиливают» или наоборот «ослабляют» (деинтенсификаторы) коннотативные компоненты слова. Образующими или составляющими элементами коннотативного компонента слова, как мы полагаем, выступают средства интенсификации, обуславливающие сочетание эмотивной, оценочной, экспрессивной характеристик. Словообразовательная система русского языка характеризуется огромным количеством формантов интенсификации, а именно суффиксов-интенсификаторов, отсутствующих в словообразовательной системе немецкого языка. В связи с этим возникает необходимость определения и выбора способа передачи русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами на немецкий язык, с сохранением коннотативных характеристик, авторских интенций и экспрессивности художественного произведения.

Уникальность и авторское своеобразие художественного языка М.А. Шолохова определяется широким использованием национально-специфической и эмоционально-оценочной лексики. Рассмотрим данный аргумент в контексте анализа его рассказа «Жеребенок», вошедшего в цикл произведений о гражданской войне «Донские рассказы». Высокий количественный показатель использования в данном произведении дериватов с суффиксами-

интенсификаторами является определяющим фактором, обуславливающим эмоционально-окрашенный характер художественно-композиционного начала и авторского понимания заявленной в рассказе проблематики.

Стиль М.А. Шолохова в рассказе «Жеребенок» характеризуется так называемым «регулярным» использованием дериватов с суффиксами-интенсификаторами. По нашему мнению, данные словообразовательные форманты интенсификации призваны усилить смысловую доминанту темы детства, пронизывающую произведение с самых первых до последних строк. Глубинным мотивом трагедии и жертвенности главного героя Трофима ради спасения жизни жеребенка выступает стремление автора показать экспрессией языка, эмоционально-уменьшительной образностью всю любовь к родному краю, к живому, к мирной жизни, к ее продолжению. Сопряжение в рассказе эмоционально-оценочного и трагического достигается посредством антогонистичного изложения: М.А. Шолохов описывает события кровавых годов гражданской войны, но тот фрагмент жизни, который он запечатлел в своем рассказе (рождение у кобылы Трофима жеребенка), вынуждает излагать его на языке «рождения новой жизни», на языке «детеныша». Словообразовательными формантами интенсификации, которыми автор описывает маленького жеребенка, в данном случае выступают уменьшительно-ласкательные, диминутивные суффиксы, выражающие уменьшительно-ласкательное значение и указывающие на «малость, незащищенность, уязвимость», рождая у читателя чувства бережливости, опасения за что-то хрупкое, кому требуется помощь и поддержка. Жеребенок в данном рассказе является олицетворением мира, человеческих светлых чувств любви, сострадания, ценностей детства и призыва к миру.

Правоммерно уточнить вопрос о различиях семантической структуры исходного и переводящего языка, которые определяют выбор того или иного способа перевода. Сложность семантической структуры языка — его «содержательной» стороны, состоит в том, что она оказывается системой открытой и динамичной, почти неисчерпаемой в сочетаниях и комбинациях единиц плана выражения — «материальной» стороны языка, которая представляется исчисляемой [4, с. 87]. Слово выступает как единство определенного минимума своих элементов, причем это единство подвижно, диалектично, оно может изменяться, что обеспечивается вариативностью его форм и значений [3, с. 12–16].

В свете вышесказанного обратимся к рассмотрению способов перевода русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами на немецкий язык на примере рассказа М.А. Шолохова «Жеребенок».

Среди белого дня возле навозной кучи, густо облепленной изумрудными мухами, головой вперед, с вытянутыми передними **ножонками** выбрался он из маминой утробы и прямо над собою увидел нежный, сизый, тающий **комочек** шрапнельного раз-

рыва, воющий гул кинул его мокренькое **тельце** под ноги матери. Ужас был первым чувством, изведанным тут, на земле. Вонючий град картечи с цоканьем застучал по черепичной крыше конюшни и, слегка окропив землю, заставил мать жеребенка — рыжую Трофимову **кобылицу** — вскочить на ноги и снова с коротким ржаньем привалиться вспотевшим боком к спасительной куче [6].

Am hellichten Tage, neben einem Misthaufen voll smaragdgrüner Fliegen, kroch es aus dem Mutterleib, den Kopf voran, mit vorgestreckten Vorderbeinen, und erblickte über das zarte, zergehende graublaue *Sprengwölkchen* eines Schrapnells. In dem dröhnenden Geheul warf es das nasse *Körperchen* unter den Bauch der Mutter: Grauen war seine erste Empfindung hier auf Erden. Ein stinkender Kartätschenhagel ging prasselnd auf das Ziegeldach des Pferdestalls nieder und gesprenkelte den Boden, so daß Trofims fuchsrote Stute, *die Mutter des Fohlens*, aufsprang. Kurz wieder, drückte sie ihre schützenden Haufen auf dem Boden [7, S. 213].

Данный пример демонстрирует сочетание разных способов перевода русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами. Так, дериват *ножонками* с уменьшительно-ласкательным суффиксом — *онк* на немецкий язык переведен лексемой *Vorderbeinen* (*передние ноги*), в переводе утрачено уменьшительно-ласкательное значение. По нашему мнению, переводчик мог использовать диминутивный суффикс *-chen*. Данный суффикс справедливо употреблен при переводе деривата *тельце*, при помощи которого автор подчеркивает хрупкость новорожденного, его беззащитность, коннотация оригинала сохранена. Сочетание *комочек шрапнельного разрыва* переведено лексической заменой *Sprengwölkchen* (взрывное облачко) также посредством словообразовательного форманта *-chen*.

Дериват *кобылица* переведен описательным способом *die Mutter des Fohlens*, словосочетанием дословно передано понятие «мама жеребенка», но не коннотация, заложенная в русском варианте.

Однако, лексическая единица *тельце* в конце рассказа переведена на немецкий язык нейтральной единицей *Körper*, без использования диминутивного суффикса *-chen*.

Волоком вытянул на песок ослизлое **тельце** жеребенка, всхлипывая, блевал зеленой водой, шарил по песку руками... [6].

Mühevoll zog er den schlüpfrigen *Körper* des Fohlens ans Ufer. Grünes Wasser brach er aus und krallte stöhnend die Hände in den Sand. [7, S. 223].

В русском варианте наблюдаем синтаксический параллелизм, тогда как на немецкий язык предложение переведено двумя простыми предложениями.

Наибольшую трудность для перевода представляют случаи, когда суффиксы-интенсификаторы присутствуют и в главном и в определяющем дериватах, как это видно из следующего примера.

Плыли перед глазами: эскадронный, прыгающий в яр, щербатый старовёр, крестящий шашкой политкома, в прах изрубленный москлявенький казачок, чье-то седло, облитое черной кровью, жеребенок... [6]

Er sah den Schwadronskommandeuer den Hang hinuntergaloppieren; einen Altgläubigen mit zernarbtem Gesicht, der auf den Politkommissar einhieb; einen *kleinen Kasaken* voller Hiebunden; einen mit schwarzemblut beschmierten Sattel; das Fohlen... [7, S. 218]

В данном примере речь идет о переводе реалии казак, а именно деривата с суффиксом *-ок*, сочетанием «москлявенький казачок» автор скорее выражает пренебрежительное отношение, а именно мысль, что война никого не щадит: ни бравого казака, ни бедное хрупкое животное. Перевод сочетания *москлявенький казачок* осуществлен на немецкий язык дополнительным лексическим сред-

ством, а именно использованием прилагательного *klein*, которое уже содержит семему «уменьшения, малости».

Резюмируя вышесказанное, следует отметить следующее. Словообразовательная система русского языка располагает огромным количеством словообразовательных формантов интенсификации, которые отсутствуют в немецком языке, что обуславливает проблему перевода русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами на немецкий язык. В немецком языке словообразовательными формантами интенсификации, которые наиболее часто используются в переводе, являются диминутивные суффиксы. Выявление и выбор способа перевода определяют степень эквивалентности перевода, а именно сохранение коннотативных характеристик переводимого деривата, эмоционально-экспрессивного колорита всего произведения и уникальности авторского стиля повествования.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
2. Вардзелашвили Ж.А. Коннотация и ее роль в метафоризации // Славистика в Грузии. ТГУ. Выпуск 2. Тб., 2000. [Электронный ресурс] URL: <http://vjanetta.narod.ru/slav2.html>.
3. Ивлева Г.Г. Тенденции развития слова и словарного состава (на материале немецкого языка) М.: Изд-во «Наука», 1986. — 136 с.
4. Копанев П.И., Беер Ф. Теория и практика письменного перевода. Часть I. Перевод с немецкого языка на русский: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. — Мн.: Высш.шк., 1986. — 270 с.
5. Мягкова Е.Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона. [Электронный ресурс] URL: http://iccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf.
6. Шолохов М.А. Жеребенок. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/proza/sholohow/jerebeno.txt>.
7. Scholochov M.A. «Erzählungen von Don» Dieterich, sche Verlagsbuchhandlung Leipzig, 1975. — 447 S.

Перевод терминов в сфере внешней торговли с английского на русский язык

Ванслав Марина Владимировна, старший преподаватель;

Крюковский Виктор Олегович, студент;

Дукуп Татьяна Юрьевна, студент

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнёва (г. Красноярск)

Специфика переводов текстов правовой, экономической, политической направленности с английского языка на русский требует особого подхода, т.к. здесь должны учитываться не только точность перевода, но и совпадение понятий правовых и экономических систем в этих языках, т.е. *эквивалентности*.

Исходя из данного понятия, специалисты-переводчики отмечают три степени эквивалентности перевода терминов: полное совпадение, частичное и полное несовпадение.

Термины полной эквивалентности, безусловно, являются основой правовой и экономической коммуникации на международном уровне. Слова: *аудит, импорт, экспорт* и подобные настолько прочно вошли в нашу жизнь, что уверенно употребляются без ссылки на перевод.

Совершенно понятно, что немало проблем возникает с переводом терминов, частично эквивалентным русскому, где какой-либо нюанс, не учтённый переводчиком, может негативно отразиться на юридической стороне вопроса, например: термин, имеющий несколько значений:

— provision:

- a) резерв на покрытие расходов, убытков;
- b) обеспечение;
- c) положение договора

Чаще всего этот термин употребляется в бухгалтерском учёте, реже — как юридический. Опытные юристы и таможенные специалисты отмечают, что термины, частично совпадающие с эквивалентом, требуют более внимательного подхода, т.к. они могут существенно различаться по своим второстепенным признакам. Например:

passing off в точном соответствии означает — использование отдельными фирмами в составе своих товарных знаков элементов популярных товарных знаков других фирм; в условном же соответствии, т.е. русский аналог — недобросовестная конкуренция.

Немаловажной проблемой является перевод сложных терминов, состоящих из нескольких основ существительных. Согласно правилам перевода, сначала необходимо определить, к какой категории относятся части сложного слова. Если они обозначают предметы, то первая часть слова переводится как существительное в именительном падеже единственного числа, а вторая — как существительное в родительном падеже единственного числа, например, *ships manifest* — декларация судового груза.

Иногда первый компонент слова определяет качественную особенность второго предмета: выражение *customs territory* означает *таможенная территория*, здесь первый предмет является частью второго, поэтому он переводится при помощи прилагательного.

Здесь важно знать, что несмотря на то, что компоненты сложного слова пишутся отдельно, они не являются самостоятельными словами, это лишь основы, которые не выражают число предметов, поэтому, чтобы употребить существительное в нужном числе, нужно найти английский эквивалент и по нему поставить грамматическое число. В этом случае гораздо легче переводить устойчивые терминологические сочетания, чем сложные слова — термины, потому что в устойчивых сочетаниях определить грамматическую форму можно по: суффиксу — *reasonable care*, окончанию — *related parties* или предлогу — *port of import*.

Нужно также учитывать и другие особенности, с которыми может столкнуться переводчик:

1. словосочетания, состоящие из слов с переносным значением а также лексически неделимые:

— «*tombstone ad*»

- а) «надпись на надгробном памятнике» (калькирование не передает значение данного термина);
- б) краткое объявление в специализированных изданиях о сумме и участниках займа;
- с) краткая реклама или объявление о предполагаемом выпуске именных ценных бумаг (описательный перевод);
- «*red herring*» prospectus
- а) проспект «копченой сельди» (калькирование не передает значение данного термина);
- б) предварительный вариант проспекта выпуска акций или займа (описательный перевод).

2. В некоторых профессиональных текстах слово настолько предсказуемо, что оно опускается, а его неправильное установление может привести к неточностям или искажению смысла термина, например:

3. *Financial Fraud Institute* — институт по борьбе с финансово-экономическими преступлениями;

4. *defective delivery* — поставка дефектного товара.

3. Вносят существенную путаницу и различия в использовании экономической терминологии в британском и американском вариантах английского языка. Вот характерный пример: в американском варианте экономической терминологии путевой индекс называется «*routine code*», а в Британском — «*sort code*» Бухгалтерская книга, в американском варианте называется «*private ledger*», тогда как в британском она звучит «*bought ledger*». Таким образом, при отсутствии ссылки на национальный вариант языка, может возникнуть существенное искажение в понимании текста: лексическая единица *inventory*, например, в американском варианте делового английского языка используется в значении «товарно-материальные запасы», а в британском варианте встречается исключительно в значении «инвентаризация». В то же время британский вариант термина «товарно-материальные запасы» *stock* в американском варианте используется в значении «акция».

Наибольшую трудность составляют английские экономико-правовые термины, которые не имеют эквивалентов в русском языке: так называемые *безэквивалентные*, когда в языке перевода либо не существует данного понятия, либо отсутствует его перевод. В данном случае необходимо искать термин в разных источниках и, если таковой не находится, то образовать новый, где можно использовать заимствование, калькирование, описательный перевод или создать на основе близких по значению, например:

— *securitization*:

- а) *простое заимствование*: секьюритизация;
- б) *калькирование*: ценнообумаживание, бумаживание;
- с) *описательный перевод*:

1) одна из форм привлечения финансирования путём выпуска ценных бумаг, обеспеченных активами, генерирующими стабильные денежные потоки;

2) уступка права требования (продажа) активов кредитной организации специальному юридическому лицу для последующего выпуска ценных бумаг;

Термину «*безэквивалентный*» пришло на смену более точное, на наш взгляд, определение «временно безэквивалентный» С одной стороны, оно подчеркивает, что отсутствие термина-эквивалента ни в коем случае не означает непереводимости термина и может быть решена через использование в переводе других языковых средств. С другой стороны, это определение косвенно указывает на причину безэквивалентности — временное отставание одного из языков в развитии системы понятий в той или иной области. Таким образом, необходимо отметить, что овладение экономико-правовой терминологией на иностранном языке представляет собой сложный и многосторонний процесс. В связи с этим, уже со второй половины 20-го века лингвистами обсуждается возможность создания новой науки — «терминоведения», одним из сторонников которой является А.Д. Хаютин, который, в частности, выделяет терминографическое направление для создания терминологических словарей. Важность данного

направления во внешнеторговой терминологии английского и русского языков очевидна, т.к. здесь как раз ре-

шается подбор межъязыковых лексических эквивалентов двух языков.

Литература:

1. Федотова И.Г. Юридические понятия и категории в английском языке: Толковый словарь / И.Г. Федотова, Г.П. Толстопятенко. — Дубна: Феникс+, 2008. — 360 с.
2. Федотова И.Г. Юридические понятия и категории в английском языке: Учебное пособие. Изд. 4-е, перераб. и доп. / И.Г. Федотова, Г.П. Толстопятенко. — Дубна: Феникс+, 2008. — 376 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М.: «Международные отношения», 1975.
4. Будагов Р.А. Введение в науку о языке: Учебное пособие. — М.: Добросвет-2000, 2003.
5. Вине Ж. — П., Дарбельне Ж. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978.
6. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке. — Омск, Вестник ОГУ № 6, 2002.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). — М.: Высшая школа, 1990.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. — М.: ЭТС, 2002
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., Международные отношения, 1974
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. — М., 1983.

Особенности перевода деловых писем и контрактов

Ванслав Марина Владимировна, старший преподаватель;

Ярв Ирина Вениаминовна, студент;

Ивлева Екатерина Сергеевна, студент

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск)

Среди многочисленных сложных проблем, изучаемых современным языкознанием, важное место занимает проблема лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью». С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, что делало возможным межъязыковое общение людей. Широкое распространение письменных переводов открыло людям доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение культур и литератур.

Проблема перевода и составления контрактов не случайна. В настоящее время все больше людей становятся участниками мира деловых отношений. В результате чего бизнесмены нуждаются в специалистах, обладающих знанием английского языка.

Любое серьезное деловое мероприятие может быть достигнуто с помощью контрактов и соглашений. Письменная форма является гарантией того, что различные люди, например покупатели и продавцы, будут взаимодействовать в соответствии с определенной деловой стратегией, а их интересы будут учтены партнерами.

Одним из самых востребованных видов перевода сегодня является перевод документов. Документы делятся на две основные группы:

— документы физических лиц;

— документы юридических лиц.

Перевод документов юридических лиц приобретает все большую актуальность в современных условиях глобальной экономики [1, с. 78].

Одной из особенностей перевода документов физических лиц является необходимость придания им юридической силы, их легализации для предъявления за пределами страны.

К группе документов юридических лиц, перевод которых имеет свои особенности и чаще всего вызывает затруднения, относятся контракты, договоры и страховые документы.

Необходимо отметить, что зачастую в работах по теории перевода требуется полное понимание исходного текста переводчика. Но, выдвигая такие требования, авторы не указывают какими способами можно достичь полного понимания, что вызывает негативную реакцию у переводчиков.

Далеко не всегда переводчик, даже при условии многолетней специализации, способен полностью понимать любой специальный текст, например, юридический текст по первому предъявлению.

В большинстве случаев это и не требуется, так как переводчики часто приобретают знания, необходимые для понимания исходного текста непосредственно в процессе перевода, точнее говоря на этапе анализа содержания исходного текста, предшествующем собственно переводу.

Переводчик может приобрести необходимые ему знания многими разными способами. В распоряжении переводчика находятся толковые и двуязычные словари, глоссарии, базы данных, информационно-поисковые тезаурусы, энциклопедии, корпуса текстов, законодательство, нормативные акты, личные контакты со специалистами и др. Все вышеперечисленные средства, безусловно, могут быть полезны переводчику. Но решающее значение имеет организация поиска. Последовательность, например, может быть такой. Встретив в тексте языковые единицы, представляющие собой трудность для понимания, переводчик обращается к словарям, чтобы определить соответствие данной языковой единицы понятию. [2, с.124].

Далее переводчик обращается к энциклопедиям, нормативным актам, базам данных, чтобы выяснить его признаки и отношения с другими понятиями в данной предметной области.

Далее, выяснив значение понятия, переводчик приступает к собственно переводу. Первый этап создания текста перевода предусматривает поиск и подбор переводческих соответствий для исходных терминов. В поисках соответствий понятий переводчик обращается к различным источникам информации и анализирует возможность применения найденных в них соответствий в контексте своего перевода.

Перевод договоров и контрактов имеет свои особенности, к которым относятся:

- особые построения предложений,
- специфическая лексика,
- наличие лексических шаблонов.

Все вышеперечисленное должен знать переводчик для осуществления качественного и правильного перевода. Переводчику юридических документов необходимо знать сроки выполнения заказа, предпочитаемый заказчиком перевод названий сторон, вступающих в договорные отношения, имен собственных, формат и назначение перевода. При переводе договоров и других юридических документов необходимо учитывать особенности составления юридических текстов и придерживаться установленных правил их написания.

Важно сохранить синтаксическую структуру оригинала текста настолько, насколько это возможно. Перевод договоров начинается с определения типа документа. После этого переводчик, собственно, приступает к переводу. Завершающим этапом является редактирование текста и проверка однородности используемой терминологии по всему тексту. Так же перевод договора требует особого внимания к таким деталям, как перевод названий фирм, адресов и фамилий.

Основной чертой языка деловой корреспонденции является точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии эмоциональных элементов; в них практически исключена возможность произвольного толкования существа вопроса. Поэтому основными требованиями, которым должен отвечать хороший деловой перевод, являются:

- точность — все положения, трактуемые в оригинале, должны быть изложены в переводе;
- сжатость — все положения оригинала сжато и лаконично представлены в переводе;
- ясность — сжатость и лаконичность языка перевода не должны отражаться на полноте передачи лексики оригинала;
- литературность — текст перевода должен удовлетворять общепринятым нормам литературного языка, без употребления синтаксических конструкций языка оригинала [3, с. 58]

В процессе перевода существует необходимость соблюдать определенные правила, которые помогают передавать те или иные лексические единицы, такие как термины, имена собственные или сокращения. При переводе официальных текстов языковые штампы нередко совпадают по содержанию, но отличаются по внутренней форме. Это связано с тем, что в современном русском языке меньше устоявшихся штампов, нежели в английском языке. Поэтому для того, чтобы максимально близко перевести текст, сохранив при этом синтаксические и лексические конструкции подлинника, используется прием дословного перевода языковых клише.

Особое внимание следует уделить тому, что для достижения максимально близкого перевода и соблюдения контекстуальных соответствий, в процессе перевода официальных текстов существует необходимость использования переводческих трансформаций. Принято выделять наиболее часто используемые приемы, такие как калькирование, транскрипция и реже транслитерация. Их использование обуславливается большим содержанием в тексте терминов и имен собственных. Наряду с указанными приемами достаточно часто используется прием антонимического перевода. Генерализация, наоборот, используется редко, поскольку документы требуют предельно точного перевода.

Перевод заголовка документа, если он раскрывает сущность вопроса, должен быть максимально близок к оригиналу, если же он отличается краткостью или носит рекламный характер, то переводчику следует добавить краткую аннотацию в информационных целях. Все сокращения, встречающиеся в тексте оригинала, должны быть расшифрованы в соответствии с общепринятыми правилами. Сокращения, не поддающиеся расшифровке, остаются на языке оригинала [4, с. 91].

Не изменяются и сохраняют оригинальную орфографию:

- слова и предложения не на языке оригинала;
- сокращенные наименования марок изделий и приборов;
- названия иностранных печатных изданий.

В тексте перевода обычно переводятся:

- названия частей и отделов учреждений и организаций;
- названия должностей, званий, ученых степеней, титулов;

— собственные имена и названия в соответствии с установившейся практикой.

В тексте перевода транскрибируются:

- иностранные фамилии, собственные имена и названия с учетом традиционного написания известных фамилий;
- артикли и предлоги в иностранных фамилиях;
- наименования иностранных фирм, компаний, акционерных обществ, корпораций, концернов, монополий, промышленных объединений;
- союзы и предлоги в названиях фирм;
- фирменные названия машин, приборов, химических веществ, изделий, материалов.

В тексте перевода заменяются русскими эквивалентами:

- специальные термины;
- географические названия.
- условиями. [5. с. 53].

Использование сокращений и аббревиатур типично для всех видов документов. Сокращения в контрактах используются в изобилии, существуют специальные словари, чтобы расшифровать их.

Содержание контракта также имеет определенные особенности, и они гарантируют разделение контрактов на определенные разновидности в соответствии со сферой деятельности и т.д. Очень часто контракты закодированы с помощью специальных сокращений.

Литература:

1. Аизова А.М. Основы деловой переписки. — М.: Издательский дом «Дрофа», 1996. — 304 с.
2. Слепович В.С. Деловой английский. — Мн.: ТетраСисемс, 2001. — 256 с.
3. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Филология три, 2002.
4. Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2001.
5. Косарева Т.Б. Как научиться переводить юридические документы? — М.: Дрофа, 2009. 112 с.
6. Чужакин А., Петренко К. Мир Перевода-5. Практическое пособие по устному переводу. М., 2001.

Концепт «weiblichkeit» / «женственность» в современном немецком языке

Кашкарева Ольга Николаевна, учитель английского языка
МБОУ СОШ №12 (г. Усть-Илимск, Иркутская обл.)

В рамках современной антропологической парадигмы в языкознании исследование языка проводится в его тесной связи с когнитивной деятельностью, вниманием, социальными аспектами опыта человека. В число проблем, представляющих интерес для когнитивной лингвистики, входят такие проблемы, как нахождение корреляций между когнитивными структурами и объективирующими их единицами языка, исследование структур представления знаний; объяснение роли языка в познавательной деятельности человека, в процессах концептуализации и категоризации опыта.

Суммируя все выше сказанное, можно сделать выводы, что официальная документация при переводе требует к себе повышенного внимания. Поскольку, как стандартный текст на английском языке, такая документация требует знания и умения пользоваться различными переводческими «инструментами» — переводческие трансформации. С другой стороны, тексты, выдержанные в официально-деловом стиле, требуют соблюдения определенных форм написания того или иного вида документа, принятых в каждой данной стране, будь это Америка или Британия, или Австралия, вежливых форм обращения и построения предложений.

Для грамотного перевода деловых текстов переводчику необходимо обладать знаниями об особенностях официально-делового стиля, уметь правильно выбирать и использовать переводческие приемы, необходимые для перевода тех или иных лексических единиц, и иметь обширные фоновые знания в той сфере деятельности, в которой будет функционировать переводимый документ.

Официально-деловой стиль является самым консервативным стилем в любом языке, поэтому отхождение от норм в написании или оформлении документов будет восприниматься, как невежливость, а иногда даже и оскорбление. Следовательно, переводчику в данном виде текстов следует быть особенно аккуратным, дабы не задеть чувств и достоинства Рецепторов, и не нарушить официально-делового этикета.

Категоризация как способность осуществлять категориальную классификацию предметов и явлений действительности признается одним из основных способов систематизации и организации знаний в голове человека. В соответствии с когнитивной теорией категоризации принадлежность элемента к категории определяется не наличием у него совокупности обязательных для включения в данную «категорию признаков, а на основе его сходства или подобия с прототипом.

Одним из ключевых понятий современной лингвистики является концепт. В настоящее время понятие «концепт»

находит широкое применение в различных областях науки о языке. Концепт вошел в понятийный аппарат когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, в которых за ним закрепилось содержание, определяющее его как ментальное культурно-значимое образование, опредмеченное в языковой форме. Концепт характеризует носителей лингвокультуры, отражает национальное мировидение и маркирует языковую картину мира. В современной лингвистике он используется в комплексном изучении языка, сознания и культуры, его исследование способствует выявлению особенностей языковой картины мира носителей лингвокультуры. Концепт локализуется в сознании человека и, неся в себе отпечаток культуры, объективируется в языке [1].

Понятие «концепт» в современной лингвистике имеет множество трактовок. Так, в Кратком словаре когнитивных терминов концепт — это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2].

Как показывают последние исследования, на уровне обыденного сознания женственность связана, прежде всего, с женщиной как полом биологическим, физически более слабым по сравнению с мужчиной.

Согласно социальному опросу, проведенному в г. Кишинев (2010 год) 96% женщин и 91% мужчин считают, что женственность взаимосвязана с материнством и чадолюбием.

Данную характеристику можно проследить и в немецкой лингвокультуре:

Zur Weiblichkeit gehören Begriffe wie: Liebe, Zärtlichkeit, Hingabe, Gebären, Sorgen, Nähren, auch rund, sanft, schön und lieblich. Dieses sind Eigenschaften der guten Mutter (Feminismus und Weiblichkeit — (www.wilhelm-griesinger institut.de).

Акцент на материнство в немецком культурном пространстве прослеживается уже в словарных статьях толковых словарей, что говорит о безусловной значимости материнства как составляющей женственности.

В немецкой лингвокультуре женственность ассоциируется, прежде всего, с округлыми женственными формами, а не с одеждой или причёской.

Чувственность также является одним из аспектов понятия женственности у немцев. Женщина в противоположность мужчине воспринимает окружающий мир на уровне чувств, эмоций, ощущений, поэтому чувственность часто замещает понятие женственности.

Наряду с чувственностью немцы выделяют также ряд свойств женственности, которые можно объединить общим понятием «терпение» [3].

Женственность в немецкой культуре ассоциируется с готовностью отдалиться другому, пожертвовать своими интересами на благо другого человека. В женственности нет стремления к успеху, самоутверждению, но есть способ-

ность и готовность создать условия и пространство для реализации чужих намерений и желаний (*Raum für andere schafft*), под которыми, как правило, подразумеваются желания мужчины (*dem Mann zu helfen*); женственность значит умение слушать (*zuhören zu können*) и заботиться (*Sorgen*).

Данные представления автоматически ставят женщину в положение домохозяйки. И социальная ситуация в ФРГ (как и во многих других европейских странах) ярко свидетельствует о том, что женщина имеет гораздо меньше возможностей для профессиональной самореализации. Этому способствует и до сих пор существующая практика неравной оплаты за равный труд, и отсутствие хорошо отлаженной системы детских дошкольных учреждений. Но по нашему мнению, основной причиной является не преодоленный до конца стереотип, что женщина должна выбирать между семьей и карьерой и не должна их совмещать.

Однако стоит отметить, что в связи с изменением культурных, социальных, политических, правовых, нравственно-этических ориентиров современной чрезвычайно динамичной социокультурной ситуации понимание многих, на первый взгляд, архетипических номинаций подвергается значительной трансформации, в числе которых концепт женственности.

На основании информации, заключенной в словарных дефинициях имени и слов-репрезентантов исследуемого концепта в рамках проведенного исследования, становится очевидным, что «WEIBLICHKEIT» связано в языковом сознании немцев, прежде всего, с образом привлекательной, чувственной женщины, возможно, матери с ребенком. А также понятие женственности включает в себе качества, присущие исконно только женщине и отличающие ее от мужчины.

Weiblichkeit, die; -:

1. weibliches Geschlecht, weibliches Wesen, weibliche Art.

2. (scherzh.) *Gesamtheit der [anwesenden] Frauen*: ich trinke auf das Wohl der holden W. (Duden 2006 — Deutsches Universalwörterbuch).

Weiblichkeit, die; -, -en

1. /ohne Pl.; weibliche Art, weibliches Wesen,

2. umg. a) /ohne Pl./ *Gesamtheit der (anwesenden) Frauen*, b) *Frau* (Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache, 2003).

Weiblichkeit.

Als Weiblichkeit wird im Allgemeinen all *das bezeichnet, was eine Frau ausmacht*», *was sie vom Mann unterscheidet....* Wird eher der biologische Aspekt der Weiblichkeit betont, wird *das Muttersein beziehungsweise Mütterlichkeit* eine wichtige Rolle spielen. Auch körperliche *Anziehungskraft, Attraktivität* verbinden viele Menschen mit Weiblichkeit. Werden eher die geistig-seelischen und sozialen Aspekte betont, gehören traditionellerweise zur Weiblichkeit Eigenschaften wie *Einfühlsamkeit, Gefühlsbetontheit, Kommunikationsfähigkeit* (Duden 2006 — Der Brockhaus in Text und Bild).

Также опираясь на словарные определения, можно рассматривать словосочетания «weibliches Geschlecht», «weibliches Wesen», «weibliche Art», а также прилагательное «weiblich» в качестве (контекстуальных) синонимов ключевого слова «Weiblichkeit», поскольку данная лексема означает отнесенность к женскому полу, женскому началу:

weiblich:

1. *dem gebärenden Geschlecht angehörend* /Ggs. männlich/: eine weibliche Person; die weiblichen Mitglieder, Tiere; das weibliche Geschlecht (*die Frauen*).

2. *für eine Frau typisch, charakteristisch*: eine typisch weibliche Eigenschaft; ein sehr weiblicher Duft, eine sehr weibliche (*die weiblichen Formen betonende*) Mode (Duden 2002 — Das Bedeutungswörterbuch).

fraulich:

Литература:

2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании /С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
3. КСКТ 1996 — Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 245 с.
4. Каргапольцева В.Н. Феномен женственности в контексте судьбы России рубежа веков; Особенности трансформации «женственности» с точки зрения поколений — (www.allbest.ru).

1. *in der Art einer reifen Frau*: sie ist ein fraulicher Typ; dieses Kleid ist, wirkt sehr f. (Duden 2002 — Stilwörterbuch der deutschen Sprache).

Вышесказанное позволяет выделить следующие концептуальные признаки WEIBLICHKEIT:

WEIBLICHKEIT — ANZIEHUNGSKRAFT, ATTRAKTIVITÄT.

WEIBLICHKEIT — EINFÜHLSAMKEIT, GEFÜHLSBETONTHEIT.

WEIBLICHKEIT — MÜTTERLICHKEIT.

Вышеперечисленные концептуальные признаки являются инвариантными, то есть постоянными признаками концепта «WEIBLICHKEIT» и составляют его ядро. Данные признаки отражают самое общее, стандартизированное представление немцев о «WEIBLICHKEIT».

Песенная цитата как интертекстуальная единица и ее воспроизведение (на примере немецкоязычных переводов произведений Юрия Андруховича)

Ткачивская Мария Романовна, кандидат филологических наук, доцент

Прикарпатский национальный университет имени Василия Стефаника (г. Ивано-Франковск, Украина)

Песня — это культурное наследие народа, корни которого достигают определенных часовых рамок, традиций, событий и тому подобное. Заложенный в песню внутренний голос сориентирован на разного рода реципиентов в зависимости от авторского замысла. Песни имеют особенное влияние на человека, как на ментальном, так и на чувственном уровне. Коммуникативная функция песни заключается в общении с реципиентом через явные и неумловимые «каналы» языка и мелодии, которые являются часовым и эмоциональным «посланием», релевантным достижению авторской концепции. Не только песня является элементом культуры, но и культура является зеркальным отображением в песенных текстах, что удостоверяет их взаимосвязанность.

Существует категория песен, которые не имеют «культурных границ» и экслибриса принадлежности к той или другой нации. Они воспевают общие темы, доступные и понятные любому слушателю (песни о любви к женщине, матери, природе). Есть много предпосылок творения песен (определенное событие, ситуация, случай и связанные с ними ощущения радости, грусти, разлуки, восхищения). Несмотря на это, есть много факторов внутри

культуры, которые порождают новые текстовые идеи и становятся отблеском того или другого часового измерения. Носитель такой культуры понимает причины их творения, то есть узнает провоцирующее зерно для зарождения песенных текстов.

Культуру, как и язык, чеканит народ. У каждого народа своя ментальность, творимая многими факторами (уровнем развития, местожительством (например, горная местность), сферой влияния территориальных соседей, политическим влиянием, рейтингом страны на международном уровне и тому подобное). Кроме того, существуют «закулисные» знания, чуждые для другой культуры.

Каждая культура имеет рамки «относительной предсказуемости». Умение оценить «свое», не просто известное, но и генетически близкую культурную среду на уровне предсказуемости, характерно для большинства носителей культуры. Оно является результатом «вращения культурной информации» в индивидуум. Такое вращение происходит на протяжении жизни или в определенной промежуток пребывания индивидуума в определенной среде и побуждает к выработке навыков предсказуемости. Если таким индивидуумом является

переводчик, который определенный период времени находится в культуре языка-реципиента, культурного вращающегося ему не обойти. В таком случае перед переводчиком и результатом его творения формируется гипотетичность, то есть культурная интуиция (возможность предусматривать), являющаяся результатом увиденного, услышанного, пережитого (переводчик: вращение культурной информации > гипотетичность > перевод). Если для представителя определенной культуры гипотетичность является инструментом его повседневных действий, то для переводчика она является необходимым средством в распутывании труднопереводимых конструкций. В таких случаях речь идет о перенимании на себя ответственности за правильность перевода. Ответственность за перевод нельзя путать с ответственностью за авторскую мысль, которая носит полностью другой характер. Если первое касается качества перевода, то второе — качества текста оригинала. Переводчик не имеет права поддаваться искушению, исправлять или не воспринимать мнение автора. Речь идет о праве на индивидуальное мнение каждого, и ни в коем случае о «выгораживании» автора переводчиком в рамках чужой культуры на уровне культурно отдаленных точек соприкосновения, что обычно есть нежелательным и часто недопустимым трансляторным шагом.

Ожидаемый результат — это путеводитель переводчика. Он не должен быть построен на личностных прогнозах, а в соответствии с авторским замыслом. «Перечеркивание» авторского замысла не должно оправдывать переводчика и считаться средством выхода из тупика непереводимости. Исключением есть полностью непонятная для реципиента из другой культуры периферийная информация, которая не влияет на общее содержание. Песенные тексты, заимствованные автором для оживления текста, яркости образов или изображения «закулисной информации», нередко принадлежат к периферийной информации. Потребность в закулисной информированности — это одно из перманентных желаний переводчика. Закулисная информированность — это скрытые фоновые знания, которые черпаются на протяжении длительного времени методом наблюдения, получения официальной и неофициальной информации, слухов, кривотолков, огласки и тому подобное, о которых вспоминается или намекается в тексте оригинала.

Перевод любых песенных текстов является очередным испытанием для переводчика и требует знаний культуры языка-источника. Несмотря на то, что наличие фоновых знаний принадлежит к важнейшим трансляторным узусам, у переводчика существует потребность именно в закулисных знаниях, которые часто заводят мастера перевода в дебри непереводимости.

Известный украинский писатель-постмодернист Юрий Андрухович с целью более широкого раскрытия характера героев, изображения часовых рамок реальности удаётся к цитированию в своих произведениях эстрадных песен. Они принадлежат к интертекстуальным единицам, каждая

из которых нуждается в отдельном подходе при их воспроизведении на другой язык.

Перевод интертекстуальных единиц является одним из важных звеньев переводоведения. Его исследовали такие ученые как Ю. Лотман, М. Бахтин, В. Лейч, И. Ильин, Р. Барт, Г. Блум, И. Смирнов, Н. Чуприна, Ю. Татянов, Н. Кораблева, Р. Рыжкова, В. Ротова, Н. Кобзар и др.

Термин интертекстуальность был предложен в 1969 г. Ю. Кристевой для обозначения «текстовой интеракции в пределах самого текста» [5, с. 32] на основе теории диалогичности М. Бахтина. Каждый текст — это новая ткань, сотканная из старых цитат [3, с. 418]. Через призму интертекстуальности, по мнению И. Ильина, мир восстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно лишь по принципу калейдоскопа: смешивание определенных элементов дает новые комбинации [4, с. 218]. Именно такое смешивание порождает «текстуальный метисаж» (термин М. Ткачивской). Плановая или неожиданная импровизация в сочетании разного рода текстов, компоновки взаимоисключающих текстуальных единиц, результатом которых становится их смешивание и рождения новой текстуальной помеси, что являются основным принципом «текстуального метисажа» (от «метис»; метисаж — смешивание крови). Термин «текстуальный метисаж» касается также и текстуальных неуместностей. Например, «...i Шуфик, и не валяй дурака, и как упоительны, и дорогое [1, с. 183]. Русскоязычный читатель сразу узнает песенную цитату «Как упоительны в России вечера», которая в большинстве случаев неизвестна иноязычному читателю.

Переплетение прозаических текстов с поэтическими, в том числе песенными текстами (песенно-прозаический метисаж), демонстрирует не только красочность произведений Ю. Андруховича, но и их рельефность, эффективность и выразительность, что является характерным для произведений писателя. Песенные цитаты инкрустируют ассоциацию читателя на чувственном и ментальном уровне, наглядно показывают часовое и ситуативное пространство. «Адресат делает произведение средством реализации определенной новой ситуации, которая может заключаться в том, что просматривается новая ситуация, базирующаяся на реализации других эстетичных переживаний, психических и политических влияний» [8, с. 41].

Именно это и налагает на переводчика очередную тренировку трансляторной бдительности. Переведенная песня имеет уже не два творца, а три: автора текста, композитора, который перекодировал текст на уровень музыкального восприятия (в случае, если текст был создан первым) и переводчика, который декодировал результат двух предыдущих творений. Поскольку идет речь об интертекстуальности, переводчик должен был бы на гипотетическом уровне почувствовать авторский замысел, часто только опосредствованно связанный с содержанием или мелодией. Речь идёт о часовых и ситуативных рамках, которые отсылают реципиента к определенным обстоятельствам и причинам применения именно этой песни. Часто

перед переводчиком поставлен заданием не осуществления простого текстуально перекодирования, а воспроизведения текста в совокупности с ситуацией. Для иностранного читателя цитата из песенного текста, скорее всего, является неизвестной. Её текст и звуковые ассоциации ни на что не наталкивают реципиента. Переводчику остается самому выбрать метод приближения цитаты к иностранному читателю и донесению к нему элемента культуры, зашифрованного в тексте, в том числе авторского замысла, зашифрованного в подтексте.

Переводчик — это посланник определенной культуры для осуществления важной миссии: приближения реципиента к другой культуре. Сабинэ Штёр, переводчик большинства произведений Ю. Андруховича, по-разному подходит к переводу интертекстуальных песенных текстов, используя такие способы, как:

1) транскрипция: «Любо, братцы, любо!» [2, с. 97] — нем.: «Ljubo, bratzy, ljubo!» [6, с. 87];

2) дословный перевод: «Весільна» [1, с. 120] — нем.: «Hochzeitslied» [7, с. 134];

3) графическое перенесение из оригинала в перевод («Stairway To Heaven» [2, с. 69] — «Stairway To Heaven» — [6, с. 59];

4) воспроизведение с помощью иноязычного соответствия («Ветер с моря дул, ветер с моря дул» [1, с. 260] — нем. «Azuiuro da ta ta da ta Azuiuro dam dam» [7, с. 252]);

5) произвольное воспроизведение текста: «Ветер с моря дул, ветер с моря дул, ветер с моря дул» [1, с. 183] — schtorm balschoje, schtorm balschoje [7, с. 205];

6) комбинированная реноминация с использованием объяснительного элемента «а я нашел другую» [1, с. 211] — нем.: «Iwan hat eine andere, on paschol dryguju» [7, с. 236].

В тех случаях, когда переводчик прибегает к иноязычному соответствию, речь идет не о переводческой несостоятельности, и не о желании переводчика корректировать авторский текст. Его переводческая интуиция отыскивает понятные, по его мнению, цитаты из языка перевода, которые облегчают общую картину восприятия. Это касается, например, полной замены цитаты из русской поп-музыки, которая отождествляется с немецкой песней, построенной на повторе (сравни: «Ветер с моря дул, ветер с моря дул» [1, с. 260] — нем. «Azuiuro da ta ta da ta Azuiuro dam dam» [7, с. 252]). Переводчик берет за основу итальянскую лирическую песню шестидесятых Вито Паллавичини «Azzurro», в которой идет речь о голубизне неба и любви. Основные денотаты как оригинала (море), так и перевода (небо) являются носителями признака «голубизна». Расхождение во времени популярности песни не создают для целевого читателя никаких неудобств.

Если английские песни, являющиеся иностранными

вкраплениями в текст оригинала, есть известными, не нуждаются в толковании и могут быть рассчитаны на любую иноязычную аудиторию, то русская песня «Любо, братцы, любо!» ни о чем не говорит иностранным реципиентам. В переводе они только фрагментарно представляют ее как песенную цитату.

Введение в ткань текста дополнительного объяснительного элемента в песне Нэнси «Дым сигарет с ментолом» облегчает понимание текста. Сравним: «...а я нашел другую» [1, с. 211] — нем.: «Iwan hat eine andere, on paschol dryguju» [7, с. 236]. Объяснительный элемент «Иван» помогает читателю разобраться с цитатой, потребность введения которой является инициативой переводчика, гипотетически упрощающего восприятие.

Семантически невоспроизведенной остается цитата из песни Игоря Николаева «Праздник детства». (Сравним, укр.: «Дзень раждєння празник дзєцтва» [1, с. 213] — нем.: «Djen rashdenja prasn timer djetstwa») [7, с. 238]. Использование транскрипции сохраняет графическую форму текста, но не воспроизводит образно-эмоциональную функцию.

Полная замена текста и подбор ситуативного соответствия в виде немецкоязычной песенной альтернативы предложена переводчиком при воспроизведении цитаты из песни поп-группы «Руки вверх». Сравним: «...крошка, моя я по тебя скучаю» [1, с. 210] — нем.: «heut nacht geht keiner bei uns schlafen» [7, с. 235]. Не может не удивить переводческая предусмотрительность и изобретательность в том, что обе песни имеют русский источник. Песня «Heut nacht geht keiner bei uns schlafen» принадлежит к русскому фольклору с немецким названием «Casatschok», которое является быстрее перепевом, чем переводом известной русской народной песни «Катюша». В конечном итоге, она является известной для языка-реципиента и гипотетически выполняет свою образно-эмоциональную функцию.

Следовательно, перевод песенных текстов как интертекстуальной единицы составляет достаточно большие трансляторные трудности. Применение транскрипции и соответствия из языка перевода при воспроизведении цитат из эстрадных песен теряет семантическое соответствие с текстом оригинала. Происходит отождествление с текстом своей культуры, приравнивание его элементов, принадлежащих к рамкам своего ментального пространства. Переводческая творческая активность и гипотетичность относительно получения лучшего результата проявляется при введении дополнительного комментария, который значительно облегчает понимание песенного текста, хотя не вполне отвечает оригиналу. Как видим, для перевода песенных интертекстуальных единиц важны как фоновые знания, так и переводческое творчество.

Литература:

1. Андрухович Ю. Дванадцять обручів / Ю.Андрухович. — Львів: Критика, 2003. — 323 с.
2. Андрухович Ю. Таємниця / Ю.Андрухович. — Харків: Фоліо, 2008. — 477 с.

3. Барт Г. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р.Барт/ Тэр. с фр. — Москва, 1989. — 615 с.
4. Ильин И. Интертекстуальность// Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопед. дел. — Москва, 1996. — С. 215—221.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ, 1995. — № 1. — С. 97—124.
6. Andruchowytch J. Geheimnis / J.Andruchowytch. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. — 387 s.
7. Andruchowytch J. Zwölf Ringe / J.Andruchowytch. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005. — 305s.
8. Hubig, Christoph. 1991. Rezeption und Interpretation als Handlungen. Zum Verhältnis von Rezeptionsästhetik und Hermeneutik. In: Danuser, Hermann/ Krummacher, Friedhelm (Hgg.) 1991, 37—56.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (II)

Международная заочная научная конференция
Челябинск, апрель 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.04.2013. Формат 60х90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,97. Уч.-изд. л. 8,99.

Тираж 300 экз. Заказ 71096.

Отпечатано в типографии «Два комсомольца»

454008, г. Челябинск, пр. Комсомольский, д. 2